
ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
3
22
Copyrighted material

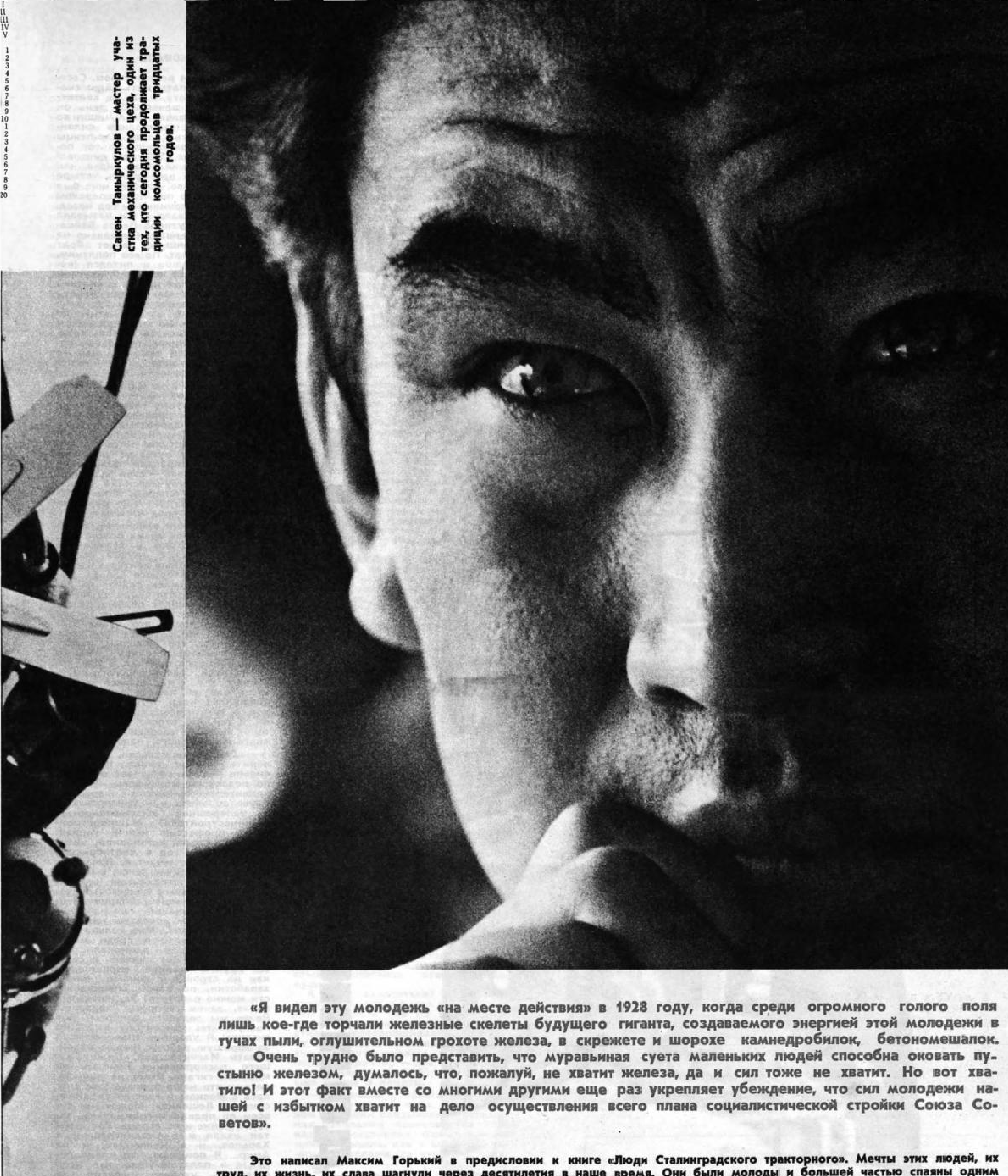
Юрий ЛУШИН

Фото Г. КОПОСОВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

В сборочном цехе Павлодарского тракторного завода.

Сакен Таныркулов — мастер участка механического цеха, один из тех, кто сегодня продолжает традиции комсомольцев тридцатых годов.

«Я видел эту молодежь «на месте действия» в 1928 году, когда среди огромного голого поля лишь кое-где торчали железные скелеты будущего гиганта, создаваемого энергией этой молодежи в тучах пыли, оглушительном грохоте железа, в скрежете и шорохе камнедробилок, бетономешалок.

Очень трудно было представить, что муравьиная суета маленьких людей способна оковать пустыню железом, думалось, что, пожалуй, не хватит железа, да и сил тоже не хватит. Но вот хватило! И этот факт вместе со многими другими еще раз укрепляет убеждение, что сил молодежи нашей с избытком хватит на дело осуществления всего плана социалистической стройки Союза Советов».

Это написал Максим Горький в предисловии к книге «Люди Сталинградского тракторного». Мечты этих людей, их труд, их жизнь, их слава шагнули через десятилетия в наше время. Они были молоды и большей частью спаяны одним звенящим словом — комсомол. Они были полны решимости дать России те самые 100 тысяч «первоклассных тракторов», о которых мечтал Ленин, они понимали, что в этом будущее России. Их будущее. Сейчас это уже вчерашний день: на полях страны более миллиона семисот тысяч тракторов. Но мечты не знают предела. Комсомольцы Павлодарского тракторного завода, дети и даже внуки тех людей, о которых писал Горький, тоже выпустили первый трактор. На нем марка «Казахстан». Социалистическая стройка Союза Советов продолжается. И комсомол снова на передовых позициях.

В 1931 году комсомол был награжден орденом Трудового Красного Знамени «За проявленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивающих успешное выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства страны».

Живы традиции молодых строителей тридцатых годов. И орден, завоеванный в трудовых битвах первой пятилетки, освещает сегодняшние будни комсомолии.

Copyrighted material

50

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Главный конвейер.

КОВАЛЬ

Бежать Иван решил утром. Сестренки будут спать, мать уйдет снова искать работу, и его не хватятся до самого вечера. За день он успеет уйти далеко. Мальчишки во все времена отличались склонностью искать перо Жар-птицы или Остров сокровищ. Но тот побег, в голодном 1920 году, диктовала другая логика. Иван видел, как трудно матери прокормить четыре рта. Другое дело, если бы жив был отец. Но где-то под Новохоперском зарубили его деникинцы год назад, и не стало Коваля — так называла вся слобода кузнеца Петра Байцерова. Иван слышал, что далеко на Волге, в Царицыне, живет брат отца, дядя Игнат. По его понятиям, дядя жил хорошо и питался (неслыханное дело) колбасой, кругляк которой прислал как-то с оказией и им. К тому же у дяди Игната был сын, тоже Иван, как будто бы очень похожий на его отца, но только хромой. По этим признакам и надеялся отыскать Коваль-младший родственников, поскольку адреса не знал. С тем и вышел на шпалы, имея запас харчей — целый карман семечек.

— Добрался я до Царицына зайцем, а через два года чудом нашел дядю. Жилось тому тоже несладко. Пришлось мне продавать на улицах газеты, зарабатывая билет на обратный путь. Вернулся домой. Поступил в пастухи, потом на железную дорогу путевым рабочим. И, наконец, оправдал фамильное прозвище Коваль — стал кузнецом в совхозе «Тулучеевский» (существует ли он теперь?). Я не предполагал, что судьба еще раз приведет меня в город на Волге.

Иван Петрович замолкает. И мы сидим некоторое время просто так, молчим и смотрим в сумеречное окно, туда, где с трудом можно различить неясные контуры Павлодарского тракторного завода. Наверное, мы думаем сейчас об одном и том же. Что скоро из заводских ворот выйдет первый казахстанский трактор и что в жизни Ивана Петровича это будет уже четвертый пуск. Я все стараюсь представить его молодым, комсомольцем-семитысячником, каким Иван Байцеров приехал в 1930 году на пуск Сталинградского тракторного. И еще мне хочется узнать, что думает он, комсомолец тех лет, коммунист Иван Петрович Байцеров, о комсомольцах моего времени, о тех, кто строит Усть-Илим и ищет нефть, о молодежи Павлодарского тракторного, наконец?

— Да, жизнь молодая, что и говорить, лучше пошла. Комсомол сильно вырос,— отвечает он словно, подслушав мои мысли.— Ничего удивительного — эпоха требует. Разве сравнить мои университеты с теперешней образованностью машиностроителя? Машиностроитель — профессия нынче гордая. Нам и праздник установили, который каждый год в сентябрьское воскресенье отмечается. Почет заслуженный. Сейчас здесь, в Павлодаре, монтируются такие станки, какие нам, старым машиностроителям, и не снились. Современный рабочий без знаний — не рабочий. По этой части молодежь нас здорово перекрыла. Мне только кажется, что кое-кто среди молодых стал как-то рационалистичнее, что ли. Вот читаю в газете. Группа парней спрашивает: как на стройке с жильем, какие заработки, по какой специальности можно работать? Эх, жизнь молодая, зачем вопросы задавать! Разве мы задавали вопросы? Вот послушайте: «Директору мирового гиганта! Я ударник. Имею премии за хорошую работу. Желаю буксировать Магнитострой. Прошу вашего распоряжения прибыть на мировой гигант. Ответ не пишите, потому что наша бригада уже снялась с Москвы и едет до вас. Комсомолец Лещенко». Может, не совсем по правилам грамматики, зато искренне и от сердца. Вот и мы так ехали и в Сталинград, и в Харьков, и в Челябинск, и на Амур... Я понимаю, что время бараков и палаток ушло, что надо создавать удобные условия для жизни, но все-таки... Вот приехали мы, семитысячники, в Сталинград делать трактора. Но разве могли мы отдыхать, если наши товарищи взялись строить кинотеатр? Да мне бы совесть не позволила войти в него, если бы я хоть кирпич не вложил в это дело! А как строили! Какие там краны... В помине их не было. Кирпичи таскали на себе с помощью такого хитрого приспособления — «козы». Все вот этими руками.

Copyrighted material

И Иван Петрович резко протянул вперед ладони натруженных рук.

— Бывало так: до конца смены подчаса, а мой сменщик стоит уже за спиной, ждет гудка, чтоб не потерять ни минуты. Это не похвальба — так было. И я некоторое время тоже ревниво слежу, как он начал. Потом пишу мелом на щите: «Я сделал 500 шатунов. Попробуй догони». Утром прихожу, вижу надпись под моей: «Сделал 505 штук. Попробуй догони». Ах ты, черт возьми, я ж тебя догоню! Вся жизнь была на заводе. Неважно, рядовой ли ты рабочий, мастер или инженер. Ты лично ответствен за завод, потому что он твой. В немецкой газете какой-то фон Мюллер писал тогда: «Хватаешься за голову! Верховные комиссары всерьез полагают, что семь тысяч необученных подростков, среди них 35 процентов девушек, смогут сегодня-завтра скопировать методы Форда, основанные на опыте целого поколения...» Это о нас он писал...

17 июня 1930 года с конвейера СТЗ сошел первый трактор. Конечно, поставь его рядом с «ДТ-75М», который делается здесь,— карликом покажется. Павлодарский красавец превзойдет по всем статьям однотипный американский «Аллис Чалмерс» и итальянский «Фиат», которые считаются лучшими тракторами в мире. А у того, первого сталинградского, было всего-то 30 лошадиных сил. Но ведь первый же! И мы, комсомольцы СТЗ, тогда себя именинниками чувствовали. Прошло еще полгода, и мы снова ходили именинниками: комсомол наградили вторым орденом — Трудового Красного Знамени. И каждый из нас сиял так, будто лично ему вручили тот орден... Потом, когда в Сталинграде все вошло в колею, я выпускал челябинский трактор. Там полегче было. А самый трудный был, пожалуй, алтайский. Потому что завод в Рубцовске строили в войну, кадров не хватало, а трактора сельскому хозяйству нужны были не меньше, чем танки фронту.

На Алтае я поднялся аж до заместителя начальника цеха. Но, смотрю, молодежь на завод пошла умная, энергичная. Чувствую, начинаю мешать. А тормозом себя считать не привык. Решил уйти на пенсию, поскольку считал, что заслужил. Проводили с почетом и с охапкой разных торжественных грамот и адресов. Однако жизнь не та пошла. Днем огород, репка-сурепка, вечером скамеечка, газеты. Обсуждаем мировые проблемы. Но не то, все не то. Не хватает мне цеха, кузницы не хватает. Не выдержал, сорвался. И вот — сюда. Предложили: пойдешь в кузнечно-прессовый старшим мастером? Какой деликатный вопрос! Пойду, конечно...

МАТРИАРХАТ

Посмотришь вокруг — лица все молодые. Голубые станки и разноцветные косынки. Прямо цветник какой-то. Здесь работают гордые девчонки. Есть, впрочем, и парни во втором механическом цехе, но в явном меньшинстве. Лично я там работать тоже не согласился бы. Судите сами. Стоишь у станка, а по тебе из-под этих самых косынок залпами — карие, синие, серые... Попробуй-ка выполни план при такой канонаде. А руководители цеха гадают, почему у парней случается брак. Верховная власть опять же у кого? У этих самых косынок. Захожу на участок Авенира Никитовича Целищева. В конторке над стенгазетой «Станочник» трудится редколлегия — Лариса Турчак, Люда Черныш и Люба Сидоренко. Замечаете? Полный матриархат. Номинально числится еще, правда, Гена Шмак. Но его нет. А девчонки уже сочиняют едкую подпись к не очень изящному портрету какого-то Вити. Да что им Витя! Однажды про самого начальника цеха товарища Прищенко Анатолия Константиновича знаете какие дерзкие слова написали: «Но, увы, это только обещания». Вот так прямо и написали. Это когда не ладилось что-то с деталью 77-55-130, в просторечии именуемой «стаканом». Столько мороки с ним было. Тогда дело до того дошло, что начальник цеха жаловался парторгу Николаю Филипповичу Криштафовичу. Но тот тоже только руками развел — ничего не могу сделать, они и меня критиковали.

И девчонки-то почти все после школы. Тут, на заводе, и специальность получили. А когда проходило торжественное посвящение молодежи второго механического в рабочий класс, тот же начальник цеха поздравлял девчонок. Ну никакой логики! Сам себе, можно сказать, могилу копает. Потом старейшие рабочие вручили пролетарское Красное Знамя. Его не завоевывают, его передают на наиболее трудные участки производства, а цех таким считается и сейчас. И знамя опять-таки принимали Лена Белова и комсорг участка Галя Звинцева. Встречаю как-то Галю. Идет с большой книжкой. «Учебник комбайнера». Спрашиваю: «Зачем это тебе?» «А так»,— отвечает. Так да не так. Это она, оказывается, к лету готовится. Когда поедет в подшефный совхоз, будет комбайном управлять. А какой-нибудь Витя будет сзади в пыльном копнителе трястись. И что ей, кроме курсов комбайнеров, техникума мало? На работе вообще сплошное неравноправие. Цех делает очень сложный узел трактора — усилитель крутящего момента — УКМ сокращенно. Как бы вам объяснить, что это такое? Тянет, к примеру, трактор за собой какой-нибудь тяжелый груз, а перед ним болото либо пригорок. Надо переключать скорость и переходить на пониженную передачу. На павлодарском тракторе не придется останавливаться, а потом уже рвать с места. УКМ позволит это сделать на ходу и поможет машине преодолеть перегрузку. Этот УКМ впору хоть на космический корабль ставить, потому что в нем есть детали, которые надо выполнять с точностью до десятитысячных долей миллиметра. Но вся эта деликатная, тонкая работа достается девчонкам. А парням, пожалуйста,— водило, деталь громоздкая и тяжелая. И возни сколько. Нет, лично я в таком цехе работать не согласился бы.

О матриархате я мог бы писать бесконечно, но чувство солидарности, лишь оно одно, настоятельно требует сказать хотя бы два слова о мужчинах.

ПАТРИАРХАТ

В цехе рам мне прямо так и сказали: «Подумаешь, УКМ!.. Надо еще разобраться, что главнее. Куда его ставить без рамы-то?»

Я понял, что если тут же, сейчас, немедленно не соглашусь, путь сюда мне будет закрыт. А потом действительно — трактор без рамы не соберешь, а ее делают тут вот эти мужественные парни. Есть, впрочем, и девчонки, но в явном меньшинстве. И обстановка здесь какая-то здоровая. Сразу при входе висит красочный плакат: «Молния! Пламенный привет передовикам производства нашего цеха — Пологову Н., Сафронову В., Кулиничеву А., Антонюк А., Суховарову Д., Шведову В., Ильиновy В.». И мелким набором внизу — «сумевшим собрать и сварить за смену 11 рам». Эти слова можно было бы вообще не писать, поскольку всем в цехе и без того ясно, за что пламенный привет.

Вхожу в цех. Ну до чего приятная картина! Девушка старательно поливает из шланга бетонный пол, а двое парней общими усилиями откручивают вентиль.

— Ничего себе работка,— говорю вполне доброжелательно.

— Не работка, а цех делаем чистым,— заносчиво отвечает девушка.

А чего заноситься? Через несколько минут я видел тех же парней (одолели все же вентиль) с метлами. И вообще весь цех чистился и прихорашивался, поскольку на носу было великое событие — выпуск первого трактора. А первый трактор — это, естественно, первая рама, сборка которой еще свежа в памяти.

— Не знали, с какого боку подступиться к ней, чуть ли не языком пылинки слизывали,— вспоминал начальник производства Геннадий Николаевич Фомичев.— Но ничего, вышло, как в сказке. С такими-то орлами, да чтоб не получилось!

«Орлы» стояли тут же рядом — комсорг цеха чернобровый красавец Владимир Шведов и белокурый, хрупкий с виду (сразу не угадаешь классного футболиста) Леонид Маслобоев. Снисходительно улыбаясь, они сказали: «Наладчики мы». И по тому, как они это сказали, я понял, что любое сравнение, даже орлы, рядом с этим словом бледнеет. Наладчик на Павлодарском тракторном звучит гордо. Наладчик на вес золота.

Они были первыми, Владимир Шведов и его товарищи — всего 16 человек. В кармане гимнастерки у каждого лежала комсомольская путевка и приказ о демобилизации. А за плечами был кое-какой опыт в монтажных работах, или в радиотехнике, или в выращивании свеклы. Но о тракторе понятия ни малейшего. Их привели в громадный цех, по пустым пролетам которого в тоске слонялся инженер — единственная в ту пору штатная единица. А на следующий день все уехали на Волгоградский тракторный завод — учиться наладке. Но оказалось, что многое из того нового, что есть в Павлодаре, там еще не установлено или находится в процессе освоения. Это лишь подхлестнуло интерес и самолюбие ребят. Вернувшись с учебы, они работают и сварщиками, и сборщиками, и слесарями. Первые рамы выпускаются почти на одном энтузиазме. Но мало их очень. Без автоматов не обойтись. И до поздней ночи светятся окна общежития: наладчики разгадывают сложные схемы приборов и штудируют книги по автоматике. Учатся, ошибаются, переживают, но побеждают. Они привыкли побеждать. Утром очередной автомат начинает творить чудеса. На кончиках электродов зажигается маленькое солнце, и вдоль стыка ложится чистый, блестящий, отполированный шов. Никакому королю ручной сварки такого шва не сделать. Вот что значит умная наладка. Парни «перекуривают это дело» и подступают к следующему «сфинксу».

Напоследок задаю Шведову вопрос:

— Справитесь?

— Конечно,— серьезно отвечает он.— Парни такие все — без болтовни.

Лучше сказать о патриархате невозможно.

ЗАВОДЧИК ВИТЮША ЛОБАНОВ

— Сколько же тебе лет?

— Девятнадцать. А что, хорошо сохранился? Я ведь не весь срок сидел. Дали два, а вышел через год и четыре дня. Амнистия.

Я смотрю в его открытое детское лицо, на великоватую спецовку, из которой торчат худые руки в ссадинах, и никак не могу представить его хулиганом и дебоширом. А ведь было. Пил, сквернословил, дрался и, наконец, украл.

Гоша Колышпаев с дружинниками обнаружил его на Павлодарском вокзале. Сидит в уголке на своем чемоданчике, неумытый, чувствуется, не выспавшийся. Смотрит зверьком.

— Куда едешь, отец?— пошутил Гоша. Паренек взглянул на красные повязки, привычным жестом подал справку:

— Лобанов Виктор Георгиевич... по амнистии.

— Ясно. А куда все-таки?

— Сюда хотел, заводчиком. Да не знаю, возьмут ли...

— Кем, кем?

— Ну, заводчиком. На завод хочу...

— Вот теперь понятно. Пойдем-ка с нами, Виктор Георгиевич. В штабе переспишь на диванчике, а утром посмотрим.

Утром командир дружины уговаривал секретаря комсомольского бюро тракторного завода Олега Жгута:

— Нельзя нам его упускать, понимаешь. Пропадает пацан. Ему и так в одном месте отказали уже. Но веры в людей он еще не растерял. Куда он пойдет? Ни отца, ни матери, ни родных. То есть существует, наверное, где-то мать, раз сумела забыть его на крыльце шестимесячным. Всю жизнь по детдомам. Семь лет учили его наукам, дали специальность тракториста-комбайнера, а жизни не научили. В 17 лет — собственные деньги и «друзья» (попадись они мне!). Однажды напился, полез драться, но куда ему — воробей. Избили его, а он в отместку стянул из общежития брюки. Дурак был — сам говорит. И вот финал. Но ты, Олег, посмотри, что он через все это пронес.— Гоша положил на стол комсомольский билет.

— Ты что же, хочешь, чтобы мы его комсомольцем оставили? Это уж слишком.

— Для него это — святое, Олег,— сказал Гоша серьезно.— Да посмотри ты на него. Хороший пацан. Солист. Кучу грамот имеет за художественную самодеятельность. Головой за него отвечаю.

— Головой, пожалуй, не стоит. Зови своего солиста. Посмотрим...

Мы идем вдоль главного конвейера, вдоль двух его параллельных лент, или, по-рабочему, ниток. На каждой нитке разместятся тракторы, которые будут медленно двигаться через весь цех, обрастая по пути деталями. В самом начале — голая рама, в конце — готовый, даже заправленный трактор. Эти премудрости объясняет мне Лобанов, и юное его лицо прямо светится от сознания того, что он все знает. Где-то здесь, на сборке, будет и его место. Ему все равно где, потому что в Волгограде, куда его посылали учиться, он работал на всех операциях. Как ни странно, он был и заводчиком. Оказывается, есть и такая операция — заводить новый трактор и слушать, как он работает. А в последний месяц его поставили даже бригадиром. Правда, в бригаде было всего два человека, но все равно... До отъезда в Волгоград Виктор так и жил в комсомольском штабе дружинников, где его отечески опекал Гоша Колышпаев.

— А как приехали, сразу общежитие мне дали, билет комсомольский обменяли. Иван Николаевич Соловьев, начальник главного конвейера, говорит, что я свободно могу поступить в школу мастеров при заводе. Я тоже так думаю,— добавляет он солидно.

* * *

На следующий день я уехал. А когда написал уже этот репортаж, узнал, что первый трактор Павлодарский завод выпустил. Я записал стихи, которыми должны были напутствовать первенца.

Бейтесь, сердца, за ударом удар!
Кровь, клокочи в натруженной вене.
Первый трактор дает Павлодар,
Сделанный нами всеми!

Иван Петрович Байцеров с комсомольцами завода.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2153)

28 СЕНТЯБРЯ 1968

Copyrighted material

ВПЕРВЫЕ В МИРЕ СОВЕТСКИЙ КОСМИЧЕСКИЙ АППАРАТ, ОБЛЕТЕВ ЛУНУ, УСПЕШНО ВОЗВРАТИЛСЯ НА ЗЕМЛЮ СО ВТОРОЙ КОСМИЧЕСКОЙ СКОРОСТЬЮ.

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ.

ШТУРМ КОСМОСА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Ю. ЛИПСКИЙ,
профессор, доктор
физико-математических наук

Советская автоматическая станция «Зонд-5» благополучно вернулась на Землю. Мы с законной гордостью отмечаем еще одну грандиозную победу отечественной науки и техники. Именно в нашей стране был создан космический аппарат, впервые в истории науки стартовавший с поверхности Земли, облетевший другое небесное тело — Луну — и вернувшийся обратно, доставив в полной сохранности сложный комплекс научной аппаратуры и результаты проведенных исследований. Такого эксперимента история земной цивилизации еще не знала.

Успешное выполнение программы автоматической станции «Зонд-5» знаменует собой качественно новый этап в развитии космонавтики. В этом эксперименте исключительной трудности удалось решить многочисленные научные проблемы.

Без малого четыре века прошло с тех пор, как стали пользоваться телескопами. За это время несколько поколений селенологов посвятили свою жизнь изучению нашего естественного спутника.

После первых зарисовок, сделанных еще в начале XVII века Галилеем и его современниками, к началу XVIII века были составлены уже вполне доброкачественные карты Луны. По мере усовершенствования наблюдательных средств земных обсерваторий росли знания о физических особенностях нашего спутника. Становилось все более ясным, что по целому ряду своих особенностей Луна очень близка к другим телам солнечной системы. Изучение ее поверхности и внутреннего строения, исследование возможных процессов, изменяющих ее ландшафт и структуру недр, очень важны для космогонии соседних планет. Однако естественный спутник Земли приготовил астрономам ряд сюрпризов.

Один из них — это совпадение периодов обращения Луны вокруг Земли и вокруг своей собственной оси. Как известно, силы приливного трения, действуя на протяжении многих миллионов лет, выровняли эти периоды с точностью до малых долей секунды. Таким образом, Луна оказалась повернутой к Земле всегда одной и той же стороной. Точнее, нам недоступен для наблюдений с Земли при любом положении Луны на ее орбите 41 процент лунной поверхности. Еще около десяти лет назад казалось, что загадка обратной стороны Луны многие годы будет ждать своего разрешения. Почти столь же трудной представлялась и задача определения химического состава лунного поверхностного покрова, оценка прочности грунта, выяснение структуры микрорельефа и других данных.

Запуск в 1957 году советского искусственного спутника Земли открыл невиданные ранее возможности для астрономических экспериментов, возможности, о которых астрономы могли лишь мечтать. Успехи советских автоматических станций «Луна-1» и «Луна-2» положили начало изучению окололунного пространства и сделали реальной перспективу исследования таинственной обратной стороны Луны, глобальное рассмотрение всей Луны в целом, сопоставление обоих полушарий нашего естественного спутника.

Союз Советских Социалистических Республик впервые в истории осуществил запуск автоматической станции, которая облетела Луну, сфотографировала из космоса ее невидимую полусферу и передала полученные изображения на Землю. Фотографическое обследование обратной стороны Луны было закончено также отечественной автоматической межпланетной станцией «Зонд-3». На основании материалов, переданных этими станциями, были составлены и изданы первые в истории астрономии карта обратной стороны Луны, первая полная карта всей Луны, двухтомный Атлас обратной стороны Луны, содержащий описание всех выявленных особенностей ее строения, полный глобус Луны.

Информация, переданная автоматическими станциями «Луна-3» и «Зонд-3», имеет важное значение для космогонии многих тел солнечной системы, поскольку различные процессы, такие, как соударения с метеоритами, кометами, тектоническая деятельность и т. п., несомненно, общие для планет и их спутников. В отличие от Земли и Венеры, окруженных плотными атмосферами, на Луне сохранились объекты, не подвергавшиеся разрушению эрозией. Теперь уже очевидно, что строение поверхности таких планет, как Меркурий и Марс, имеет некоторые общие черты с лунной.

Важное значение для науки имеет исследование окололунного пространства: распределение и величина магнитного и гравитационного полей, изучение «солнечного ветра», космических лучей, плотности метеоритов и т. п. Первые сведения об этом были получены и переданы на Землю советскими автоматическими станциями «Луна-1» и «Луна-2». Первая из них прошла на расстоянии 5—6 тысяч километров от лунной поверхности, вторая — достигла поверхности восточнее моря Ясности. Было обнаружено отсутствие вблизи Луны сильного

В. СЕЛЕЗНЕВ,
профессор, доктор
технических наук

УСПЕХ СОВЕТСКОЙ КОСМИЧЕСК

Мы живем в космической эре и уже стали привыкать ко многим свершениям в области космонавтики. Однако полет «Зонда-5» вокруг Луны и посадка на Землю — безусловно, событие историческое. Впервые космический корабль вернулся из далекого лунного путешествия. Мы все помним многочисленные полеты советских автоматических станций к Луне. Телерепортажи с поверхности нашего естественного спутника и научные исследования расширили наши знания о его природе. Однако до сих пор все сведения о Луне и окололунном пространстве передавались на Землю радиотехническими средствами. Теперь мы имеем возможность возвращать результаты научных исследований Луны и планет непосредственно на Землю.

В чем же заключаются трудности решения этой задачи?

Из повседневной практики мы знаем особенности баллистического полета: камень, брошенный вверх с какой-либо начальной скоростью, достигает определенной высоты и возвращается с той же скоростью на Землю. Аналогичные ситуации возникают и при запуске космических аппаратов. Так, например, для вывода на орбиту обычного спутника Земли требуется скорость около восьми километров в секунду. С этой же скоростью спутник входит в атмосферу Земли для посадки. При этом возникают сложные процессы — большая перегрузка вследствие торможения и чрезвычайно высокая температура на поверхности спутника — порядка 8 тысяч градусов.

При полете к Луне начальная скорость больше — близка к одиннадцати километрам в секунду. И — соответственно — скорость возвращения к Земле столь же велика. Естественно, что при торможении в земной атмосфере такой станции температура окружающего воздуха резко возрастет — до 12—13 тысяч градусов.

Кроме огромной температуры, «Зонду-5» угрожали и очень большие перегрузки. Чтобы не сгореть и избежать разрушения, подобно огненному болиду, он должен спускаться в атмосфере по строго заданной траектории. Для этого станция была оснащена надежными автоматическими системами управления и ориентации.

Проследим за этапами полета «Зонда-5» и той работой, которую выполняли его автоматические системы.

После отделения «Зонда-5» от ракеты-носителя, сообщившей ему необходимую космическую скорость, полет совершался в сторону Луны по траектории, близкой к расчетной. На некотором расстоянии от Луны была произведена коррекция траектории. Для этого требуется сориентировать станцию определенным образом в пространстве, а затем включить ракетный двигатель и сообщить станции необходимый корректирующий импульс. После этого «Зонд-5» облетел Луну на расстоянии менее двух тысяч километров от ее поверхности. В этот период научные приборы провели многочисленные измерения в окололунном пространстве.

Облетев Луну, станция устремилась в сторону Земли. Теперь было чрезвычайно важно войти в атмосферу под заданным углом. Если вход окажется слишком крутым, то возникнут чрезмерные перегрузки и огромная температура около аппарата. При слишком пологом входе в атмосферу возникает опасность пролета станции мимо Земли. Поэтому для успешного

Copyrighted material

магнитного поля и непосредственно зарегистрированы потоки заряженных частиц.

Значимость результатов, получаемых советскими автоматическими станциями, все возрастает. «Луна-9» совершает первую в истории космонавтики мягкую посадку на лунную поверхность и передает на Землю панорамы окружающего ландшафта. На них видны детали, в миллионы раз более мелкие, чем на лучших телескопических фотографиях, сделанных в земных обсерваториях. Панорамы «Луны-9» опрокинули пылевую гипотезу, согласно которой поверхность нашего спутника покрыта рыхлой пылью. Они показали неожиданно большое число камней в поле зрения станции, позволили выяснить строение микрорельефа вплоть до неровностей размером в 1—2 миллиметра и оценить прочность лунного грунта. По материалам «Луны-9» была проведена оценка радиационного фона вблизи станции.

Исследование окололунного пространства помогло выяснить еще и такой важный вопрос: как распределяются массы внутри Луны, каково ее внутреннее строение. Для этой цели необходимо было запустить искусственный спутник, но теперь уже вокруг Луны. Решение и этой исключительно сложной технической проблемы оказалось по силам отечественной науке и технике. В Советском Союзе был создан и успешно выведен на орбиту вокруг Луны ее первый искусственный спутник — «Луна-10».

Переданные этой станцией материалы выявили важные особенности строения гравитационного поля Луны, помогли оценить химический состав поверхностного покрова по характеру его гамма-излучения. «Луна-10» провела, кроме того, исследования плотности метеоритного вещества вблизи нашего естественного спутника и другие измерения. Около двух месяцев «Луна-10» передавала на Землю информацию. Программа этой автоматической станции была продолжена «Луной-11», «Луной-12» и «Луной-14». Причем эти искусственные спутники Луны были снабжены уже более широким комплексом научной аппаратуры. Станция «Луна-12» передала фотографии лунной поверхности, полученные с близкого расстояния — 100—300 километров. Наименьшие различимые на переданных ею снимках кратеры имели диаметры 15—20 метров. Скорее всего, это так называемые вторичные кратеры, которые, по-видимому, возникают вследствие выброса осколков породы из лунных вулканов или при падении крупных метеоритов. Анализ информации, переданной искусственными спутниками Луны, позволяет уточнить соотношение масс Земли и Луны. А это соотношение принадлежит к фундаментальным астрономическим постоянным, и его определению были посвящены многолетние наблюдения на земных обсерваториях различных стран.

И вот теперь завершен новый, поистине невиданный эксперимент. Полет «Зонда-5» и научные данные, которые он доставил, позволяют поздравить советских ракетостроителей и ученых с блестящей победой и пожелать им новых успехов. Сегодня открываются невиданные перспективы для астрономов всех стран.

ОЙ ТЕХНИКИ

возвращения станции должен быть обеспечен вход ее в атмосферу в пределах узкого «коридора».

Очень важен заключительный этап полета: торможение в атмосфере и мягкая посадка на земную поверхность. Пройдя верхние слои атмосферы по расчетной баллистической траектории, станция уменьшила скорость полета, после чего были выпущены парашюты.

Станция «Зонд-5» мягко приводнилась в заданном районе Индийского океана и была быстро обнаружена и взята на борт советского поискового корабля.

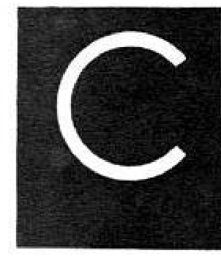
Весь полет — блестящий пример все возрастающего значения автоматики и кибернетики в освоении космоса.

«Зонд-5» раскрыл новую страницу в героической летописи космонавтики. Впервые удалось осуществить автоматическую посадку на Землю станции, летящей со второй космической скоростью, проложить трассу «Земля — Луна — Земля». Впервые вся научная информация, полученная приборами в окололунном космическом пространстве, доставлена на Землю. Это — выдающееся достижение советской науки и техники.

Возвращение. Рисунок художника-фантаста А. Соколова.

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Сентябрьский Ташкент напоен летним теплом, пронизан солнечным светом, украшен зеленью листвы, яркими пятнами цветов в парках.

Он светел и красив, этот город, где более двух лет назад взбунтовалась природа, решив помериться силой с человеком, и осталась побежденной. Землетрясение разрушило здания, но остался непоколебимым дух человека, который трудом делает и уже сделал Ташкент еще красивее, чем раньше.

Этот город щедр, гостеприимен — он похож на доброго хозяина, всегда готового принять других, разделить с ними заботы и радости, и считает себя неотделимым от них, видит в дружеском общении свой долг и патриотизм. Эти мысли прежде всего приходили на ум в дни, когда в гостях у советского города Ташкента были все континенты Земли. Здесь работал Международный форум писателей, встретившихся для того, чтобы обсудить проблемы, объединенные в теме симпозиума «Литература и современный мир».

Ташкент не в первый раз становится местом международных встреч. И у него есть особые заслуги в мощном освободительном движении наших дней — движении афро-азиатской солидарности. Десять лет назад здесь происходила конференция, положившая начало сотрудничеству и совместной борьбе писателей стран Азии и Африки. Идеи мира, гуманизма, освобождения народа от оков колониализма и неоколониализма, борьбы за счастье человека вдохновили азиатских и африканских писателей на объединение своих усилий. Юбилей первой конференции писателей стран Азии и Африки был торжественно отмечен в Ташкенте всеми участниками новой встречи литераторов, которые собрались сюда из 50 стран мира.

Среди них было немало тех, кто закладывал основы движения солидарности афро-азиатских писателей десять лет назад. Индийский критик Гопал Халдар, участник конференции 1958 года, так оценивает это десятилетие:

— Время принесло много изменений. За десять лет были и дожди, и солнечная погода. Мы со скорбью встречаем тех, кто стал жертвами колониализма и неоколониализма; с горечью констатируем, что Китай оказался вне нашего движения. Но, с другой стороны, мы можем говорить и об успехах. Героический народ Вьетнама оказывает стойкое сопротивление американским захватчикам, и борьба вьетнамского народа — это гордость всех нас, всех борцов всего человечества. На африканской земле разгорается пламя сопротивления в тех странах, которые еще остаются под колониальным ярмом, и в этой борьбе народы Южной Африки, Анголы, Родезии и других стран одерживают свои победы. Теперь наше движение стало более зрелым, и эта зрелость накладывает на нас новую ответственность, вселяя в нас чувство уверенности. Мы смотрим вперед с новой надеждой.

Один из выступивших на симпозиуме сказал: «Порой мы говорим с этой трибуны, как политики. Но мы не можем говорить иначе, ибо писатель не вправе быть в стороне от происходящего в мире».

Да, современный мир не однороден. Новый космический подвиг Страны Советов, который приветствовали участники встречи в Ташкенте,— и миллионы неграмотных в странах, недавно добившихся независимости. Созидательный труд советских людей — и империалистическая агрессия во Вьетнаме, на Арабском Востоке. Это — столкновение эгоистических стремлений старого мира с благородными идеями и самоотверженностью строителей будущего. Какое место должен занимать в этом мире писатель, чему он обязан посвятить свой труд?

В интервью для «Огонька» известный гаитянский поэт Жан Бриер, который живет и работает в Сенегале, сказал: «Писатель должен трудиться во имя освобождения человека. Он не имеет права забывать о тех, кто лишен свободы, кто голодает, кто страдает, и во имя этого должен прежде всего давать пищу человеческому уму. Если где-то попрано достоинство человека,— это значит попрано и его достоинство. Писатель не может существовать в мире в одиночку, он обязан быть вместе с народом. Когда в Москве я смотрел на памятники Горькому и Маяковскому, когда я стоял у Мавзолея Ленина, мне казалось, что эти люди, в которых воплотилось мужество и энергия советского народа, живы, как прежде, и живы их черты в советских людях, которыми я окружен сегодня».

Встреча в Ташкенте показала, как глубоко волнуют сегодня писателя процессы, происходящие в современном мире,— такого писателя, который занимает позицию гражданина и не отделяет себя от народа.

Представитель Цейлона сказал в своем выступлении в Ташкенте: «Мы должны писать о народных слезах и морщинах». Эти слова мог-

Торжественное открытие Международного симпозиума советских и зарубежных литераторов в Ташкенте. Встречу открыл видный узбекский писатель, общественный и государственный деятель, председатель первой Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки Ш. Р. Рашидов.

Copyrighted material

ГОЛОС ТАШКЕНТА — ГОЛОС ПЛАНЕТЫ

Генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки Юсеф эс-Сибаи и председатель Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки С. А. Азимов (слева).

Зал заседаний симпозиума. Южноафриканские писатели Алекс Ла Гума (слева) и Раймонд Мазиси Кунене.

В музее колхоза имени Хамракула Турсункулова.

Читает стихи малийский поэт Гауссу Диаварра.

В ритмах дружбы.

Фото автора и В. Сваричевского.

ли бы повторить за ним многие присутствующие в Ташкенте деятели литературы. Ибо тут собрались люди, которым дорога судьба своего народа. И этим словам нисколько не противоречат призывы, раздававшиеся с трибуны Ташкентского симпозиума,— не забывать тему борьбы за народное счастье.

Для писателя — борца и гражданина — нет маленьких, незначительных дел, и вот почему нигерийский публицист Тай Саларин — одновременно и учитель в школе, созданной им самим. На вечере встречи с рабочими Ташкента он сказал: «Я не поэт». Но тут же прочитал свое единственное поэтическое произведение — стихи, которые он написал как гимн своей школы. Тай Саларин видит в просвещении своего народа свой долг. Вот почему и другой деятель литературы Африки, малийский поэт Гауссу Диаварра, выпускник Московского литературного института, на родине принимает участие в постановке пьес классического русского и мирового репертуара.

В Ташкенте шел большой разговор о проблемах литературы и о работе писателя в современном мире. Он касался многого: сочетания традиций и новаторства, защиты национальной культуры против идеологического наступления империализма, сохранения языков малых народов и творчества писателя, пишущего на двух языках, опыта социалистического реализма, широкого обмена идей между литераторами, ознакомления народа с лучшими достижениями всех литератур.

В здании театра Хамзы, где работал симпозиум, была устроена выставка книг афро-азиатских писателей, переведенных на языки народов СССР. На стендах 881 книга — целая библиотека, раскрывшая советским людям духовный мир и чаяния народов Азии и Африки.

В разговоре, который велся в Ташкенте, весомо звучал голос советских писателей. Они были представлены здесь видными мастерами всех литератур Советской страны. В рядах прогрессивных писателей мира советские мастера литературы выступают вместе со своими друзьями из стран Азии и Африки и социалистических стран, вместе со всеми, кто отстаивает справедливое дело свободы и независимости народов.

Голос Ташкента звучал в эти дни на разных языках — и поистине раздавался голос планеты.

На заключительном заседании симпозиума корреспонденту «Огонька» дал интервью генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки, известный писатель Объединенной Арабской Республики Юсеф эс-Сибаи. Он заявил: «Ташкентская встреча стала новым шагом на пути укрепления солидарности афро-азиатских писателей. Она делает сильнее наше движение, ибо здесь были обсуждены большие проблемы и в этом приняло участие большое число писателей. Нет сомнения, что наша встреча внесла вклад в дело сближения народов, представителями которых были ее участники».

Ташкентский симпозиум подтвердил, что творческие проблемы неразрывно связаны с проблемами борьбы народов. Важность этой встречи состоит в том, что она помогла привлечь мировое общественное мнение на сторону народов, борющихся за мир и национальную независимость, и одновременно способствовала изоляции колониалистских и империалистических правительств от народов, над которыми они осуществляют свою власть. Здесь еще раз было доказано, какая важная роль принадлежит Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Международная встреча в Ташкенте шла по пути цементирования солидарности писателей всего мира и способствовала осуществлению целей движения афро-азиатских стран.

...Участники симпозиума покидают Ташкент, теплый и светлый город, чье имя отметило новую веху сплочения творческих сил мира.

Ташкент, по телефону.

Copyrighted material

ГОДЫ ПРАВДЫ И МУЖЕСТВА

50 ЛЕТ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ I СЪЕЗДА КОМПАРТИИ ЛИТВЫ

Дом, в котором проходил I съезд Компартии Литвы.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

Сначала я познакомилась с Ромасом Шармайтисом, директором Института истории партии при ЦК КП Литвы, сдержанным, до чрезвычайности скромным человеком. Он напомнил: «С 1895 года революционная борьба в Литве вырастила людей необычайной стойкости и верности, таких, как Феликс Дзержинский, Винцас Мицкявичюс-Капсукас, Зигмас Алекса-Ангаретис, Пранас Эйдукявичюс, Каролис Пожела и еще сотни и сотни их товарищей. Жизненный путь их был героическим и коротким. В живых осталось немного. С некоторыми из них вы сможете познакомить ваших читателей».

С Ромасом Шармайтисом мы и поехали в Сувалкию, в деревню Ужбаляй, где в середине сентября отмечалось 50-летие первой партийной конференции, предшествовавшей организационному съезду коммунистов Литвы. На выезде из Вильнюса, на улице Калинаускаса, мы остановились, и в машину сел спортивного вида человек, которому можно было дать лет пятьдесят пять.

— Участник конференции — Казимерас Клорис, — представил Шармайтис.

Я прикинула: конференция состоялась 50 лет назад, сколько же лет было тогда нашему спутнику? И пришлось по-репортерски бесцеремонно спросить его об этом. Он усмехнулся:

— Как у вас обстоят дела с арифметикой? Мне, видите ли, недавно исполнилось семьдесят три...

...Середина осени горьковато пахла первыми упавшими листьями и картофельной ботвой. Они впятером вышли из паневежского поезда на разъезде Пильвишкай, и к ним подошел шестой.

— Разобьемся по двое, пойдем без дорог, старайтесь не терять меня из виду,— тихо сказал он.

Они пошли полями, и Казимерас Клорис с нежностью смотрел на деревушку под соломенными крышами, на пологие линии холмов, на голубые цветы цикория по межам. Он недавно вернулся из Америки, куда в поисках работы выехали из Литвы его родители. Сначала попал в Россию, и ветры Октября 1917 года подняли его на своих высоких крыльях. В конце лета 1918 года он оказался в оккупированной кайзеровскими войсками Литве, в подполье. Шел на подпольную конференцию коммунистов Паневежского уезда и Сувалкии. 17 делегатов конференции собрались в деревне Ужбаляй в избе крестьянина Ионаса Бартушки, сочувствовавшего коммунистам. Но оставаться в избе ему казалось небезопасным, и они перешли в амбар. Конференцию вел рабочий Андрюс Бражёнис, преданнейший коммунист, подпольщик, позднее, в 1923 году, замученный буржуазными националистами в Каунасской тюрьме. На повестке дня был один вопрос — о том, что растет в Литве пролетарское движение и надо готовить съезд коммунистической партии.

И вот теперь, пятьдесят лет спустя, Казимерас Клорис снова здесь. Встретился со старым другом по паневежскому подполью Пранасом Айтманисом. Оба они рассказали молодым загорелым и нарядным людям — земледельцам Капсукского района, коммунистам 1968 года о тех далеких днях, об истоках их теперешней жизни. И молчанием почтили собравшиеся память шестерых участников конференции, погибших в застенках и тюрьмах.

А кругом солнце сияло светом, по-летнему искрилось в звездочках Героя Социалистического Труда некоторых гостей, блестело в стеклах автомобилей, полукругом ставших вокруг старой усадьбы Бартушки, и золотило широкую, чистую стерню полей большого и богатого колхоза имени коммунистки Изабеллы Лаукайтите. И стояли в полях высокие, похожие на четырехэтажные дома скирды соломы, белели новые здания сельскохозяйственных ферм. Ало цвели георгины в садах больших и чистых колхозных деревень.

Потом в Вильнюсе я встретилась с Александром Якшявичюсом. С 1905 года, с той зимы, когда проснулись в простых людях им самим дотоле неизвестные духовные силы, мечтал он — тогда ученик слесаря — о работе народного учителя. И добился своего, сдав экстерном экзамены в Петербурге. А нести в те годы знания в народ означало нести и социал-демократические идеи. Так и работал сельский учитель Александр Якшявичюс: учил детей и взрослых, поддерживал связь с русской революцией, с русским пролетариатом. 5 июля 1918 года он был гостем на V Всероссийском съезде Советов. Слушал Ленина. Когда вернулся в Литву, увидел, что Рабочий клуб на Вороньей улице, невзирая на запрет немцев, битком набит народом со всех концов Литвы. Тогда и было решено: принять платформу большевиков. Съезд был подготовлен к 1 октября 1918 года и нелегально собрался в теперешнем переулке имени Пятраса Цвирки, в доме Смирновой, тогда сочувствовавшей большевикам, а впоследствии сотруднице ВЧК. Рабочие отряды все время несли охрану вокруг дома Смирновой, и все же по конспиративным соображениям второе и третье заседания состоялись в разных местах. Александр Якшявичюс в деталях помнит все, связанное с первым съездом: по предложению Пранаса Эйдукявичюса он был избран председателем съезда, вел его заседания. Приняв решение о необходимости объявить в Литве Советскую власть, делегаты разъехались по уездам и приступили к организационной работе. Вскоре нелегально прибыли в Литву руководители ее компартии Винцас Мицкявичюс-Капсукас и Зигмас Алекса-Ангаретис, и в декабре 1918 года в Литве была провозглашена Советская власть.

Потом была буржуазная диктатура, годы подполья и разгул фашизма.

Обагрены кровью коммунистов форты под Каунасом, тюремные дворы и улицы в литовских городах, деревенские проселки и лесные опушки. Оклеветанные, измученные, лишенные каких бы то ни было прав, не сдаваясь, погибали коммунисты Литвы. И мертвые, они были страшны буржуазии, кулакам и мещанам, потому что не ради собственного благополучия, а ради благополучия народа шли на борьбу. Как и по всей планете, так и в Литве крепло коммунистическое движение. В 1940 году из подполья вышли две тысячи коммунистов. Сейчас в республике 105 тысяч членов партии.

Талантливые, раскованные руки возвели на земле Литвы новые города и богатые колхозные деревни, подняли сельскохозяйственные фермы, заводы и фабрики.

...Горьковато-нежно пахнет середина осени первыми палыми листьями, свежевспаханной землей, яблоками, теплым хлебом. Под анфиладами березовых аллей текут асфальтированные реки дорог. Литва строит и пашет, молотит и силосует, пасет на лугах свои тучные стада, выпускает самые современные машины. Спокойно и мужественно выполняет то, что было задумано отцами нынешнего молодого поколения коммунистов Литвы.

24 сентября в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным визитом прибыли Его Величество шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и Ее Величество шахиня Фарах Пехлеви.

На Внуковском аэродроме столицы главу Иранского государства встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие официальные лица.

На снимке: встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

Copyrighted material

А. Фужерон. ПРИГОТОВЛЕНИЕ СЫРА. 1952.

Copyrighted material

А. Фужерон. СПЯЩИЙ БАТРАК. 1954.

Copyrighted material

КРАСНОДОНСКАЯ ТЕТРАДЬ

Микола УПЕНИК

1

Сырого ветра дуновенье,
опара взрыхленной земли —
и городок, как сновиденье,
встает в темнеющей дали.

Дремлю, мотора песне внемлю,
но, поборов докучный сон,
я, как Колумб, узревший землю,
кричу: «А вот и Краснодон!»

Но под ночным дорожным знаком
шофер махнул рукою вдаль:
— Десяток километров с гаком
еще давить мне на педаль...

И снова путь во тьме злодейской,
и вновь шоферский хриплый бас:
— Пока до Молодогвардейска
дополз наш клятый тарантас...

Но произнесенное имя
возникшего здесь городка
совпало с чувствами моими,
и даль уже не далека.

Я повторил его влюбленно,
оно давно мне грело грудь:
братишкой младшим Краснодона
мой крестник начал жизни путь.

2

Вере Васильевне Коростылевой.

Весна меня встречает
зеленою обновой
и кронами венчает
на улочке Садовой.

По городу родному,
где все полно былого,
шагаю прямо к дому
Олега Кошевого.

Бежит, в кустах плутая,
знакомая дорожка,
и женщина седая
застыла у окошка.

Беру крыльцо с разбега,
меня здесь каждый знает,
а бабушка Олега,
как сына, обнимает.

Она ко мне склонилась,
пролив слезу невольно,
и сердце вновь забилось
и радостно и больно.

Смотрю: она все та же,—
былое вспоминаю,
ее седины глажу
и мамой называю.

3

Святого Девятого Мая
вскипает весна молодая.

Она разливается рано,
лишь выйдет заря из тумана.

И память в простор величавый
плывет, осененная славой.

Среди вихревого кипенья
не будет в ней ила забвенья.

Из всех родников Краснодона
течет за колонной колонна.

Реку образуя людскую,
на площадь идут городскую.

И молча склоняют знамена,
героев назвав поименно.

Все дышит над ширью земною
добытой в громах тишиною.

О, эта минута молчанья!
В ней сила и честь испытанья.

Земля, где герои уснули,
в почетном стоит карауле.

Весна преклоняет колено.
Присяга почивших нетленна.

Бессмертны весенние силы.
В гвоздиках пылают могилы.

4

«Это было в Краснодоне...» —
песня хлынула ко мне
на зеленом стадионе
в непокорной стороне.

И не «Думкой», не «Трембитой»,
не капеллой мировой
те слова вдруг были взвиты
высоко над головой.

На пестреющих трибунах
тот напев вскипел, суров,
многозвучным хором юных
комсомольских голосов.

Песня душу обвевала,
прямо к небу воскрыля,
будто павшим присягала
краснодонская земля.

Песня та что было силы
трепетала на устах,—
к ней прислушались могилы
в пламенеющих цветах...

5

Когда, не дрогнув, Краснодон
карал Пидтынного-иуду,
что, лютой злобой напоен,
чинил предательства повсюду,

я думал: нет у тех лица,
кто служит подлости и мраку,
но, совесть продав до конца,
любой из них не одинаков.

Сменив окраску всякий раз,
сменить стараются и шкуру,
не оставляя без прикрас
свою продажную натуру.

Тот притворился ездовым,
тот — крючкотвором просвещенным,
тот — где-то служащим простым,
а тот — лицом перемещенным...

Летят года — за часом час.
Еще немало душ звериных
и нынче ходит среди нас,
замаскированных пидтынных.

Замаскированных... Но все ж
и в маске их я различаю
и за измену, трусость, ложь
мечом презрения караю!

6

Уходит день, оттрепетав,
закат остыл давно,
и смотрит яблонька, привстав,
ко мне, в мое окно.

Она беспомощна еще,
и сад к ней не привык,
но подставляет ей плечо
вонзенный в землю штык...

Здесь мой знакомый паренек
ее так поддержал,
чтоб цвет веселый не поблек,
чтоб ветер не сломал.

Пусть каждый раз она весной,
слаба еще пока,
цветет под ласковой рукой
такого паренька.

Он передаст свою любовь
родной земле своей,
как отдали ей жизнь и кровь
Ульяна и Сергей.

В саду деревья зацвели,
и предо мной возник
тот символ солнечной земли:
и яблонька и штык.

7

Когда, гремя подобно грому,
на душу движется беда,
как будто к другу дорогому,
я возвращаюсь вновь сюда.

Я здесь дышал морозом лютым
и торжеством весенних сил,
я, глядя в очи добрым людям,
свою здесь юность находил.

Я укреплял свой дух, уставший
в словесном тягостном чаду,
и, чистый воздух в грудь вобравши,
шел дальше с совестью в ладу.

Ложь побеждал, что в круговерти
волнений, слов, добра и зла
и перед самым ликом смерти
проникнуть в душу не смогла.

Волненьем жизни озабочен,
в круговорот ее вступай,
и чистой правдою рабочей
себя проверь и испытай.

8

Я кланяюсь доле:
я в этом краю
нашел на раздолье
дорогу свою.

Не своды подвала,
а солнечный свет
мне мать завещала
на множество лет.

Рожденный в тревоге
на бричке степной,
я верен дороге
и в стужу и в зной.

Все шире и шире
я мир познаю —
и в далях Сибири
и в южном краю.

То речкой Луганкой,
то морем пленен,
как будто цыганкой
на свет я рожден.

Дорога такого
все кличет вперед,—
она и седого
зовет и зовет...

9

В сияющем клубе танцуют,
вовсю радиола поет
о первых мечтаньях и встречах,
которыми сердце живет,—
лишь я, прислонившись к колонне,
слегка опечален, стою
и в думах своих воскрешаю
суровую юность мою.

В сияющем клубе танцуют,
идет карнавал выпускной,
мелодия «Школьного вальса»
шумит, как потоки весной,—
с дивчиной одной русокосой
я в танце кружусь, как во сне,
похожей на Любу Шевцову
сдается та девушка мне.

В сияющем клубе танцуют,
за окнами полночь плывет.
Отчизна к большому рассвету
отважных и юных зовет,—
кружится за парою пара
в мелодии легкой, как дым,
и я не теряюсь меж ними
и вновь становлюсь молодым.

10

Мы не один, бывает, час
теряем средь сует,
как будто впереди у нас
бог знает сколько лет.

Как токи крови, горячи,
мгновения бегут,
потом сливаются в ручьи
стремительных минут.

А там, быстра и широка,
шумнее вешних вод,
недель и месяцев река
течет, вливаясь в год...

И сам вперед я устремлен,
разбегу жизни рад,
и от незнаемых времен
не требую наград.

Творю я будущее сам,
я ныне слился с ним,
оно подвластно и рукам
и помыслам моим.

И силы творчества живут
во всех моих делах:
велик и вечен только труд,
а остальное — прах.

Авторизованный перевод с украинского Леонида ВЫШЕСЛАВСКОГО.

Copyrighted material

Вспомните, люди, войну

Похороны советских воинов, погибших в последний день войны в Праге.

Саркис МАРТИРОСЯН,
Герой Советского Союза, генерал-лейтенант
Фото С. КОРОТКОВА.

Май 1945 года. Встретились боевые друзья Людвик Свобода (справа) и Саркис Мартиросян.

Несколько дней назад я вернулся из Киева в свой родной Ереван. Я сказал «родной Ереван» и подумал: а разве Киев чужой для меня город? Как хотите, но если солдат ценою крови освобождает из плена город, он уже не может не иметь к нему родственных чувств. А 50-й стрелковый корпус, которым я командовал, в первых числах ноября 1943 года наносил главный удар на Киев с северо-запада.

И вот спустя четверть века я снова в этих местах, уже отвоевавшийся «запасник», поседевший в боях. На сей раз я привез в Киев делегацию молодых следопытов Армении, участников четвертого Всесоюзного слета, который проходит под девизом «Дорогой славы отцов». Можно понять, сколько чувств нахлынуло на меня в эти дни, когда я увидел нашу молодежь, прибывшую из всех республик страны, говорил с ней, радовался ее гражданской активности, ее желанию все понять, все выяснить, ничего не забыть.

В лесу, что севернее Киева, четверть века назад занимали позицию враги. На лесных проселках и полянах ползали «тигры» и «пантеры». К вечеру 3 ноября в дачном поселке Пуща Водица, прямо у белого здания детского санатория, разгорелся бой. За лесом полыхал пожар — горел Киев. Надо было действовать как можно быстрей. К нашему корпусу были приданы другие соединения, а на утро следующего дня в борьбу за освобождение столицы Украины вступила и Первая Чехословацкая отдельная бригада, вошедшая в состав нашего корпуса.

Я должен сказать, что чехи и словаки сражались за Киев так же, как сражались бы за Прагу и Братиславу. Вместе с гвардейцами 3-й танковой армии чехословацкие воины 5 ноября прорвались на северо-западную окраину Киева, заняли вокзал и вышли на берег Днепра. Все это я рассказывал молодым следопытам, как говорится, на местности. Все эти воспоминания вспыхнули в моей памяти с новой силой еще и потому, что нет, наверно, среди моих соратников человека, который не размышлял бы о нынешних чехословацких делах.

Бродя по Киеву, я неотступно думал: «А что сейчас в Праге?» Приехав в Ереван, я продолжаю тревожиться: «Как там, в Праге?» Ведь Прага, так же как и Киев, город, которому я отдал кусок своего сердца. А сердце не камень — оно волнуется, живет и хочет знать: с нами ли сейчас друзья наши по оружию? Хорошо ли справились они со своими чувствами в столь сложные и ответственные для своей родины дни?

Снова и снова вспоминаю наступление на истерзанный немецкими фашистами Киев. Ко мне в землянку, на командный пункт, пришел полковник-чех Людвик Свобода. Мы уже немного знали друг друга, взаимодействовали в боях под Харьковом, на реке Мже. Я не сомневался, что часть, которой он командовал, умеет сражаться, и с удовольствием воспринял приказ зачислить бригаду Свободы в свой корпус.

После Киева я дал чехословацкой части, уже отмеченной орденом Суворова, труднейшую боевую задачу при освобождении города Белая Церковь. Эта задача была выполнена успешно. Я был восхищен действиями Людвика Свободы и все лучше узнавал этого военного из Чехословакии: он не только талантливый военачальник, но и цельный, свободомыслящий человек, преданный делу антифашизма. Будучи офицером буржуазной армии, он сначала оказывает сопротивление гитлеровской оккупации на земле своей родины, затем переходит на территорию Польши и там воюет с фашистскими захватчиками. Наконец, уже на нашей земле он ходатайствует перед высшим командованием о создании национальной воинской части, которая будет сражаться в рядах советских войск и (он верил в это!) придет освободительницей на свою родину. Начинает с пехотного батальона — кончает Народной армией. Именно сражение под Белой Церковью, за которое бригада награждается вторым орденом — орденом Богдана Хмельницкого, считается днем зарождения Народной армии Чехословакии, и я горжусь, что был свидетелем этого значительного события в жизни дружественной нам социалистической страны.

Людвик Свобода лично отважен. Я видел своими глазами, как, презирая смерть, он появлялся на самых трудных участках боев под Белой Церковью и поднимал своих солдат в атаку.

Но вот нам пришлось расстаться. Людвик Свобода со своей частью стремился кратчайшим путем достигнуть пределов Чехословакии. Наш же корпус пошел к Берлину через Румынию и Польшу. Но перед тем, как расстаться, он вручил мне прощальное письмо. Вот строки из него:

«...**Мы воевали вместе, как друзья, против общего врага. Мы останемся навсегда лучшими друзьями.** Я твердо убежден, что мы встретимся опять, возможно, в недалеком будущем, уже в освобожденной нашей родине. Действующая армия. 8 марта 1944 года».

Конец войны. Наш корпус дошел до Берлина, когда раздался голос восставшей Праги. Прага просит помощи, и мы мчимся во весь опор. Мы очень спешим и 9 мая 1945 года первыми входим в город, помогая восставшим пражанам освободиться от гитлеровской нечисти.

А еще через несколько дней в «Правде» — фотоснимок: мы с генералом Свободой на площади Праги. Конечно, мы встретились. Иначе и не могло быть!

Не знаю, как умеют дружить люди других профессий, но думаю, что солдатская дружба самая крепкая на свете. В многотрудной, полной взлетов и огорчений жизни моего фронтового друга генерала

Copyrighted material

В тот день, когда был сделан этот снимок, генерал не успел узнать имени этой девочки.

Теперь они друзья — С. Мартиросян и Марцелка.

А кто-то забыл эту встречу и 23 года спустя вывесил грязный лозунг: «Ни глотка воды русским!»

Свободы мы были всегда неразлучны, хотя и жили один — на берегу широкой Влтавы, а другой — на берегу горной Занги. Последние десять лет встречались чуть ли не каждый год. Пригласил он меня в Чехословакию и в июле нынешнего года. Боевой генерал был уже избран своим народом в президенты. Л. Свобода ездил по стране, в том числе и в пограничные с ФРГ города, выступал с программными речами, в которых всегда особо подчеркивал дружбу с Советским Союзом, верность социализму и духу Варшавского договора. Просил и меня, советского генерала, выступать на многотысячных митингах.

— Содруги и содружки!— говорил он.— Вот рядом стоит мой друг. Войска его корпуса принимали участие в освобождении Праги...

Не могу забыть чеха Отакара Яроша, который первым из иностранцев удостоился посмертно высокого звания Героя Советского Союза. Или словака Яна Налепку — худощавого, в очках, с виду тихого, но очень мужественного человека, тоже Героя Советского Союза. Сколько их полегло рядом с нашими солдатами и офицерами за освобождение нашей и их родины! Позже мы часто встречались с бывшим начальником бригадной разведки В. Эрбаном, лишившимся в бою глаза, с бывшим политработником Еленой Петранковой, с бывшим командиром танкового взвода Войтехом Билеком, с бойцами, ныне супругами Врбовыми Артуром и Яной и многими-многими другими. Где они сегодня, о чем думают, остаются ли верными нашей фронтовой дружбе?

Возложенная на меня обязанность вице-президента Общества советско-чехословацкой дружбы и председателя Общества армяно-чехословацкой дружбы подарила мне много друзей послевоенного поколения. Моя скромная квартира в Ереване называется в шутку «чехословацким посольством в Армении». Не минуют ее ни делегации, ни туристы, ни командированные. В шкафах — кипы писем от людей знакомых и даже малознакомых. В письмах — изъявления в самых искренних чувствах к советскому народу: «Да здравствует социализм и дружба!», «Мы любим вас!». Всей душой я сегодня в Праге, на ее улицах и площадях, столь хорошо мне знакомых, рядом с советскими солдатами, сыновьями моих солдат, рядом с моими взволнованными, встревоженными согражданами, ибо я не только советский генерал, но еще и почетный гражданин Праги и хочу ей только мира и добра.

В день, когда советские войска в 1945 году вошли в Прагу, очистив ее от фашистской скверны, произошел такой эпизод. Ко мне подошла чешка с маленькой девчушкой и сказала: «Хочу, чтоб мою дочь подержал на руках советский генерал». Я исполнил ее просьбу с радостью: ведь не часто такое удовольствие перепадает генералу на войне! Прошло время, и я об этом забыл. Но вот 20 лет спустя в одном небольшом чешском городке я был с делегацией участников декады армянской культуры в Чехословакии. После концерта публика еще не разошлась, и меня окружила какая-то семья — обнимают, целуют при всем честном народе. Показывают фотографию, на которой я с маленькой девочкой на руках.

— Это наша Марцелка! Вот она! Неужели не помните?

Я смотрю и, конечно, не узнаю: передо мной молодая, красивая женщина, а рядом с ней — ее маленькая копия, очень похожая на ту, что на фотографии. Вот время-то бежит!..

Теперь мы с семьей Гораков большие приятели — с бабушкой Зденкой, которая встречала меня тогда на улицах Праги, с ее супругом Марцелом, их дочерью Марцелкой и маленькой Зюзанкой. В конце августа они должны были приехать к нам, в Ереван, после отдыха на Черном море, в Гаграх. Но 30 августа мы получили от них письмо. «Дорогой друг!— писали они мне.— Мы все время вспоминали о вас. Нам было здесь очень хорошо, и мы решили, что если отношения между нашими странами наладятся, то на будущий год обязательно приедем сюда еще раз с Марцелкой и Зюзанкой. Приедем и к вам. Целуем вас и с нетерпением ожидаем встречи с вами в будущем году».

А Марцелка, с которой мы подружились еще 9 мая 45-го года, прислала мне свои стихи:

...Он генералом был, то видно и по снимку
И по строкам, что мать мне сохранила.
Та дружба опаленному войной цветку
О будущем счастливом возвестила.
А фотография осталась мне на память,
Она, как друг, со мной всю жизнь пройдет.
И с благодарностью от дочерей и внуков
В наследство детям мира перейдет...

Выросло новое поколение и в нашей стране и в Чехословакии. Четверть века назад мы тоже были молодыми. Нас объединяло тогда очень важное: единство в борьбе против общего врага всего прогрессивного человечества — фашизма. Враг был видимый, коричневого цвета, со свастикой. Он жег, душил и грабил. Его не трудно было узнать на открытых позициях. И все же Юлиус Фучик предупреждал: «Люди!.. Будьте бдительны!..»

Сейчас позиции врагов социализма не всякий различает невооруженным глазом. Но они действуют... И наш интернациональный долг — защитить свободу и независимость братского чехословацкого народа от посягательств врагов.

Copyrighted material

ПАРТИТУРА УРОКА

Майлен КОНСТАНТИНОВСКИЙ

В Советском Союзе 76 миллионов учащихся, 3 миллиона преподавателей, два с половиной миллиона — в средних школах.

Грандиозные, поражающие воображение цифры! Это — одно из величайших социальных завоеваний Октября.

«Народное образование и народное воспитание в нашем государстве сделалось таким количественно могучим, что и один процент брака в этой работе грозит нашей стране серьезными прорывами». Эти слова Антона Семеновича Макаренко, сказанные им свыше тридцати лет назад, становятся с годами все значимее.

На человечество обрушились водопады научно-технической информации. Две трети научных знаний, накопленных за всю историю, получены за последние двадцать лет. Науки растут ввысь, вглубь, вширь. Техника непрерывно усложняется. Конструирование, производство и обслуживание станков, машин, приборов, аппаратов, транспортных средств требует все более высокой квалификации. Не только инженеру и технику — рабочему, земледельцу теперь необходимо знать и уметь неизмеримо больше, чем прежде...

Что должно представлять собой в таких условиях школьное обучение? Чему учить? Как учить?

Этот очерк — о работах одной из лабораторий Института психологии Академии педагогических наук СССР, лаборатории программированного обучения.

Читатель, который, вероятно, не впервые встречается с термином «программированное обучение», захочет прежде всего узнать, что же он обозначает. Начнем с того, что программированное обучение — детище кибернетики, точнее, кибернетического подхода к проблемам обучения.

Как известно, кибернетика — наука об управлении. Естественно поэтому, что, когда лет десять назад руководитель лаборатории, доктор педагогических наук Л. Н. Ланда посмотрел на процесс обучения сквозь кибернетические очки, он увидел, что учитель и ученик — это звенья системы управления. Между ними — каналы прямой и обратной связи, по которым учитель и ученик обмениваются информацией.

Учитель объясняет, чертит на доске, показывает опыт, ученик смотрит, слушает и пытается понять и запомнить — работает канал прямой связи.

Ученик отвечает урок, учитель слушает, смотрит, оценивает — действует канал обратной связи. Очень важный канал! Только на основе информации, полученной по нему, учитель может судить о том, хорошо ли он учил до этой минуты — именно этого ученика! — и как учить его дальше.

Ну, а если учеников 30—40, как в школьном классе? Или 100—150, как в вузовском потоке? Тогда на кибернетической схеме обучения стрелки, изображающие обратную связь, станут тоненькими, бледными и даже прерывистыми. К тому же информация по каналам обратной связи поступает с большим опозданием (особенно в вузе — экзамены раз в полгода!). Но управлять таким сложным и тонким объектом, как ученик, без полноценной обратной связи — все равно, что вести машину с завязанными глазами и залепленными воском ушами. Когда человек — в любой сфере деятельности — физически не в состоянии справиться с работой, неизбежно возникает стремление передать часть функций машине. В отношении учителя эту высокую миссию возложило на себя (или, скажем осторожнее, собирается возложить) программированное обучение.

Знаменитый английский философ XVII века Джон Локк говорил: «Великое искусство научиться многому — это браться за немногое». Именно этот принцип и положен в основу программированного обучения: тщательно отобранный учебный материал разбит на сравнительно небольшие порции, расположенные в строгой последовательности (их называют «дозами», «шагами» или «кадрами»).

Эти порции в виде текста, чертежей, рисунков, схем и т. п. могут быть отпечатаны на карточках, на бумажной ленте, на кинопленке. Порции могут предъявляться даже в устной форме (это нужно, скажем, при изучении иностранного языка) — в этом случае программированный материал записывается на магнитофонную пленку.

Важно, однако, не только «браться за немногое», но и не выпускать его из рук. Поэтому прежде чем получить очередную порцию знаний, ученик должен доказать, что заслужил это право: он обязан сделать нечто такое, чего не сумел бы сделать, не усвоив предыдущей порции,— скажем, ответить на вопрос или решить задачу. Ответы ученика — это и есть информация по каналу обратной связи. Как видим, здесь этот канал работает с полной нагрузкой и почти непрерывно.

Программированный материал нетрудно размножить в любом количестве экземпляров — по числу учеников. Значит, массовость обучения здесь не помеха.

Но кто же тот режиссер, что реализует — кадр за кадром — учебный «киносценарий» — программированный материал? Кто обязывает ученика выполнять каждый раз контрольные задания, проверяет правильность ответов и на их основании решает, заставить ли его еще раз прочесть (или прослушать) данную дозу информации, или можно предъявить следующую? Все это делает обучающая машина, в которую заложен программированный материал, или же программированный учебник — настолько необычный, что его даже называют «бумажной обучающей машиной».

Обучающих машин в нашей стране разработано свыше четырехсот моделей. Настоящее половодье! Со временем половодье, конечно, схлынет, и на ниве образования останутся машины, выдержавшие испытание практикой, зарекомендовавшие себя наилучшим образом.

Различные машины по-разному «ведут урок»: одни высвечивают изучаемый материал на экране, похожем на экран телевизора, другие «дают прочесть» его через окошко в верхней панели, третьи «перелистывают», словно страницы, карточки с текстом. И ответы в разные машины учащийся должен вводить по-разному: в одну — набирая ответ на диске, подобном телефонному, в другие — нажимая кнопки, в третьи — прокалывая в определенных местах карточку. О том, правильный ли ответ, что делать дальше и какова отметка (если машина в режиме экзаменатора), машина обычно дает понять с помощью сигнальных лампочек.

Очень существенно, что машина «заставит» каждого учащегося — пусть с неодинаковой скоростью и, возможно, различными путями — пройти и усвоить **весь** учебный материал данного курса — **от начала до конца**: она просто не дает ученику двигаться дальше, пока он не докажет, что понял предыдущий материал.

Программированный учебник действует в принципе так же, как и обучающая машина: он каждый раз отсылает ученика на ту страницу, которую тот заслужил своим ответом. Если ответ неправильный, учебник вернет его к предыдущему материалу и заставит проштудировать еще раз; если ответ слабый, пошлет на страницу с более подробными объяснениями; ну, а если ответ точный, тогда ученик может отправляться на страницу с продолжением урока.

Итак, машина «преподает»... а что делает учитель? Не грозит ли ему безработица? О, нет! Никогда, ни при каких обстоятельствах машина — даже самая хитроумная — не сумеет полностью заменить живого учителя. Ибо учение — это и воспитание, а воспитать гражданина может только учитель — Человек — с его знанием жизни, с его неповторимым характером, с его мнениями — пусть спорными, но собственными, с его любовью к своим питомцам, с его юмором и слабостями — человеческими слабостями! А машина призвана лишь избавить его от механического, изматывающего, непроизводительного труда, дав возможность заниматься только трудом творческим. А много ли времени для такого труда оставляют учителю бесчисленные «допросы» у классной доски (один отвечает, сорок ждут своей очереди) и ночные бдения над школьными тетрадками?

Ну, а что же все-таки остается на долю учителя? Очень многое. Класс у него как на ладони: на пульте, связанном со всеми обучающими машинами, он видит, как у кого идут дела, кто ушел вперед, кто отстал, кто сколько делает ошибок и как часто тот или иной ученик обращается к машине за подсказкой. С помощью тех же машин, непрерывно регистрирующих ход учебного процесса каждого ученика, учитель может собрать богатейшие данные и, анализируя их, определять эффективность программированных материалов, совершенствовать, разрабатывать новые. Учитель становится исследователем, а процесс обучения — непрекращающимся экспериментом.

* * *

В кибернетической системе «учитель — ученик» или «обучающая машина—ученик» есть объект управления особенный—это психическая деятельность ученика. Как добиться того, чтобы ученик «правильно думал»? Вот он решил контрольную задачу и получил верный ответ. Но это еще не значит, что мысль его шла нужным путем: из Тулы в Москву можно доехать и через Одессу. А ведь нужно — просто необходимо! — выработать у него навыки именно л о г и ч е с к о г о мышления. Задача эта кажется на первый взгляд невыполнимой: ведь навык — это комплекс действий, совершаемых автоматически. Мы ходим, не задумываясь над тем, как переставлять ноги. Мы говорим, не вспоминая ежесекундно, куда поместить язык и как сложить губы. Но что такое навык мышления? Можно ли научить «думать, не задумываясь»? Оказывается, в ряде случаев можно.

Copyrighted material

Сколько будет, если умножить двенадцать тысяч восемьсот девяносто семь на тринадцать тысяч восемьсот шестьдесят три? Такой вопрос задали врачи бравому солдату Швейку, чтобы проверить его психическую полноценность. Находчивый Швейк ответил, не моргнув глазом: «Семьсот двадцать девять». Если бы эту же задачу дали нам с вами, мы бы поступили несколько иначе: перемножили бы заданные числа столбиком, бормоча: семью три — двадцать один, один пишем, два в уме... И вы, и я, и великое множество других людей сделали бы это автоматически, совершенно одинаковым способом, не задумываясь над каждым действием. То же с делением. А ведь умножение и деление многозначных чисел — сложные мыслительные операции! Когда-то умножать и делить умели лишь избранные, в XIII веке, например, делить учили только в Болонской академии.

Каким же образом ухитряются ныне обучать этой премудрости миллионы детей? Это стало возможным благодаря тому, что сложные мыслительные операции умножения и деления разделили на ряд более простых и составили четкую инструкцию, как и в какой последовательности их выполнять. Или, выражаясь языком кибернетиков, были созданы алгоритмы умножения и деления многозначных чисел.

Алгоритм — это и есть подробная инструкция, то есть последовательность команд, предписывающих — шаг за шагом,— что нужно делать и в какой очередности.

В сфере обучения алгоритмы неплохо обжили математику: с их помощью учат не только умножать и делить, но и возводить в степень, извлекать корни, логарифмировать, решать уравнения, дифференцировать, интегрировать, строить геометрические фигуры и т. д.

— Но,— говорит Л. Н. Ланда,— круг задач, для которых можно построить алгоритмы, значительно шире. Алгоритмизация обучения — вот кратчайший и надежный путь выработки навыков правильного мышления!

Как пальцы музыканта подчиняются приказам нотных знаков, так и мысль ученика подчинится командам алгоритма, пока не научится безошибочно исполнять ту или иную мыслительную мелодию. И не только в математике, но и в других дисциплинах!

* * *

Уже несколько лет лагерь создателей обучающих машин раздирает междоусобица. «Надо делать очень простые машины,— говорят одни.— Они дешевы и доступны». «Но простая машина узко специализирована, — возражают другие,—появился новый программированный материал — либо создавай для него новую машину, либо «втискивай» его в старую, как в прокрустово ложе. Надо ориентироваться на электронные вычислительные машины. Они сложны и дороги, зато универсальны — могут реализовать любой программированный материал».

Конечно, педагогам предпочтительнее всего было бы иметь «всеядную» и в то же время недорогую машину... Но как совместить несовместимое?

И вот Леонид Владимирович Шеншев, сотрудник лаборатории, сконструировал обучающее устройство... Впрочем, правильнее сказать, разработал совершенно новый принцип конструкции обучающих устройств, которые позволят выбраться из этого заколдованного круга.

В машину Шеншева могут быть заложены обучающие программы практически любой сложности, в том числе и такие, какие считались доступными только большой электронной вычислительной машине. Но удивительна она не только этим.

Александр Гумбольдт как-то заметил, что всякая истина проходит в человеческом уме через три стадии: сначала «какая чушь», затем «в этом что-то есть» и, наконец, «кто же этого не знает»! Когда Леонид Владимирович рассказывал о своем детище, первое впечатление: «Это что-то вроде вечного двигателя». Судите сами: вас уверяют, что машина будет беседовать с вами, словно робот из рассказа Станислава Лема. Вы пишете обыкновенной авторучкой на обыкновенной бумаге обыкновенную фразу. Едва вы успели сделать ошибку — допустим, слово «корова» начали писать «ка...»— машина подает реплику: «Думайте, что вы пишете!» Если вы упорствуете, она отчитает вас раздраженным голосом: «Ну, нельзя же так — третий раз вы делаете одну и ту же ошибку!» Она следит и за тем, чтобы ученик не терял интереса к уроку, и, если обнаружит, что он заскучал, стал вяло работать, «встряхнет» его шуткой, иронической репликой. Она... Но, кажется, читатель начал улыбаться (первая стадия по Гумбольдту). Я тоже улыбался не менее скептически, пока не «допросил с пристрастием» схемы и чертежи. Все правильно, ни к чему не придерешься. Более того,— все поразительно просто, и первая мысль: «Как это никто не додумался до этого раньше!» При всем том обучающее устройство Шеншева должно по расчетам стоить сравнительно недорого.

Очень важен, однако, не только экономический, но и психологический фактор: имитация контакта с учителем.

Какая еще машина способна общаться с учеником в форме живого, непринужденного диалога! Ученик пишет, машина читает и ответные реплики подает вслух. Собеседники могут перебивать друг друга, уточнять: «Вы это имели в виду?» В дальнейшем Шеншев предполагает подключить к машине видеомагнитофон, тогда ученик увидит и лицо учителя. Лицо это будет реагировать на его ответы соответствующей мимикой, как при разговоре по видеотелефону.

Ученик сможет не только писать машине свои ответы и реплики, но и чертить, рисовать. Если же снабдить ее клавиатурой — такой, как у фортепьяно,— она сумеет обучать и музыке. Допустим, вы играете заданную пьесу — машина вас перебьет: «Вы фальшивите — здесь до-диез. И не торопитесь, играйте медленнее».

...Фантастическая — и вполне реальная машина Шеншева пока только в чертежах. Но уже нашлись организации, начавшие изготовлять ее. И, я надеюсь, не очень долго придется ждать, когда изобретатель пригласит нас на беседу с необыкновенным автоматическим педагогом.

* * *

Но вернемся от машины к человеку. К учителю.

Как назвать его труд — наукой или искусством? Двух мнений быть не может: пока это — искусство. Почему? Да потому, что блестящий педагог основывается главным образом на интуиции. Этот редкий дар не заменит даже многолетний опыт. Талантливый учитель сам не в состоянии объяснить, почему у него получается, а у других нет. Значит, не может он и научить своему искусству коллег.

В нашей стране два с половиной миллиона учителей. Сколько среди них Макаренко? Сотая часть? Тысячная? Или того меньше? Можно ли допустить, чтобы качество обучения столь резко зависело от случайностей: к какому учителю попал школьник или студент. Где же выход?

Л. Н. Ланда поставил дерзкую задачу. Нельзя научить играть, как Рихтер,—с этим надо родиться, но ведь почти любого можно научить правильно — не фальшивя и в нужном темпе — сыграть по нотам фортепьянную пьесу! Что же, опять «ноты», опять алгоритмы? Да!

На этот раз алгоритмы ведения уроков или, если хотите, партитуры уроков, ибо учителя, пожалуй, лучше сравнить не с пианистом, а с дирижером. «Необходимо,— говорит руководитель лаборатории Л. Н. Ланда,— тщательнейшим образом проанализировать и сопоставить «ходы» сотен гроссмейстеров преподавания и, раскрыв неведомые им самим секреты педагогических дебютов, комбинаций, эндшпилей, разработать алгоритмы уроков. И тогда с полным правом можно будет вслед за известным психологом профессором Николаем Ивановичем Жинкиным назвать программированное обучение «усилителем способности педагога до талантливости».

РАКЕТЫ УХОДЯТ В НЕБО

Наташа Курастикова из команды Московской области, завоевавшая приз имени летчика-космонавта Комарова.

Фото К. Каспиева.

Бушуя пламенем, уходит в голубое небо ракета. И когда отработал двигатель, поднявший ее до наивысшей точки полета, открылся парашют. Вернее, парашютик, очень маленький, ведь и ракета невелика — модель, сделанная детскими руками.

Происходит это в Чернигове, на зеленом лугу, возле реки Десны. Идут первые всесоюзные соревнования школьников по ракетному моделизму.

Как в свое время бурный рост авиации способствовал развитию авиамодельного спорта, так и в наши дни космические полеты породили моделизм ракетный. И популярность его необычайно велика. Сейчас редкий школьник не мечтает о полетах по межзвездным трассам, о строительстве могучих космических кораблей.

В нынешних соревнованиях приняли участие команды школьников двенадцати союзных республик, Москвы и Московской области, а также городов, связанных с именами зачинателей ракетостроения и космонавтики: Кибальчича, Циолковского, Королева и Гагарина. В качестве гостей выступала вне конкурса команда Польши.

Праздник на берегу Десны открыли воздушные спортсмены. Парашютисты совершали одиночные и групповые прыжки, опускаясь под разноцветными куполами на зеленый луг и в реку. Летчики — воздушные акробаты, выполняя фигуры высшего пилотажа, расчертили все небо замысловатыми узорами.

А потом началась главная программа: стартовали ракеты. Одноступенчатые, двухступенчатые... Оставляя за собой дымный след, взмывает в небо ракетоплан. Но, пожалуй, наибольший интерес у зрителей вызвало соревнование моделей космического корабля «Восток», на котором Гагарин совершил свой исторический полет.

Модели эти сделаны с особой любовью и мастерством. И лучшей из них оказалась модель девятиклассницы Наташи Курастиковой из города Электростали, Московской области. Ее родители (отец — сталевар, мать — медицинская сестра) мечтали о том, чтобы дочь занималась музыкой. Но Наташа увлеклась совсем другим: в кружке юных техников она прилежно мастерила модели ракет и космических кораблей. И занятие это отнимало столько времени, что от музыки пришлось отказаться. Теперь ее мечта — стать конструктором и строить большие, настоящие космические корабли.

А пока Наташа — чемпион СССР и обладатель приза имени Комарова. Не подкачали и ее товарищи по команде: Жора Яковлев, Юра Солдатов тоже стали чемпионами СССР, а десятилетний Сережа Афонин — самый младший участник первенства — занял второе место. В итоге команда Московской области вышла победительницей, выиграв Почетный приз имени Гагарина.

А. ГОЛИКОВ

Copyrighted material

Анатолий ТКАЧЕНКО

Рассказ

Рисунок Л. Хайлова.

ГРОЗА В АВГУСТЕ

В темном облаке за лесом мгновенно, как укус змеи, промелькнула молния.

Низко, по самой земле, прокатился гром, и моя бабка, живо вскочив, рискованно быстро пробежала от окна к окну, закрыла балконную дверь и форточки. В прихожей погасила свет.

Снова вернулась в свой угол,— она там что-то делала, шила или вязала,— глубже уселась в кресло, отодвинулась в самые сумерки угла, сгорбилась, притихла.

В комнате остановился воздух, стало тесно, тяжко. Я глянул в окно: светило солнце, березы напротив хоть и поникли, сварившись в духоте, но все еще посверкивали листвой; мальчишки гоняли по асфальту зашарпанный, вялый мяч. Я удивился тому, что опять вот так, просто не помешал бабке закупорить комнату. Вернее, хотел помешать, но уже позже,— она успела затихнуть в своем углу. А в ту минуту, когда молния мгновенно укусила дальний лес, я промолчал.

Так было и в прошлый раз.

Вот сейчас подойду к бабке, возьму ее за руку и, медленно внушая, как гипнотизер, скажу: «Дорогая бабушка, слушай. В нашем городе никого не может убить гром. Видишь вышку научную? Она триста метров, на ней громоотвод. Видишь телемачту, трубы? Везде громоотводы. Это раньше у вас... Теперь в космосе люди летают, а мы форточками от грозы закрываемся...»

Я глянул на бабку. Она вяло, как в полусне, перебирала что-то в руках, губы у нее тоже шевелились, а глаза были опущены, мертвы, вместо них темные провалы; мелкие морщины исчезли, зато крупные сделались просто угольными. Что нашептывали ее губы? Молитву? Но ведь бабка и не молится совсем, вспоминает бога больше по привычке да когда еще приболеет.

Облако над лесом росло, ширилось, превращалось в огромнейшую тучу; там уже ярко, магниево-бело зажигались молнии, и солнце в каждое такое мгновение терялось в небе. Гром накатывался поверху леса, жестко разбивался о крыши домов города.

Мальчишки гоняли мяч, их голоса, слышимые в провалах тишины, истончились до писка, мяч щелкал, как бич, об асфальт и стену забора.

— Бабушка,— несильно позвал я.

Она не вздрогнула, не подняла головы. У нее двигались лишь руки, как бы только ими она присутствовала в этой жизни, а сама, душой, была где-то в детстве или, может быть, и совсем в давней давности, с нашими предками.

Я пробую представить себе бабку девушкой. Напрягаю воображение. И вот уже вижу амурскую степь, свою родину. Меня еще нет в живых, а бабка, молодая, в ситцевой косынке, с подоткнутой юбкой, жнет пшеницу. Захватывает широко, свивает крепкие жгуты. Шаг — сноп, шаг — сноп... Бабка не очень красивая: у нее крупный нос, пробитые оспой щеки,— но она сильна телом, устойчива на коротких тяжеловатых ногах, и за это взял ее в жены, на большое хозяйство, работящий, диковатый казак. «Краса, и то сказать, до венца, а жена—до конца». Бабка жнет, дед составляет снопы в суслоны. Работают молча, исступленно. Жарко, гудят оводы, в тени под вербой дремлет, подергивается лошадь. Из-за Амура, с китайской стороны, медленно, чернея, поднимается облако. Скоро вязнет в нем и тухнет солнце; гром, сваливаясь к земле, колеблет степь. Бабка к самым колосьям склоняет голову, жнет проворнее, а дед, вскинув красное, потное лицо и отерев ладонью раннюю лысину, сжимает кулак, грозит облаку. «В бога, душу...» — дрожа губами, шепчет дед. Небо разверзается над самыми их головами, слепит белый огонь, и тяжкий ливень рушится с огромных высот в травы и хлеба. Бабка, подхватив сноп, бежит с ним к суслону, накрывает суслон перевернутым снопом и пускается, держа в руках подол, к шалашу под вербу. Дед стоит минуту под ливнем, мокнет, после, набычившись, идет в степь, навстречу грозе. Идет, матерясь, сам не зная куда, натыкается в сумраке на кочки, падает; поднявшись, грозит небу и богу, идет дальше. Бродит по степи, ждет, пока прогрохочет гроза и над головой откроется чистое небо. Как бы очнувшись, тихий и виноватый, отыскивает свою заимку; бабка выходит навстречу, молится, крестит его лысую, по-бычьи склоненную голову, и дед молчит до самого нового дня, будто небесные силы сотрясли ему душу.

В деревне деда побаивались, называли безбожником, хотя он бывал на всех церковных службах, соблюдал требы. Старухи говорили, что в нем сидит бес, и, когда случалось деду «вусмерть» напиться, сотворяли над ним всяческие знамения, пытаясь изгнать нечистого. После, перед самой революцией, деда окрестили коммунистом, местный поп запретил ему переступать порог церкви. Но от привычки своей грозить грозе дед не отрекся, кажется, больше еще озлился и теперь к словам «в бога, душу...» стал прибавлять «...в попа и царя...».

В августе дед и бабка жали пшеницу на своем клину. Случилась гроза. Дед ушел в степь и не вернулся. К вечеру нашли его далеко от заимки с пробитым черепом. Решили: убило громом.

— Бабушка,— говорю я в тишину комнаты, чтобы еще раз расспросить ее обо всем этом, чтобы она призналась, из-за чего так боится грозы. Из-за деда? Или родилась на свет, восприняв от предков свой страх?

За окном нахмурилось, туча волокнистым, размытым краем, похожим на дым дальнего пожарища, прикрыла солнце, и лишь пучок острых лучей падал где-то за рекой на березовую рощу, зажигая ее так ярко, что, казалось, деревья вот-вот зелено воспламенятся. Гневно, как напоминание о небесной силе, полыхнула молния; сразу же, подтвердив ее гнев, грубо, услужливо сотряс тверди земные гром.

И снова тишина. В комнате прозвенела и ударилась о стекло муха. Стали слышны часы на буфете — торопливо, звучно они отстукивали секунды. Где-то внизу тоненько повизгивали, щелкали мячом мальчишки. Все сделалось маленьким, резким.

Росла туча ввысь, вширь, громоздилась на город. И дома понемногу мельчали, как бы сходились плотнее, прижимались к земле. Крыши еще проступали матово и лунно, а стены, едва белея, растворялись в безвременных сумерках. И геофизическая вышка и телемачта, такие звонко-высокие в чистом небе, теперь казались истонченными прутьями, из мрака небес воткнутыми в землю.

Вот сейчас, через минуту-две, ударит гром, прогрохочет громило, обрушится жуткая тяжесть — оттого так пусто в теле и прохладно в душе (как перед смертным риском), а потом... Что будет потом? Что-то будет. Но это потом... Вот уже тупо, упруго, как надутые шары, перекатываются, лезут друг на дружку облака, чтобы грознее, с бо́льшим страхом рухнуть вниз и покатиться по маленькой круглой земле.

Я поворачиваюсь к бабке, смотрю, как она там. Но что это? Бабки нет. В углу пусто. Сумеречно и пусто. Ушла, спряталась? Но дверь не скрипела, не хлопала, спрятаться некуда. Я глянул под стол, скосил глазом под кровать — никого. Снова уставился в угол, в самую темень. И в меня проникло такое чувство, будто там, в углу, кто-то есть, но его не видно. Есть и не видно. Существует сгустком темного воздуха.

Я передергиваю плечами, набираю в себя побольше воздуха, чтобы прояснить голову, и говорю в угол спокойно и твердо:

— Бабушка, брось ты эти свои фокусы. Я все равно вижу тебя. Это, может быть, молния тебя не отыщет. Так ты на нее и действуй. А мне что, мне не страшно, я грамотный. Я тебе вот что даже скажу: лишь бы ты не боялась. В нашем городе все ученые, такой город научный. И знаешь, чего они сейчас добиваются? Нет? Так вот слушай. Этой самой грозой управлять будут. Да. Придет туча — рассеют ее, если здесь не нужна, или направят в другое место, ну, скажем, на целинные земли. Можно, наоборот, пригласить к себе грозу — дать с той нашей вышки сигнал или самолет

Copyrighted material

послать,— и как миленькая прибудет, землю польет...

Ударила молния, огненно полыхнул гром.

Я успел глянуть в угол как раз в тот момент, когда комнату осветил мгновенный магниевый свет, будто нас сфотографировали. Но бабки не увидел, в углу даже не дрогнула тьма.

Было душно, однако я почувствовал, как колко, давно позабыто пробежал морозец по моим ногам и спине. Мне захотелось встать, распахнуть форточки, балконную дверь, включить свет... А вдруг и после всего этого в углу будет пусто?

Пошел дождь, плотный, тяжеленный, как пшеничное зерно. Он веско, тупо колотился в землю и, казалось, насыпал горы небесных злаков. Сделалось еще туманнее, и снизу, от леса, проник запах распаренного банного веника.

Я повернулся к бабке спиной. Я вспомнил, как она рассказывала мне о своей бабке, которую считали в деревне ведьмой. Та бабка вроде бы жила сто лет, умерла в эту войну от голода. Долго перед смертью маялась, никак не отлетала ее душа, наконец догадались прорубить в потолке дыру. Еще вспомнил, бабка рассказывала про свою бабку такое: сидела она как-то (была еще девушкой) в горнице, вышивала. Вдруг за печкой, где в закутке жила бабка, раздался взрыв. Ну, не взрыв — выстрел, однако сильный, окна задребезжали. Бросилась она к бабке в закуток, спрашивает, что случилось. Та молчит, перебирает связки трав, а над нею, под потолком, дымок синий вьется и пахнет чем-то сгоревшим... Как-то, выпив рюмочку, моя бабка похвасталась, будто бабка-ведьма любила ее. Может быть, потому и сама по сей день возится с корешками и травками?..

Еще молния, еще гром, еще плотнее ливень. Сквозь щели в окнах и двери в комнату потекла прохлада, будто там, в мерцающем и бушующем пространстве, на деревьях и травах намерз тоненький, зябкий ледок.

Через минуту вроде просветлело. Да, вон над лесом, в размытом влагой облаке, пробилось серое сияние. И левее сереет туча. Зерна дождя налились светом, а за рекой, может быть, на том же березовом пятачке, они падали блистающими струями.

Послышались голоса мальчишек. Выбив на асфальт мяч, они шлепали по лужам, хохотали. Хлестко, как удары в ладони, отскакивал от забора мяч.

Гром скатился за город, глох и слабел в лесах и долинах, в безлюдье, злился, обещая свое новое скорое нашествие. Дома поднимались от земли, росли в небо вышки, росло само небо, и вот в окнах соседнего дома загорелся солнечный свет.

На минуту я зажмурился, а когда открыл глаза, на улице сеялся редкий слепой дождичек, и вся наша комната была полна ярким, зеленоголубым днем.

Я медленно повернулся.

В углу сидела моя бабка, тихо перебирала спицами. Она была спокойна, как-то по-особенному чиста лицом, будто омыл ее этот прохладный дождь. И даже руки ее молодо, резво светились.

— Бабушка,— позвал я.

Она вскинула лицо, прозрачно глянула своими стеклянно-голубенькими мокрыми глазками, ожидая вопроса, придержала спицы.

— Ты где была?

Удивленно сжав губы, она что-то хмыкнула и, поднимаясь, сказала:

— А ты-то сам куда ходил?

Пока я думал, что ей ответить, она, глянув на окно и, словно сощурившись, быстренько проговорила: «Слава тебе, господи!»,— задвигала мягкими, неслышными ногами, и в минуту распахнула балконную дверь и форточки. Вместе с ветром к нам вошло пространство.

Вчера снова была гроза.

И опять исчезла в своем сумрачном углу моя бабка.

Copyrighted material

НА СЕМИ ВЕТРАХ

За Усть-Илимом горела тайга. Все лето стояла сушь, все лето опасались беды, а когда уверовали в то, что ничего уже не случится, она и пришла. Второй день треть бригады Кучумова где-то там, за сизыми сопками, сражалась с огнем. Второй день на самой верхотуре Толстого мыса «загорали» оставшиеся, вслушиваясь в монотонный шум ветра, на все лады костеря погоду и весь белый свет.

Ветер не давал работать. А без работы что за жизнь парням с Толстого мыса? Не жизнь, а так, одно название... Хлопнула дверь вагончика. Бригадир вышел наружу, мрачно взглянул на раскачивающиеся ветки сосен и подошел к краю мыса, пропастью обрывавшемуся вниз. Там было лучше. В котловане экскаватор бодро нагружал единственной своей рукой «КРАЗы», и они едва за ним успевали. «Красиво работает»,— отметил про себя Кучумов. Дальше, за экскаватором, хлопотали взрывники. Еще дальше плотники Николая Корначева готовили опалубку под бетон. Совсем далеко, за серединой Ангары,— продольная перемычка, по которой беспрестанно проносились машины, прижимала мощный поток к правому берегу, и он грозно плевался пеной, словно кичась своей дикой силой. «Ничего, голубчик, будешь и ты в наших руках»,— подумал бригадир и перевел взгляд на плакат, кричащий с портального крана: «Даешь пуск первого агрегата в 1972 году!» «Дашь тут»,— усомнился он и решительно зашагал назад.

— К черту ветер!— произнес он краткую обвинительную речь, распахивая дверь вагончика.— Попробуем-ка, парни, поковыряем.

— Неплохо сказано, Володя,— одобрил его Юрий Половников.— Надоело трепать бороды престарелым анекдотам.

Все двинулись к выходу. Лица оживились. А когда полетели вниз первые глыбы диабаза, стало совсем весело: настоящая работа пошла. Здесь, наверху, привязанные страховыми веревками к поясам, они лихо орудовали ломами, «ковыряя», как выразился Кучумов, гору, и казались себе чуть ли не древними богатырями. Снизу же, из котлована, на огромном голом лбу диабаза Толстого мыса они были почти незаметны. И только грохот скатывающихся глыб обнаруживал их присутствие и заставлял смотреть вверх. Посмотреть, и удивиться слабому, муравьиному копошению крохотных фигурок, и спросить самого себя: для чего? Для чего этот немыслимый риск и трудная работа? И нельзя ли заменить на одной из самых современнейших строек элементарный лом чем-то другим?

— Все очень просто!— разрешил мои сомнения начальник участка Василий Воропай. (Для него все всегда просто. Скажи ему: надо пододвинуть вон ту сопку на десяток метров в сторону — постоит, наверное, некоторое время в раздумье, улыбнется и скажет свое обычное: это просто.) Все можно. Можно элементарный лом заменить, скажем, большим взрывом. Поднимем к небесам половину горки, но потом почти всю эту половину вынуждены будем сложить из бетона. В результате много шума и колоссальное удорожание стоимости работ. К тому же кучумовцы выполняют тонкую и деликатную работу — врезку, а проще говоря, делают в горе большую каменную ступеньку, к которой примкнет будущая плотина. Тут нужно качество. Поэтому работают они в основном мелкими, направленными взрывами. Технология, разумеется, та же. Привязываются, бурят перфораторами, в шпуры закладывают взрывчатку... Только потом лом. Настоящие парни. А риск? Лучше спросить об этом их самих.

— Риск?— переспросил Кучумов.— Не знаю, не замечал. Наверное, привык. Хотя, признаться, сначала было жутковато. Случаев у нас особых тоже как будто не было. Хотя, постой, был раз с Витей Бариновым.

В то утро многодневная, кропотливая подготовка была наконец завершена, и бригаде предстояло самое сложное, ответственное и почетное — установить и закрепить на отвесной, почти неприступной скале большой портрет Ленина. Верхолаз Виктор Баринов, удерживаясь на основном стропе, привычно спускался вниз. Страховочная веревка была привязана к поясу, и двое наверху подстраховывали его. На всякий случай. До отметки оставалось всего метра два, когда Виктор почувствовал что-то неладное. Что? Он еще и сам не знал. Но интуиция заставила его взглянуть вверх. Взглянуть и мертвой хваткой вцепиться в строп, повиснуть над бездной, не двигаясь. Примерно в метре над его головой строп оказался надрезанным, очевидно, острым камнем, упавшим сверху, и теперь незадетые нити его медленно раскручивались, грозя оборваться каждый миг. Он понимал, что сверху его не видят: его закрывала скала. Он посмотрел вниз, хотя знал, что делать этого не стоит. Все звуки внезапно исчезли, как будто мир онемел. Внизу, прямо под ним, абсолютно бесшумно полз бульдозер. В этот момент Виктор забыл обо всем. Даже о том, что привязан страховочной веревкой. Он снова взглянул вверх и понял: сейчас оборвется. И в тот же миг, когда это случилось, машинально, резким, заученным движением дернул страховку два раза. Его спокойно потащили наверх. Звуки снова вернулись в мир.

— Заменить, что ли?— спросили его.

— Не меня,— спокойно ответил он.— А вот этот строп...

В тот день портрет Ленина был установлен на скале. И традиционно под ним каждый год, как клятву, коротко и энергично пишут строители программу своей жизни:

«1967 год. Перекрытие и откачка котлована». Сделано.

«1968 год. Даешь первый бетон». Дали.

Затем, вероятно, появится такая надпись: «Перекрытие Ангары и развертывание главных работ». Это будет сделано к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Придя утром на работу, каждый строитель бросает взгляд на портрет. Кажется, что на этой скале он был всегда, как всегда живут с нами ленинские идеи. Вспомните трудное время первых лет Советской власти. Знаменитый и скромный по нашим временам план ГОЭЛРО, который мы по праву тоже зовем ленинским. В том самом плане в разделе об электрификации было написано: «...а в Сибири принимается во внимание только западная ее часть». «Только западная?» — прочитал Владимир Ильич и тут же внес одну небольшую, но принципиальную редакционную поправку: «Пока»,— подчеркнув тем самым, что в дальнейшем будет электрифицирована вся Сибирь. Это «пока» сбывается на наших глазах. В 1963 году вступила в строй единая энергетическая система Сибири, объединяющая Иркутскую, Красноярскую, Кузбасскую, Новосибирскую, Томскую, Барнаульскую, Бурятскую и Омскую энергосистемы. Мировая практика энергетического строительства не знает подобных примеров. А теперь уже мы повторяем ленинское дерзкое и дальновидное «пока», сооружая в зоне вечной мерзлоты Вилюйскую ГЭС и в Билибино, далеко за Полярным кругом,— атомную.

Ю. СИБИРЯКОВ

ПАРТИЗАНСКАЯ БАЛЛАДА

Николай РЫЛЕНКОВ

Деревья в лесу, как в строю, стоят,
Догорают звезды в кострах.
«Смерть оккупантам!» — так наш отряд
Мы назвали немцам на страх.

В разведке хитер, в налете смел,
В открытой схватке горяч,
Надежных людей подбирать умел
Командир наш Иван Косач.

Однажды на наш партизанский стан
Двоих часовой привел.
Сюда, говорят, искать партизан
Мы пришли из окрестных сел.

Командир в упор на них поглядел:
— Так. Ушли от детей и жены.
Для каких же таких неотложных дел
Партизаны вам стали нужны?

Разводят руками они в ответ:
Что пытаешь, мол, знаешь сам.
Значит, жизни в селах народу нет,
Коль пошел народ по лесам.

Командир глазами их смерил опять:
— Был в разведке вашей изъян.
Партизанам пришли вы сюда помогать,
Я пришел ловить партизан.

Мне начальник района отдал приказ
Из берлог выкуривать их.
На одной поганой осине сейчас
Я велю вас повесить двоих.

А пока приготовят покрепче петлю,
Понадежней выберут сук,
Учинить вам с пристрастьем допрос велю
У порога посмертных мук.

Подмигнул, и трое дюжих ребят
Завязали их в два узла.
На опушке зарю глухари трубят,
На кострах розовеет зола.

Задыхаясь, один взмолился: — Прости,
Не искал я лесных полян.
Это он, сосед, меня сбил с пути
И повел в партизанский стан.

А другой сказал: — Если б знал допреж,
Я в пути б его придушил.
Что ж, казни меня, мучай, на части режь,
Вей веревки из крепких жил.

Не хочу домой ползти окарач,
Пусть меня поминает жена.
И когда подошел к нему сам Косач,
Он в лицо ему плюнул: на!

Молча вытер Косач лицо рукавом
И сказал, улыбнувшись вдруг:
— Стало больше бойцом в отряде моем,
Этот будет мне верный друг!

Не согнется, податливый, как лоза,
Если немцами будет взят...
А тому завязать покрепче глаза
И отсюда — коленом в зад.

Деревья в лесу, как в строю, стоят,
Догорают звезды в кострах.
«Смерть оккупантам!» — так наш отряд
Мы назвали немцам на страх!

Copyrighted material

Верхолаз Виктор Баринов работает на строительстве Усть-Илимской ГЭС с 1962 года.

Со дна реки земснаряд добывает песок и гравий для бетонных заводов.

Фото А. Гостева

Техника шагает на строительство ГЭС.

Аленка родилась в Усть-Илиме.

copyrighted material

Толстый мыс.

На берегу Ангары.

Усть-Илим строится.

Copyrighted material

Здесь разольется Усть-Илимское море.

Плотник Я. Макарчук с женой и дочкой отправляется на Ангару.

Вадим КАССИС
Сергей СВИРИН

Фото авторов.

ВСТРЕЧА СО СЛОНАМИ

Северный экспресс отошел от Бангкокского вокзала в Чиенгмай под протяжные удары медного станционного колокола. «Северным» он именуется потому, что есть еще один — южный. Протяженность железнодорожной линии от таиландской столицы до северных окраин — 470 миль, а до южных — около 850.

Первая железнодорожная линия была построена в Таиланде еще в 1891 году одной частной компанией. Для сооружения других веток требовались средства, и немалые. Сиамское правительство обратилось за помощью к иностранным державам. Английские колонизаторы, оценив сулящие выгоды, согласились финансировать железнодорожное строительство. В начале 20-х годов вступили в эксплуатацию северная и южная магистрали.

Сооружение железных дорог продолжалось и во время второй мировой войны. Рельсовый путь в 245 миль был построен японскими оккупантами от Банпонга через перевал «Трех Пагод» в долину Квеноя.

— Говорят, что на этом строительстве погибли от холеры, дизентерии, малярии и постоянного недоедания сотни тысяч рабочих,— заметил наш попутчик, железнодорожный служащий.

После второй мировой войны в Таиланде появилось еще несколько железнодорожных магистралей.

— Когда-то на путешествие из Бангкока до Чиенгмая по водному пути уходил месяц, а то и больше,— продолжал наш знакомый.— Теперь можно добраться всего за двадцать часов.

На полустанках и разъездах нам встречались товарные эшелоны. В Бангкок везут ценные породы дерева, изделия кустарного промысла, рис, скот, шкуры. Из столицы идут поезда, груженные текстилем, консервами, солью, сахаром, керосином, бензином, спичками.

...Медленно ползет наш состав из семи вагончиков. Мы уже давно распрощались с равниной, рисовыми полями. Горные цепи надвигаются на крошечную гусеницу состава. Поворот за поворотом. К гамме зеленых красок — от нежного до густого цвета — прибавилась охра. Подобно немым стражам возвышаются почти возле самого полотна жилища термитов из краснозема, каждое высотой в человеческий рост. Для шпал термиты не страшны,— шпалы железные. Путевые рабочие обходят эти многоэтажные дома стороной, с уважением поглядывая на них. Термиты священны, их нельзя трогать, нельзя разрушать их жилища,— ведь они напоминают по форме пагоды!

Пассажиры, уже порядком уставшие от дороги, сидели в своих купе, как пленники, ожидая конца путешествия. Вдруг поезд остановился. Мы высунулись из окна. Внизу, под высоченной насыпью, непроходимые джунгли. Нам видны лишь макушки гигантских деревьев. «Закрыт светофор»,— решили мы и собирались уже отойти от окна, но тут заметили проводника, бегущего вдоль вагонов. Он размахивал руками и что-то кричал. Из вагонов стали выскакивать люди. Они с опаской выходили на соседние пути и смотрели вперед. Мы последовали их примеру, еще ничего не понимая. В это время паровозик начал издавать протяжные гудки. Метрах в ста от состава на рельсах толпилось около десятка слонов. Гиганты грозно раскачивали хоботами и неистово трубили, будто отвечая паровозику. Кто кого? К счастью, противоборство длилось недолго. Животные потоптались на месте еще минут пять и, грузно переваливаясь, стали спускаться с насыпи в джунгли.

— Хорошо еще, что пути не тронули,— заметил наш сосед по купе, когда мы вошли в вагон.

— А что, бывает и такое?

— Сколько угодно. Слоны выходят на железнодорожное полотно греться. И если их в это время рассердить, они могут перевернуть все шпалы и рельсы... И добавил:— Это дикие слоны. Но когда они приручены — это ведь умнейшие животные! Они выполняют в джунглях работу, с которой не справиться никакому трактору.

БИЗНЕС НА БУДДИЗМЕ

В Чиенгмай мы приехали во второй половине дня. На вокзале шум, сутолока. В толпе мелькают оранжевые хитоны буддийских священников. Кричат торговцы, носильщики, велорикши предлагают наперебой свои услуги.

Город Чиенгмай — бывшая столица Таиланда — лежит на горном плато в чашеобразной долине, бывшей когда-то огромным озером и обрамленной невысокими горными цепями. Население Чиенгмая — около 80 тысяч человек. Это второй по величине город Таиланда. В одной из исторических хроник записано, что король Менграй решил перенести свое местожительство из города Сарапии, который подвергался ежегодным наводнениям, в более высоко лежащее место. В 1296 году Менграй вместе со своими друзьями отправился на поиски новой столицы. Так они подошли к подножию горы Дой Сутеп. Жители маленькой деревушки рассказали высоким гостям, что недавно они встретили здесь двух белых оленей. Король Менграй увидел в этом добрый признак и избрал это место под строительство новой столицы. Девяносто тысяч рабочих приступили к сооружению города, окружив все его дома высокой крепостной стеной. Они трудились четыре месяца без сна и отдыха. Король Менграй умер в 1317 году. За город начались сражения с другими королями. Его разрушали одни и восстанавливали другие правители. Но крепостные стены оказались настолько крепкими, что их остатки сохранились по сей день.

На одной из центральных улиц толпа перегородила дорогу. Слышались удары гонгов, барабанов. На двух грузовиках разместился оркестр, а на асфальте дороги плыли в хороводе девушки в ярких одеждах. Другие девушки сновали в толпе с большими серебряными сосудами, в которые со звоном падали мелкие монетки. Жертвовали в пользу нового буддийского храма.

Минут через десять, увлеченные толпой, мы оказались в прохладном зале раззолоченного храма. В глубине под балдахином с кистями восседал в традиционной позе глиняный будда. На стенах висели знакомые фотографии буддийских храмов Индии, Непала, Цейлона. Ошибки быть не могло — подобные фотографии выпускаются туристическими бюро этих стран. Они смотрят на пассажиров со стен многих аэровокзалов мира.

— Буддизм и туризм уживаются отлично,— вдруг послышался за спиной чей-то голос.— Я вижу, вы с удивлением рассматриваете рекламные снимки. Разрешите представиться...

И человек в полуевропейском костюме предложил нам визитные карточки. На них значилось: «Бюро путешествий. Управляющий Энасирон».

Дальнейшие события развивались стремительно. Энасирон, не смущаясь, что все происходит в храме, горячо шептал названия маршрутов (не забывая указывать, в какую копеечку, точнее, во сколько бат, обойдется каждый), расстояния в километрах до «самых знаменитых храмов», иностранные марки автомашин, которые могут нам предоставить.

Таинственная церемония освящения нового храма проходила уже где-то вне нашего сознания. Мы чувствовали, что попали в цепкие руки дельца, для которого, видимо, буддизм был подмогой в делах сугубо мирских.

ТИКОВЫЙ ГИГАНТ

Признаемся: мы купили один маршрут у господина Энасирона. На видавшем виды «джипе» мы неслись по вздыбленному плато навстречу джунглям. Хрустально чистый горный поток, хлипкий мостик, каскад рисовых полей, сбегающий в долину с отлогого холма, ротанговые рощицы. Проскочили с ходу несколько деревушек — дома на сваях, пасутся круторогие буйволы, бегают голышом ребятишки — и вдруг сразу, как гигантская зеленая стена, на нас обрушились джунгли. Район разработок тикового дерева.

Леса занимают 80 процентов территории страны. Особенную ценность представляет тиковый лес. Тик — коммерческая порода дерева. Его древесина содержит большой процент масел, предохраняя изделия из тика от гниения. Он идет, например, на постройку палуб судов. Во время роста тиковые деревья из-за своих огромных листьев поглощают неимоверное количество влаги. Зато потом, когда дерево соприкасается с водой, ему не страшны разрушающие свойства сырости. На сваях из тика крестьяне сооружают свои хижины. Окружность взрослых деревьев (150—160 лет) у земли достигает более двух метров. По существующему в Таиланде закону разрешается валить только такие деревья. Однако браконьерство процветает. В таиландских газетах время от времени появляются информации примерно такого содержания: «Неподалеку от гор. Убон обнаружено 96 стволов тикового дерева стоимостью в 1 миллион бат. Полиция разыскивает преступников». Эксплуатация тиковых лесов находится в ведении государственных лесопромышленных организаций. Расхищение ценного дерева карается законом. Но никто не несет ответственности за тяж-

Copyrighted material

кие испытания, которые выпадают на долю тех, кто трудится на лесоразработках. Даже слоны, верные помощники лесорубов, умнейшие животные, выросшие в джунглях, могут работать лишь несколько часов в день. Лесоруб же не знает отдыха. Мы видели истощенных от желтой лихорадки людей, видели их разбухшие от страшных укусов тропических пиявок ноги.

Западноевропейские лесопромышленники еще в прошлом веке повели борьбу за концессии по разработке тика. К 1909 году число концессионеров перевалило за сотню. Но из-за труднодоступности районов разработок мелкие концессионеры были вынуждены уступить свои разработки более крупным, денежным. К началу 30-х годов главные тиковые концессии сосредоточились в руках восьми иностранных компаний — четырех английских, одной датской, одной французской и двух китайских. Так продолжалось до 1955 года — до истечения договорного срока действия концессий.

Сейчас примерно половина всех тиковых лесов объявлена заповедником. Создана крупная смешанная компания с привлечением иностранного капитала. В ней 20 процентов акций принадлежит государству, а остальные — пятерке иностранных компаний. Имеется также несколько небольших национальных компаний.

Мы идем по лесу вот уже второй час. Сыро, темно. И если бы не визг пил, можно было бы подумать, что здесь вообще никто никогда не бывал. Высокий бамбуковый подлесок, широкие листья тика не пропускают солнца. Кажется, что на глазах дымчатые очки. Дождливый сезон — сезон валки и сплава тика. В сухой сезон рабочие отобрали деревья, отмаркировали и окольцевали. Нас сопровождает лесничий Сарит. В свое время Сарит окончил лесную школу в Пре. Он влюблен в лес, знает его тайны, охотно рассказывает:

— Тиковое дерево вода не держит. Оно тяжелое. Поэтому за год-два до валки лесорубы прорубают на уровне одного метра от земли кольцо в коре. Окольцованное дерево начинает сохнуть, и потом оно уже не утонет во время сплава.

Тиковые деревья от мест разработок до начала сплава доставляются либо волоком на слонах, либо по узкоколейным железным дорогам. Сплав леса начинается в июне и заканчивается в конце октября. По маленьким речушкам стволы проходят по 60—100 миль до тех мест, где формируются плоты. На реке Пинг плоты вяжут в местечке Так (Рахенг). Связать плот — это целая наука. В средней части плота собирают наиболее тяжелые стволы. Это позволяет легче удержать плот в фарватере русла. Вяжут его ротанговыми канатами. В центре плота на высоких сваях сторожевая вышка главного плотогона; под ней — хижина сплавщиков. На корме и носу укрепляются рулевые весла.

На реке Пинг плот вяжут из 350—400 стволов. На мелях и перекатах дежурят специальные команды рабочих со слонами. Они помогают сплавщикам перетягивать плоты. И снова медленно течет по реке другая река — из тика.

Одна из центральных улиц столицы Таиланда.

Бездомный.

Таких слонов из тикового дерева вырезают в мастерских Чиенгмая.

Чем ближе к Бангкоку, тем больше времени требуется на каждую милю.

Вечер. Смрадные испарения окутывают участок, только что очищенный от леса. На сырой, мягкой, местами заболоченной земле лежат тиковые исполины. Завтра их разрежут на бревна и по специальным деревянным желобам потащат к реке. В лесу тихо. Погонщики ушли вместе со слонами в лагерь. Следом за ними устало потянулись лесорубы. Их ждет короткий тревожный сон, чтобы завтра снова вернуться на просеку. В Бангкоке срубленные ими стволы тика подготовят к экспорту. Это валюта. 60—70 процентов сплавляемого леса идет на экспорт.

Те деревья, которые нельзя продать, перекочуют в ремесленные мастерские. Из них мастера выпилят, выстругают фигурки танцовщиц, пепельницы, подносы...

В одной из мастерских Чиенгмая нам показали фигуру слона в человеческий рост. Его вырезывали целых два месяца пять мастеров.

— Мы уже продали его,— сказала дочь хозяина мастерской.— Продали за шесть тысяч бат.

— Кому?

— Иностранцам, точнее, американцам.

— Их здесь бывает много?

— Точно не знаю. Последнее время стало больше. Особенно военных. Говорят, что они служат на базах, неподалеку от нашего города.

Еще мы спросили:

— А сколько получили за работу те пять мастеров, которые вырезывали фигуру слона?

— Две тысячи бат.

Ясно: львиную долю хозяин положил себе в карман.

Чиенгмай славится резчиками по дереву, чеканщиками по серебру, мастерами, изготовляющими различные безделушки из лака. К сожалению, большинство изделий постепенно теряет свой высокий художественный уровень.

У старого охотника

Таиланд — многонациональное государство. Северные горные провинции страны, примыкающие к Бирме и Лаосу, населены национальными меньшинствами тибето-бирманских народностей. Нацменьшинств в Таиланде около 500 тысяч человек, хотя точной переписи населения этих районов никогда не проводилось. Считают, что здесь проживает, например, самое малочисленное племя в мире — тонилуанг. В мае 1967 года оно насчитывало восемь мужчин, двух женщин и двух мальчиков. Самое многочисленное племя здесь — карены — около 75 тысяч человек; в племени меодо 50 тысяч и т. д.

Все племенные группы ничего не имеют общего с тайцами. Они сохранили свой язык, обычаи, нравы, уклад. За исключением каренов и лава, все остальные племена переселились в Таиланд за последние сто лет из Бирмы и Китая. Стихийный процесс переселения продолжается до сих пор, что, естественно, затрудняет статистический подсчет, но главная трудность состоит в том, что национальным вопросом в Таиланде не занимаются.

«В нескольких часах езды от Чиенгмая, за горным кряжем, раскинулась деревушка племени мяо». Так написано в одной из книг о Северном Таиланде. Однако путь оказался непредвиденно сложным. Доехать на машине в деревню нельзя. Мы оставили «джип» на краю обрыва и метров триста буквально ползли по скользкому, глинистому, заросшему колючим кустарником склону. Деревня лежала в тумане. Сквозь пепельно-серую мглу пробивались тонкими струйками дымки от очагов. Пахло кизяком. Лет пятьдесят назад сюда мало кто рисковал забрести. Жители племени не питали симпатий к иноверцам. Но отзвуки цивилизации докатились и в этот уголок Таиланда, хотя во многом внутренний мир племени мяо, их быт, сохранился, каким он был, может быть, и тысячу лет назад.

Copyrighted material

Три десятка хижин, крытых сухим тростником, лепятся по склону горы. За низким заборчиком из тиковых прутьев — школа. Перед школьным бараком высокий шест с государственным флагом Таиланда. На пороге нас встречают молодые парни в форме полицейских. Знакомимся. Выясняется, что они не только несут здесь службу, но и учат детей.

— Чему учат?

— Тайскому языку и другим дисциплинам,— объясняет полицейский-преподаватель и добавляет:— Не удивляйтесь. Это объясняется местными условиями.

Переходим из хижины в хижину. Люди смотрят на незнакомца доверчиво, без робости. На пороге одной из хижин мы приметили старика. Он что-то старательно выстругивал.

— Готовит стрелы. Видно, собрался на охоту.

Старик подслеповатыми глазами смотрит на переводчика, скрывается в черном дверном провале хижины и выносит арбалет.

— Мы не знаем огнестрельного оружия. Отравленная ядом стрела лучше любой пули,— говорит старик и приглашает нас в хижину.

Постепенно глаза привыкают к темноте. Осматриваемся. Земляной пол. В углу очаг из камней. На нем огромная сковорода с высокими краями. На ней скворчит кабанья нога. Старик приглашает отведать мяса. За трапезой хозяин и его дочь рассказывают об охоте, вспоминают, как прошлой осенью старика врачевал «от лихорадки» (да не излечил) шаман. Пришлось идти в город.

Вдруг где-то сзади послышался легкий щелчок. Мы невольно обернулись. В углу, на бамбуковом столике, стоял батарейный радиоприемник.

— Умная машина,— признался старик.— Вот только погоду плохо предсказывает. У нас своя погода, а они нам все про бангкокскую рассказывают.

Старик посмотрел на приемник, скосил глаза в нашу сторону и хитро прищурился. Очень хитро. А может быть, нам это только показалось?

Чай — это панацея!

«Чтобы положить конец уничтожению лесов и хаотическому передвижению племен, необходимо научить их выращивать чай и кофе на склонах гор, где они обитают...» Эти строки мы взяли из доклада комиссии, занимавшейся обследованием племенных районов Северного Таиланда.

Мы проехали на машинах и лошадях, прошли пешком сотни километров по горным дорогам и тропам. Посетили множество поселений под вековыми деревьями и на выжженных человеком холмах.

«Там рай»— так называют в Таиланде подсечно-огневое земледелие. Оно практикуется во многих районах страны, но особенно в местах, населенных племенами. Во всей стране от урожая, собранного на полях с подсечным земледелием, зависит около миллиона крестьян. Ежегодно под перелогом находится свыше 500 тысяч акров земли. Подсчитано, что при такой агротехнике требуется в 10—15 раз больше земли, чтобы прокормить семью, чем при обычном земледелии. И все же более 12 процентов населения Северного Таиланда вынуждено заниматься подсечно-огневым видом агрикультуры. На это их толкает отсутствие сельскохозяйственной техники, удобрений.

Народности мяо и лао, проживающие к северу от Чиенгмая, издавна научились обрабатывать листья дикого чая. Недавно богатый землевладелец из Чиенгмая скупил у племени мяо земли, заросшие диким чайным кустом, и построил чайную фабрику. Тронг Данг производит черный и зеленый чай не очень высоких сортов и продает его в Чиенгмае и Бангкоке. Он делает попытки улучшить сорта, постепенно заменяет их культурными. Но все это остается каплей в море. Мяо и лао по-прежнему собирают листья с диких кустов и производят так называемый чай «мянг».

Мы побывали на одной из таких «плантаций». Полтора десятка хижин лестницей соломенных крыш спускаются с крутого холма в долину безымянного ручья. Через него переброшен шаткий мостик, висящий на скрученных из лиан канатах. Холм на том берегу курчавится чайным кустарником. Дикий куст зацветает в самом начале дождливого сезона. Но мы приехали на плантацию через два месяца, как раз в пору, когда женщины приступают к сбору листа. Среди густой, сочной зелени мелькают их черные с красной оторочкой тюрбаны и оголенные по локоть руки. Когда висящая за спиной конусообразная корзина наполняется до краев листьями, сборщица, пригнувшись под ее тяжестью, медленно бредет к ручью. Здесь на песчаной отмели уже высятся горы зеленого сокровища. Девочки лет восьми — десяти складывают листочки в пачки и перевязывают тонкой бамбуковой дранкой.

К сумеркам, когда обрывать листья уже трудно, мужчины раскладывают на берегу ручья костры, кипятят в чанах воду. Заложенные в деревянные сита пачки листьев укрепляются над кипящей водой. Пар, проходя через дырочки сита, распаривает листья. Из зеленых они становятся бурыми, насыщенными влагой. Их вытряхивают на бамбуковые носилки и по зыбкому мостику переносят в деревню. Там ссыпают в земляные ямы и оставляют на неделю кваситься. «Мянг»— это и есть «квашеный чай». Производители «мянга» сбывают свой продукт далеко за пределами Северного Таиланда.

Мы спрашивали у жителей деревушки, хотят ли они выращивать культурный чай. Ответ был: они готовы принять любое предложение властей, лишь бы улучшить свою жизнь.

— Но практических шагов пока никто не делал,— сказал нам молодой парень по имени Муанг.— Подсечное земледелие и дикий чайный куст кормят нас. А что будет дальше, мы не знаем...— В его голосе звучало разочарование.— У нас слишком много болезней, и я не знаю, можно ли излечить их с помощью одного чайного куста,— закончил он.

Да, таиландское общество разъедает много болезней. Преступные связи с американской военщиной, толкающей страну на путь опасных военных авантюр, отодвигают на задний план заботу о повседневных нуждах народа. К такому выводу мы пришли, совершив поездку по городам и селам этой азиатской страны.

ПАМЯТЬ

М. ЦУРАНОВ

ОТЧИЙ КРАЙ

Все лес да лес, не видно края,
Березы и сосна окрест.
Как хороша земля родная!
Благословляю свой приезд.

Иной искатель жизни новой,
На отчий дом махнув рукой,
Вдали забудет бор сосновый
И луг зеленый над рекой.

Он и о том забудет кстати,
Как мать в обличии простом
Хлеб выпекала на лопате,
Кленовым выстланной листом.

Дым из трубы струился в небо,
Бледнела на́ небе звезда.
Ах, этот теплый запах хлеба,
Он будет дорог мне всегда!

И мне и радостно и больно.
Ты, время, как ни прекословь,
Я вспомнил молодость невольно.
Свиданья. Первую любовь.

Как я, от счастья замирая,
Шептал безумные слова,
И надо мной родного края
Сливались звезды и листва.

БУДЕННОВСКИЙ ШЛЕМ

Мой старый дружище,
буденновский шлем,
Былое за дымкой седою,
Но, помню, к лицу был ты воинам
всем,
Увенчанный красной звездою.

Лихого покроя суровый доспех,
Рожден ты в завидное время.
Я слышу:
в поход собирает нас
всех
Трубач, опираясь на стремя.

Он в шлеме крылатом с вершины
холма
Сигналит, исполненный пыла.
Романтика юности нашей сама
Тебя, мой дружище, скроила.

Шить шлемы садились портные с
утра,
У красных полков на примете.
Великие были они мастера,
Портные безвестные эти.

И после похода, оставив седло,
Под небом, синевшим, как ситец,
Я прибыл на отдых в родное село
В буденовке.
Чем же не витязь?

Рождались легенды и строки
поэм.
Как пламенны ясные зори!
Тебя заменили, крылатый мой
шлем,
Ушанка с пилоткою вскоре.

Но, сколько бы лет ни промчалось
земных,
Под небом того же плацдарма
Я вижу тебя на бойцах рядовых
И на голове командарма!

УЛЫБКА

Бригадира Ваню Федюшкина я сфотографировал случайно. Принес на стройку аппарат запечатлеть, так сказать, для потомства торговый комплекс, который мы заканчивали. Нащелкал целую пленку. Проявил, напечатал. Федюшкин, говорят, удачнее всех получился. Сидит, улыбается. Привычка, что ли, у него такая? Нет, скорее характер такой. Жизнерадостный человек.

Раз встречаю Евдокию Козыреву. Разговор у нас с ней о бригадире зашел.

— Он всегда с усмешечкой да с улыбочкой,— говорит она.— Я на него сегодня так обозлилась, что даже зла не хватает.

— Ну, ну, расскажи, расскажи...

— Да как же? В подвале, вы же сами знаете, и грязно, и сыро, и воздух тяжелый. Я уже больше недели работаю там. А он придет, улыбнется: «Универмаг к празднику сдать надо...»

— Разве он неправду говорит?

— А разве я сама не знаю, что правду?

Подмигнула мне и пошла в свой подвал. А я — к бригадиру. Передал ему разговор. Федюшкин поправил шапку, с боку на бок этак ее подвигал. У него привычка — обязательно шапку поправлять, когда о чем-нибудь думает, хотя шапка вовсе и не собирается сползать.

Заменил он Козыреву на следующий день, хотя заменять ему, конечно, не хотелось, потому что Дуся — работница отличная. Сама она его не просила, мне сказала. К бригадиру обращаться неудобно, сам-то он работает, не считаясь со временем, устал не устал, раз надо, так надо. И потому, когда других критикует, никто не артачится. Сам бригадир пример подает, как надо по-настоящему работать. А «пробирает» он нерадивых здорово и чувствительно. Он как-то так тихо, тихо за душу берет.

— Такие примерчики приведет, что не знаешь, куда глаза от него отворачивать,— признался мне как-то каменщик Увачев.

Короче говоря, талантливый бригадир и принципиальный. Только иногда эта принципиальность приходит в противоречие с нашими строительными порядками.

В конце прошлого года на строительство двенадцатиэтажного дома, который возводила бригада Федюшкина, завод-поставщик прислал целый траллер — 8 штук плит межэтажного настила. А оказалось, что они вовсе не нужны; тех плит, которые уже были, хватало, чтобы закончить монтаж дома. Зачем брать лишнее? Государству разорение. И бригадир от приема плит отказался. Тогда с него удержали 26 рублей. За лишний прогон автомашин с теми плитами. Материальный и моральный стимулы не сошлись.

Такие конфликты разрешить он, конечно, не может. Зато другие он запросто решает одной своей колдовской улыбкой. Как-то, проходя мимо, я стал невольным свидетелем разговора бригадира с одним из такелажников.

— У меня уже рубаха мокрая. А ты все давай да давай...

— Когда в кассе побольше получаешь, хорошо?

— Хорошо.

— Давайте все сядем и отдохнем часок-другой. Но тогда к прорабу ты иди наряды подписывать. Меня тогда посылать нечего,— и улыбнулся, конечно.

Так что, вы думаете, ответил такелажник? Ничего. Заулыбался.

Семен КУЛИКОВ,
прораб СУ-31 треста
«Мосстрой-6»

Copyrighted material

Катарина Сусанна **ПРИЧАРД**

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

М О Н

Он стоял, закованный в кандалы, высокий, прямой, голый — в одной только выцветшей повязке на бедрах. Жаркое австралийское солнце играло бликами на его коже цвета старой бронзы. Могучего телосложения, сильный мужчина в расцвете лет, он стоял неподвижно, устремив зоркие глаза охотника куда-то вдаль, в сторону Севера.

В дверях больницы для туземцев — пыльного здания, выстроенного из рифленого железа и небрежно побеленного известкой,— появился доктор Алан Нойес. Остановившись на ступеньке лестницы, он вглядывался в пеструю толпу аборигенов, сгрудившихся вокруг высокой фигуры человека в кандалах. Гости доктора — приезжий англичанин с женой,— которым он показывал больницу, невольно тоже остановились и стали смотреть в ту же сторону.

— Великолепный экземпляр первобытного человека! — вполголоса сказал доктору гость, Уэйн Виккенс.

— С какой радостью я написала бы его маслом! — восторженно откликнулась супруга Виккенса.

Их прервал неизвестно откуда появившийся священник в черной альпаковой сутане с круглым белым воротником. Приземистый, с круглым брюшком, он был весь в поту, стекла очков блестели над румяными, пухлыми щеками. Измятые шорты делали его похожим на выросшего из штанишек школьника.

— Вот мы его и скрутили! — радостно воскликнул священник.

— Кого? — спросил доктор Нойес.

— Убийцу! — Пастор едва сдерживал рвущееся наружу ликование.

— Прошу прощения. Мои гости собираются уходить,— сказал доктор, поворачиваясь к нему спиной.

— Если не ошибаюсь, преподобный Амос Пью? — сказала миссис Виккенс.

— Мы, кажется, ехали сюда на одном пароходе? — поддержал ее муж.

Пока они обменивались вежливыми репликами и спрашивали друг друга о здоровье, Нойес отыскал глазами в толпе юношу аборигена в куртке скотовода. Доктор подозвал его.

— В чем тут дело, Джонни? — спросил он.

Джонни часто выполнял обязанности переводчика, когда доктор принимал аборигенов в больнице, поэтому среди рабочих скотоводческой станции, принадлежавшей миссионерскому пункту, юноша считался важной персоной. Он никогда не расставался с широкополой шерстяной шляпой, ботинки же с резинками на боках — свою гордость — Джонни надевал только в праздники, когда вместе с другими скотоводами и гуртовщиками отправлялся в близлежащий городок.

Джонни стал что-то рассказывать доктору, понизив голос. Доктор Нойес, видимо, настолько был озабочен его рассказом, что гости переглянулись и стали прощаться.

— До скорой встречи, док! Спасибо за любезный прием,— сказал англичанин.

— Не забудьте: сегодня вы обедаете с нами в «Континентале»,— напомнила его супруга.

Но Нойес едва ли расслышал их слова — пригнув ухо к Джонни, он, не отрываясь, слушал рассказ юноши.

Не только в поселке, но и во всей округе доктор Нойес пользовался доброй славой. Неизменно внимательный к пациентам, он располагал их к себе дружеским обращением. Он всячески остерегался задеть неосторожным словом древние законы местных племен аборигенов, их религиозные обряды или суеверия. Он лечил их болезни с таким мастерством, что однажды Джонни, ездивший на побывку к родичам, попросил старейшин признать доктора соплеменником. Старики согласились, и с тех пор по старинному обычаю доктор Нойес стал считаться братом Джонни.

Юное лицо Джонни, обычно освещенное улыбкой, становилось все мрачнее.

— Плохое дело с большим Монгалили,— сказал в заключение Джонни, оборачиваясь и показывая пальцем на человека в кандалах.

— А что же он все-таки сделал? — допытывался доктор.

— Монгалили убил молодого Калунгу. Копьем убил.

От волнения Джонни целые фразы произносил на родном языке, не переводя на английский, и доктор не все понял из его рассказа. Почувствовав это, юноша глубоко вздохнул и, медленно подбирая слова, принялся пересказывать заново.

— Отец Пью сказал нашей девушке Грейси и нашему парню Питу, которые работают при миссии: пусть они поженятся. Это нельзя: рамбадба![1] Девушка и парень — наши, ее настоящее имя Карлоо, его — Калунга; Грейси и Питом их назвал сам отец Пью. Девушка Карлоо из семейства арвунария, Калунга — тоже арвунария. Жениться нельзя: девушка арвунария может выходить только за мужчину из адбулария. Старики говорят: Калунге жениться на Карлоо — все равно, что отцу на дочери. Нельзя. Рамбадба!

— Ах, вот что! Понимаю,— тихо сказал доктор.

Доктору были хорошо известны древние законы, на которых держится внутренняя жизнь в племенах аборигенов. Понуждая девушку и парня вступить в брак, миссионер грубо оскорбил эти законы. А ведь нарушивший их абориген карается смертью по приговору старейшин! Заметив, как нахмурился доктор, Джонни торопливо сказал:

— Монгалили должен был убить. Старики ему велели... Пойдем, брат! — умоляюще добавил юноша.— Пойдем, ты поговоришь сам с Монгалили.

Щурясь от яркого солнечного света, доктор зашагал по голой пыльной земле, кое-где поросшей тощим кустарником. Он шел к Монгалили, стоявшему все так же неподвижно в окружении жителей поселка и напуганных свидетелей, которых полицейский сержант привел вместе с арестованным.

Монгалили и бровью не повел в ответ на приветствие доктора Нойеса. Джонни торопливо зашептал ему, что этот белый — его брат, что он поможет Монгалили в беде.

— Спроси у Монгалили,— сказал доктор, обращаясь к Джонни,— пытался ли он объяснить отцу Пью, что этот брак — преступление в глазах людей вашего племени?

— Он говорил с мистером Пью. Я сам пришел с ним вместе в миссию,— сказал Джонни.— Мы сказали ему: жениться Калунге и Карлоо нельзя, рамбадба! Карлоо должна идти только за адбулария!

— Может быть, Монгалили сам хотел жениться на девушке?

— Кари! — Это «нет» на родном языке Джонни произнес с негодованием, даже отвращением.— Я сказал мистеру Пью: у Монгалили есть жена. И он слишком старый для Карлоо.

— Значит,— заключил доктор Нойес,— Монгалили только просил отца Пью не нарушать закон его племени!

Джонни ответил на это, что у него стало «горячо в животе», когда он услышал, как миссионер смеялся прямо в лицо Монгалили и как он поносил «эти языческие суеверия».

Доктор оглядел толпу и вдруг увидел рядом с собой Карлоо, девушку, которой выпало на долю быть яблоком раздора во всей этой тяжелой истории. Поймав взгляд доктора, Карлоо захихикала и пробормотала какое-то приветствие. Застенчивая, привлекательная девушка лет двадцати... Доктор вспомнил: она однажды лежала в больнице с переломом руки и веселой, слегка кокетливой улыбкой встречала Джонни, когда тот входил в палату. «А Монгалили, должно быть, не больше сорока пяти»,— почему-то подумалось доктору...

Фигура полицейского сержанта Малдона, коротконогого, в темно-синем мундире, широких кавалерийских рейтузах и высоких сапогах, была хорошо знакома этой пестрой толпе мужчин, женщин, детей и собак, окружившей Монгалили. Люди торопливо расступились, когда сержант направился к доктору Нойесу.

— Я получил инструкции,— объявил сержант Малдон, адресуясь к доктору.— Арестованный будет помещен на ночь в камеру при местном полицейском участке.

— Как уполномоченный попечительства об аборигенах, я возражаю! — ответил Нойес.

Доктор не мог примириться с мыслью, что Монгалили, этот замкнувшийся в презрительном равнодушии поборник чести и достоинства своего племени, должен будет испытать неслыханное унижение: сидеть в тесной камере со стальными решетками на окнах.

— Я был бы весьма обязан, сэр...— проскрипел сержант; маленькие глазки его сузились до едва различимых щелочек.— Я был бы вам обязан, доктор Нойес, если бы вы занимались вашим делом, а мне позволили заниматься моим...

— Это — мое дело,— оборвал его доктор,— позаботиться о том, чтобы с этим человеком обходились надлежащим образом.

У доктора Нойеса уже не раз бывали стычки с сержантом Малдоном по разным делам, касающимся аборигенов.

— Обращаться надлежащим образом, да? — язвительно повторил сержант.— Вы что-то слишком дружны с этими грязными або[2], доктор Нойес, если хотите знать мое мнение.

— Я не желаю его знать,— спокойно сказал Нойес и добавил официальным тоном: — Я настаиваю, чтобы кандалы, которые врезались в лодыжки Монгалили, были сняты, как он только будет водворен в камеру. Я лично явлюсь туда, чтобы осмотреть раны.

Нойес повернулся и пошел прочь. Сержант Малдон с минуту глядел ему вслед. Выражение глаз сержанта не обещало ничего хорошего этому докторишке из больницы для туземцев.

Уэйн Виккенс и его жена приветливо замахали руками, увидев доктора Нойеса, который пробирался к их столику через заполненный до отказа ресторанный зал отеля «Континенталь». Пододвинув себе стул, доктор уселся рядом с миссис Виккенс и извинился за опоздание. Она слушала его, слегка наклонив гладко причесанную голову, с мягкой улыбкой в карих с крапинками глазах.

— Мне пришлось знакомиться с делом аборигена, обвиненного в убийстве,— объяснил доктор.

— Ах, это тот красивый або,— оживленно

---

[1] Запрет по законам племени.

[2] Сокращенное от «аборигены» — презрительная кличка, употребляемая белыми.

Copyrighted material

ГАЛИЛИ

Copyrighted material

подхватила Ви Виккенс,— которого мы с вами видели утром?

— Его имя — Монгалили,— сказал Нойес.— Я, как и следовало ожидать, уже имел столкновение по этому поводу с полицией.— Доктор улыбнулся, в уголках его глаз обозначились мелкие морщинки.

— Расскажите же все поподробнее,— попросил Уэйн Виккенс.

Доктор знал, что Виккенс — писатель и, кажется, собирает материалы для книги о мифах и обычаях аборигенов.

— О Уэйн! — укоризненно воскликнула миссис Виккенс.— Дай же сначала бедному доктору пообедать.

Ей нравился этот молодой интеллигентный врач с ясными серыми глазами. Нойес признательно улыбнулся ей и с охотой принялся за еду. Когда с обедом было покончено, все трое отправились в бар и после нескольких заключительных рюмок закурили и уселись в удобные кресла.

Молчание снова прервал Уэйн Виккенс.

— Значит, этот Монгалили оказался убийцей? — лениво осведомился он.

— Не думаю. По-моему, нет,— покачал головой доктор Нойес.

— То есть как? — Уэйн Виккенс потянулся к пепельнице, чтобы погасить сигарету.

— Вы что-нибудь знаете о том, как устроена община аборигенов? — вместо ответа спросил доктор.

— Я больше, чем он, знаю об аборигенах,— вмешалась Ви Виккенс.— Я ведь родилась на скотоводческой станции, на Севере.

— Оставь, пожалуйста, Ви! — недовольно поморщился супруг.— Я всегда интересовался антропологией и мифами примитивных народов.

Доктор Нойес нахмурился и принялся тщательно уминать табак в своей трубке.

— Монгалили принадлежит к племени ворора,— начал он.— У этой общины имеется две ветви родства по отцовской линии. Иначе говоря, племя состоит как бы из двух половинок, вроде ядра одного ореха. Одна ветвь носит имя адбулария, другая — арвунария.

Он помолчал, чтобы убедиться, действительно ли все это интересует его собеседников. Но они слушали его внимательно.

— У адбулария завещанным предками символом — тотемом — служит птица в а т у и. У арвунария — тоже птица, но другая — д ж е р е н и н. Член племени, принадлежащий к ветви адбулария, может вступать в брак только с арвунария, и наоборот. Нарушение этого запрета карается смертью.

Доктор проследил взглядом, как подымаются к потолку кольца дыма из его трубки.

— Видите ли,— стал он объяснять дальше,— от всего племени ворора в наши дни осталось каких-нибудь триста душ. Они объединены примерно в десять семейных групп. Запрет, о котором я говорю, очень древний, за ним стоят многие столетия. И цель его одна: помешать вырождению племени и окончательной его гибели... Так вот, Монгалили принадлежит к ветви адбулария. Столкновение его с преподобным Амосом Пью произошло потому, что священник решил обвенчать в миссионерской церкви девушку из арвунария с юношей из той же ветви.

— От этого напыщенного болвана трудно было ожидать чего-либо путного! — воскликнул Уэйн Виккенс.

— Его предшественник, основатель здешней миссии, был достойный человек.— Нотка уважения послышалась в голосе доктора Нойеса.— С аборигенами он был на дружеской ноге, всячески старался уважать их древние законы. Он считал, что приобщение этих людей к евангелию вовсе не исключает самого внимательного отношения к их обычаям. Он даже завел в церкви ширму, чтобы мужчина-абориген невзначай не увидел там лица своей тещи или теща — физиономии своего зятя.

Ви Виккенс звонко, от души рассмеялась.

— Вы не шутите?

— Какие там шутки! — Нойес про себя отметил, как блестят глаза у его собеседницы.— У нас в больнице мы тоже повесили занавес из дерюги — на случай, если кто-нибудь из женского персонала вдруг окажется тещей какого-либо больного мужчины... У нас,— Нойес смущенно усмехнулся,— среди служительниц есть старая женщина-аборигенка; и представьте, она закрывает лицо подушкой, когда я вхожу в палату. Дело в том, что в прошлом году, когда я побывал в гостях у аборигенов, старейшины согласились признать меня братом юного Джонни, которого вы видели. Тем самым теща Джонни стала и моей тещей — а она-то и есть та старуха, которая служит в нашей больнице! Я думаю, мне нет нужды доказывать вам, что я никогда не имел ни малейшей интрижки с Ритживолой, женой Джонни!

— Легкий способ обзавестись тещей! — расхохотался Уэйн Виккенс, заглушая звонкий, как колокольчик, смех своей супруги.

— Но почему именно Монгалили сцепился с этой крысой Пью?

— Джонни подробно рассказал мне все,— ответил Нойес.— Люди его племени были донельзя взбудоражены и возмущены тем, что Карлоо и Калунгу, которым их закон воспрещает брак, хотят обвенчать в миссионерской церкви. Монгалили был послан вместе с Джонни к отцу Пью — растолковать ему, что по закону племени это все равно, что отцу жениться на дочери — иначе говоря, кровосмешение.

Нойес отложил в сторону трубку и кисет с табаком.

— Отец Пью, по всей видимости, грубо и заносчиво высмеял их. Он выдвинул неотразимый, по его мнению, аргумент: Грейси (как он зовет Карлоо) — двадцать лет, Питу (Калунге)—двадцать пять; значит, они никак не могут быть отцом и дочерью! И если,— добавил миссионер,— эти двое молодых людей желают сочетаться священными узами брака, то он, смиренный служитель церкви, обязан выполнить свой христианский долг.

— А эти двое... они любили друг друга? — спросила Ви Виккенс.

Нойес пожал плечами, как бы желая показать, что это не имеет значения.

— Джонни говорил мне, что девушка Карлоо нарядилась в белое подвенечное платье и фату. Ничто ее не заботило. Калунга же очень боялся: он знал, что значит нарушить рамбадбу. Но Карлоо, видимо, уговорила его забыть о запрете: она все повторяла ему слова отца Пью о том, что законы племени не более как «глупые выдумки дикарей». «Мы ведь теперь христиане, совсем как белые» — таков был решающий аргумент юной невесты.

— Опять соблазнительницей оказалась женщина,— меланхолически заметил Уэйн Виккенс.

— А мужчина,— поддела его Ви,— как всегда, не смог противостоять соблазну.

Доктору, казалось, было не до пикировки, возникшей между супругами.

— Отец Пью,— продолжал он ровным голосом,— скорее всего заподозрил Монгалили в том, что он сам желает взять девушку в жены. Джонни решительно это отрицает. Преподобный Амос, который ничего не смыслит в обычаях аборигенов, не раз говорил, что обычай иметь две-три жены у аборигенов объясняется «похотью чернокожих мужчин». Ему и в голову не приходит, что эти женщины необходимы в семье для того, чтобы собирать дары леса и поля, пригодные в пищу.

— Да, да,— вспомнила Ви.— Они собирают дикие бататы, семена и корни разных растений, мед. Все это — большое подспорье для пропитания семьи.

— Вы, должно быть, знаете,— обратился доктор к Уэйну Виккенсу,— что каждый родившийся ребенок получает свое место в сложной системе родства, на которой строится семейная группа. У мальчика сразу оказывается несколько отцов — настоящий отец и все братья отца. А девочка, например, через родственные связи своей матери для какого-нибудь мужчины становится дочерью, сестрой, матерью или в перспективе — даже не возбраняемой законом женой...

— Ну, хорошо,— нетерпеливо перебила его миссис Виккенс.— А эти двое, Карлоо и Калунга, были все-таки обвенчаны в миссионерской церкви?

— Да, были обвенчаны,— сухо подтвердил доктор Нойес; ироническая усмешка тронула его губы.— Супруга почтенного Амоса, миссис Пью, самолично сыграла на фисгармонии приличествующие случаю хоралы и гимны, а потом в здании школы состоялся праздничный ужин... Ночью молодые пришли туда, где обитают их родичи-аборигены. Калунге велели немедленно предстать перед судом старейшин. Его обвинили в том, что он попрал закон предков — закон, установленный для того, чтобы охранить племя от угасания. А потом старейшины поручили Монгалили сразиться с Калунгой на копьях и убить его.

— У меня прямо перед глазами эта картина! — воскликнула Ви Виккенс.— Я в детстве однажды видела такой поединок. Все племя собралось на опушке леса, костры освещали лица стариков, на фоне огня — фигуры противников, а вокруг тьма и черное небо над головами...

— Первым метнул копье Калунга,— продолжал доктор.— Джонни говорит, что Монгалили удалось уклониться от летящего копья. Тогда Калунга — он смелый и сильный малый, несмотря на молодость,— крикнул: «Теперь твой черед, старик!» Монгалили уверенной рукой поднял свою д ж а н к а л а й ю[1]. Копье полетело и пробило Калунге живот. Он умер в ту же ночь в лагере аборигенов.

Несколько минут длилось молчание.

— Разумеется, преподобный Амос был вне себя от ярости,— заговорил снова доктор Нойес.— Он убедился, что его власть над новообращенными аборигенами не более, как пустышка. А тут еще было ущемлено его самолюбие: он ведь безапелляционно назвал протест Монгалили «чепухой» и «язычеством». И отец Пью решает действовать. Он спешно отправляет гонца к полицейскому сержанту с донесением о происшедшем и просьбой арестовать Монгалили. Сержант является к аборигенам в сопровождении двух солдат, надевает на Монгалили кандалы и обвиняет его в преднамеренном убийстве.

— Боже правый! Да тут налицо все элементы трагедии! — Уэйн Виккенс вскочил на ноги, словно собираясь тут же засесть за сочинение этой трагедии.

— Царь Эдип и прочее, не правда ли, Уэйн?— подхватила миссис Виккенс.

— Совершенно верно! — великодушно согласился супруг.

— Я уже говорил вам,— не меняя серьезного тона, заметил Нойес,—что племя ворора насчитывает всего триста душ. Племена австралийских аборигенов вообще были численно намного меньше, чем ген или клан в ранние эпохи Греции и Рима. Если не ошибаюсь, там десять генов образовывали фратрию, а две фратрии — племя?

— Да, нечто вроде этого,— сказал Виккенс.

— Ген античного мира был тоже экзогамным, как и родословная ветвь у наших аборигенов. Кровосмешение и там рассматривалось как смертный грех. Когда это случалось, виновных казнили. Даже убийство считалось не таким тяжелым преступлением — возмездием тут была кровная месть родственников убитого...

— Удивительнее всего то,— задумчиво сказал Уэйн Виккенс,— что все эти прапращуры смогли так глубоко проникнуть в суть дела и придумать запрет, позволяющий сохранить жизнестойкость племени, да еще заставить людей долгие столетия строго соблюдать эти запреты!

— Видимо, они наблюдали в самой жизни, к чему приводило узкородственное размножение,— ответил Нойес.— Когда я однажды сидел у костра в кругу старейшин, я спросил их: почему племя ворора перестало быть общи-

[1] Приспособление для метания копья.

Copyrighted material

ной с такими же двумя ветвями, но по материнской линии, а перешло к родству по отцовской линии? Они объяснили, что это как раз и есть преграда для отцовско-дочерних браков и для других форм кровосмешения.

— Словом, Монгалили встал на защиту жизненной потребности своего племени,— подвел итог Уэйн Виккенс.— И закона своих предков, сохранившего силу в течение столетий.

— Полную и непоколебимую силу,— подтвердил доктор, снова придвигая к себе трубку и кисет.

— Когда же будет слушаться в суде дело «Монгалили против британской короны»?— осведомился Виккенс.

— В любой из ближайших дней.— Нойес встал и потянулся.— Я ведь выполняю здесь обязанности не только уполномоченного попечительства об аборигенах, но и местного мирового судьи. Так что дело Монгалили должно прийти ко мне.

Супруги Виккенс проводили доктора до дверей отеля и долго глядели вслед, пока его стройная фигура в белом не растаяла в вечерней тьме.

Массивное здание суда стояло в тени большого дерева, на самом краю миссионерского поселка, четко выделяясь на фоне голубого неба и светло-зеленой глади залива. Для местных жителей, в большинстве людей смешанной крови, это здание давно стало символом тяготеющей над ними власти. Теперь деревянные скамьи судебного зала заполнили одинокие старики, изможденные старые женщины и аборигены из ближней резервации. Супруги Виккенс тоже пришли по пыльной каменистой дороге послушать, как поступит с Монгалили правосудие.

Они ожидали увидеть на месте судьи доктора Нойеса. К их изумлению, в судейском кресле сидел развалившись управляющий местной скотоводческой станцией, грузный, обрюзгший человек, к тому же, видимо, хвативший лишнего в кабачке. Но к супругам Виккенс уже подходил доктор Нойес.

Пользуясь тем, что судебное заседание еще не началось, он стал рассказывать им о том, что произошло накануне. Сержант полиции Малдон после первой же стычки между ними заявил, что доктор Нойес настроен-де слишком благожелательно к обвиняемому и не может выступать в процессе в качестве судьи. Нажав на надлежащие пружины, сержант сумел добиться назначения судьей вон того алкоголика. Однако доктор Нойес решил не отступать без боя: он воспользуется своим положением представителя попечительства об аборигенах и будет участвовать в перекрестном допросе свидетелей. За ним остается и речь в защиту Монгалили.

Нойес говорил спокойно, но Виккенсы заметили, как сильно он волнуется. Его возмутили закулисные маневры, пущенные в ход для того, чтобы добиться любой ценой осуждения Монгалили. На суд были доставлены вместе с Монгалили только свидетели, отобранные обвинением, то есть тем же сержантом Малдоном. Свидетелей защиты не оказалось вовсе. И доктор хорошо понимал, что для спасения Монгалили ему придется напрячь все силы своей души, приложить все свое умение.

После церемонии приведения свидетелей к присяге встал сержант Малдон и хрипло пролаял свои вопросы подсудимому. Потом место свидетеля занял преподобный Амос Пью. Он со всеми подробностями стал пересказывать то, что Уэйн и Ви Виккенс уже знали со слов доктора Нойеса.

— Моя супруга, миссис Пью, заметила влечение Грейси и Пита друг к другу,— так начал священник.— Оба они являются туземцами и работают у нас в миссии. Мы подумали, миссис Пью и я, что будет очень мило, если они поженятся: это... э... будет удобно для миссии и послужит хорошим примером для других новообращенных. Миссис Пью сама сшила белое платье и фату для невесты...

Отец Пью помолчал, проверяя впечатление, какое его слова произвели на судью.

— За некоторое время до свадьбы,— продолжал он,— подсудимый Монгалили явился ко мне вместе с Джонни, который умеет говорить на нашем языке. Сначала они несли какую-то чепуху, а потом я уразумел, что они протестуют против брака Грейси, которую они зовут Карлоо, с Питом, которого они называют Калунгой. Такой брак, видите ли, запрещается какими-то там законами их племени...

— А вы знали,— спросил свидетеля доктор Нойес,— что затеянный вами брак есть кровосмешение и попрание закона в глазах аборигенов?

— Я не мог руководствоваться языческими суевериями при исполнении моего христианского долга!— запальчиво воскликнул миссионер.— Мне было ясно, что Пит и Грейси не могут быть отцом и дочерью, а именно эту несуразицу плели Монгалили и его приятель Джонни.

— И это была единственная причина, по которой вы отказались удовлетворить просьбу аборигенов?

— Я еще подозревал Монгалили, что он сам имеет виды на эту девушку. И я решил, что поступлю не по-христиански, если отдам девушку за мужчину, который намного ее старше, да к тому же еще женат. А с Питом они почти однолетки.

— Монгалили и Джонни предупреждали вас о том, что их племя карает смертью такое нарушение их закона?

— Помнится, они что-то бормотали на этот счет.

— И вы, зная это, обрекли двух молодых людей на смертную казнь?

— Я протестую, ваша честь!— закричал побагровевший пастор, обращаясь к судье.— Доктор Нойес пытается приписать это убийство мне!

— Протест принят!— икнув, пробурчал судья.

— А вы пытались запугать Монгалили, когда он предупреждал вас о последствиях брака Карлоо и Калунги?

— Я полагаю, что скорее он угрожал мне,— помявшись, отвечал Пью.— И я приказал ему немедленно убраться из здания миссии.

— И он ушел?

— Да, но он выкрикивал какие-то ругательства в мой адрес... Я не знаю их языка и не могу сказать, какие именно.

— И тогда вы вытащили из кармана ваш пистолет?

— Я должен был подумать о самозащите!— патетически возопил отец Пью.— И о защите моих новообращенных,— добавил он, подумав.

— Поэтому вы стреляли и пробили пулей деревянный щит Монгалили, которым он заслонился?

На скамьях послышался шум, люди зацокали языками в знак неодобрения.

— Тишина в зале суда!— выкрикнул полицейский, стоявший у двери.

— Вы считаете, что стрелять из пистолета по безоружному человеку тоже соответствует вашему христианскому долгу?— продолжал допрос доктор Нойес.

— Это... смотря по обстоятельствам. В данном случае...— Миссионер развел руками и воздержался от дальнейших объяснений.

Судебное разбирательство тащилось, как разбитая колымага. Судья громко зевал и что-то бормотал себе под нос, видимо, не в силах собраться с мыслями и понять, о чем идет речь.

Доктор Нойес перешел к перекрестному допросу свидетелей. Джонни переводил ответы аборигенов. Доктор спрашивал каждого: видел ли он лично поединок Монгалили с Калунгой? Все отвечали, что были там и видели. Среди свидетелей оказалась и Карлоо. Миловидная девушка ничем не напоминала скорбящую вдову, как этого требовал обычай племени. Ей скорее льстило быть центром всеобщего внимания, играть важную роль во всем этом непонятном шуме, который белые подняли вокруг смерти Калунги. Отвечая на вопросы доктора Нойеса, она самодовольно ухмылялась, хихикала, выпячивая молодую, крепкую грудь...

Свидетели единодушно подтвердили, что между Монгалили и Калунгой был честный бой и все было по правилам.

Нескольким свидетелям Нойес задавал и такой вопрос: почему так важно строго соблюдать закон, запрещающий брак, подобный браку Карлоо и Калунги? Все, не колеблясь, говорили, что от таких браков может быть ужасный вред для племени. Из слов свидетеля можно было понять, что ребенок, рожденный от такого брака, может вообще остаться вне родства — его просто не примут в члены семейной группы.

На судью затянувшийся допрос свидетелей с перечислением всех этих непонятных законов аборигенов производил усыпляющее действие. Он дремал и лишь изредка очумело встряхивал головой.

Доктор Нойес получил слово для речи в защиту обвиняемого. Он подчеркнул, что Монгалили выполнял поручение, возложенное на него старейшинами племени. Он не мог их ослушаться, нарушить непреложный древний закон, управляющий жизнью племени в течение долгих столетий и оберегающий племя от вырождения. Доктор кратко повторил единодушные показания свидетелей: Калунга был убит в честном поединке, согласно обычаю. Поэтому, заключил Нойес, суд должен отклонить обвинение Монгалили в убийстве, а сам он должен быть оправдан.

Судья вдруг очнулся и даже выпрямился в кресле, когда пришла очередь выступать обвинителю — сержанту Малдону. Впрочем, терпение судьи уже давно готово было лопнуть. Едва дослушав сержанта, он объявил, что дело достаточно выяснено, и тут же приговорил Монгалили к пожизненному тюремному заключению.

— Ну, как? Понравилось вам?—спросил доктор, подходя к супругам Виккенс.— Что ж, все протекало в надлежащем порядке: государство обвиняет, я, попечительствующий над аборигенами, защищаю; судья налицо, хотя и нетрезвый и ничего не смыслящий в жизни и обычаях аборигенов; свидетели тоже вызваны, хотя только со стороны обвинения. В результате этого человека, который только выполнял закон своего племени, отправляют на всю жизнь в тюрьму за нарушение... законов белого человека. Законов,— добавил с горечью Ноейс,— которые умолкают, когда белый человек стреляет в аборигена.

— Но этот приговор для Монгалили хуже, чем смерть!— прошептала Ви Виккенс.

Слезы стояли в ее глазах.

— Просто Монгалили оказался козлом отпущения. Он был принесен в жертву таким богобоязненным праведникам, как отец Пью,— сказал Уэйн и вполголоса выругался...

Двое полицейских вывели Монгалили из здания суда. Звон стальной цепи отмечал каждый его шаг. Преподобный Амос Пью приблизился к супругам Виккенс и доктору Нойесу. Он протянул доктору руку, на лице его сияла улыбка примирения.

— Не принимайте этого так близко к сердцу, док!— сказал он.— Свершилось правосудие.

— Свершилось грязное беззаконие!— ответил доктор, не замечая протянутой руки миссионера и глядя ему прямо в глаза.— Не Монгалили, а вы, преподобный отец, виновны в смерти Калунги!

Уэйн и Ви Виккенс не ответили на приветствие отца Пью. Они повернулись и ушли, смешавшись с толпой аборигенов, которая двинулась вслед за осужденным Монгалили. Люди шли проводить его до камеры полицейского участка. Люди знали, что завтра его увезут в большую окружную тюрьму на Юге, из которой Монгалили никогда уже не вернется к своему народу, на землю отцов, некогда принадлежавшую племени ворора.

Перевел с английского
Л. Чернявский.

Copyrighted material

Т. ВОРОНИНА

Андре Фужерон

Когда говоришь о жизни Андре Фужерона, трудно отделить его искусство от политической деятельности, от его демократических убеждений.

Впервые картины Фужерона можно было увидеть в Парижском Доме культуры, где художник выставил свои холсты рядом с полотнами тогда уже прославленных мастеров — Марке, Люрса, Мазереля. Казалось бы, невыгодное соседство для начинающего живописца, к тому же не получившего систематического художественного образования. Андре Фужерон был слесарем на заводе Рено. Только вечера он мог отдавать искусству. Тем мастерством, которое пришло позже, он прежде всего был обязан своему таланту. И хотя тогда, на первой выставке, он еще не был вполне сложившимся художником, его произведения были отмечены. Надо знать обстановку постоянно проходивших дискуссий в Парижском Доме культуры, чтобы понять, какое значение имела для Фужерона его первая выставка. Многие из новых друзей Андре были коммунистами, активными деятелями Народного фронта. В Европе готовились к войне. Французы уже вели битву против внутренней реакции, против фашизма. Фужерон—среди участников сражения. Несколько его ранних полотен посвящены Испании.

Однако, как известно, Народный фронт потерпел поражение в предвоенной Франции. Пришедшее к власти реакционное правительство Даладье объявило в 1939 году о роспуске коммунистической партии. В те мрачные дни, когда партия перешла на нелегальное положение, Андре Фужерон вступает в ее ряды. Для него не существовало другого пути перед лицом войны, которая началась.

Творчество Фужерона военных лет самым непосредственным образом связано с его работой в подполье: эскизы подпольных изданий, картины, где с правом очевидца он изображает страдания оккупированного Парижа. Годы войны, опыт Сопротивления — все это стало главной школой для Фужерона. Это не только определило идейную сторону дальнейшего творчества, но и позволило позже в корне изменить художественные принципы его искусства.

После войны Фужерон уже не начинающий художник. Он мастер, о котором много и с удовольствием пишет официальная критика. Ей нравится колорит, рисунок, орнаментальность композиции. Меньше внимания уделяется содержанию полотен. Фужерону предсказывается большое будущее: «Со временем он может стать одним из самых крупных художников Франции». В 1947 году живописец получает Национальную премию и государственную стипендию. У него были все возможности, чтобы сделать блестящую карьеру новомодного художника. Но у Фужерона хватило смелости взглянуть честно и непредвзято на то, что было им сделано. Художник понял: до сих пор он чаще всего лишь следовал веяниям эпохи, использовал то, что было открыто до него Пикассо, Матиссом, Леже. Он понял также, что его художественная манера не в состоянии выразить до конца тех больших демократических идей, которые он старался вложить в свои полотна. И тогда происходит перелом в его искусстве. В осеннем Салоне 1948 года Фужерон выставил полотно «Парижанки на рынке». Картина вызвала скандал. В газетах открылась острая полемика. Бывшие почитатели художника объявили его чуть ли не ретроградом. «Фужерон предал чистое искусство, он свернул со своей настоящей дороги...» Что же то новое, что вызвало бурю в среде «знатоков» искусства? Обращение художника к реализму.

«Парижанки на рынке» — в этом полотне нет никаких поражающих воображение деталей или броского колорита. Но не многие художники взялись бы утверждать, что они с такой убедительностью смогли бы передать трудный быт послевоенного Парижа. Картина одна из первых открывает историю французского неореализма, главой которого стал Андре Фужерон. Все его дальнейшее творчество крепко связано с реалистическим искусством. Официальная же критика, поняв, что «блудного сына» не вернуть на прежнюю стезю, и вовсе перестала упоминать о нем. Но Фужерона поддержали товарищи по партии, друзья-рабочие, к которым было обращено его искусство.

...В осеннем Салоне 1949 года зрители увидели картину Фужерона, посвященную рабочему, убитому полицейским,— «Честь и слава Андре Улье». Холст выставлялся в зале вместе с полотнами других художников-неореалистов. Картины неореалистов — сенсация Салона. «Осенний Салон становится наконец местом, куда придут рабочие. Это будет лучшей наградой для художников»,— пишет Андре Фужерон.

Такой наградой для него самого оказалось приглашение от горняков Северного района Франции. Художник уезжает туда, он живет около полугода в Лансе. Там создает известную серию картин «Страна шахт». Восторженно оценил полотна этой серии Андре Стиль, писатель, прекрасно знавший жизнь французских шахтеров. Ведь произведения, принесшие славу Стилю, тоже посвящены горнякам. Некоторые из холстов страшны своей суровой реалистичностью, они заставляют ужаснуться открывшейся в них правде жизни шахтеров.

Но Фужерон не только гневный обличитель, он и тонкий лирик. Лирическое начало в его творчестве особенно проявилось в последние годы. Художник умеет увидеть счастливую улыбку матери и услышать тишину предутренней реки. Большое место в его живописи начинает занимать пейзаж. Постепенно развиваясь, меняется и художественная манера живописи. Колорит его картин яркий, порой построенный на контрастах, но не грубый. Напротив, художник любит просветленные, пастельные тона. Однако лиризм не заглушил в Фужероне страстного трибуна.

Сейчас по городам Франции путешествует выставка «Художники — свидетели своего времени». На этой выставке экспонируется одна из последних картин мастера. Она посвящена Вьетнаму. Совсем недавно полотно «Вьетнам-67» было удостоено Гран-При...

* * *

Недавно в залах Государственного музея изобразительных искусств советские зрители впервые познакомились с большой выставкой работ известного французского художника коммуниста Андре Фужерона.

НАШИ ГОСТИ — «ТАРО-ДЗА»

В поисках сказок бродили по Японии молодая писательница Мацутани Миеко и драматург Сегава Такуо. У горы Сонсю услышали они историю о Таро — это распространенное японское имя. А сказок о Таро так же много, как у нас об Иванушке. Как Иванушка, добр и храбр всегдашний заступник слабых Таро.

Народные истории были дополнены воображением. За сказку «Таро — юный дракон» Мацутани Миеко получила в 1962 году премию Андерсена. А Сегава Такуо стал режиссером организованного им кукольного театра «Таро-дза». Кукольные представления традиционны в Японии. Один из старейших кукольных театров, «Бунраку», ведет свою историю с XVI века. «Таро-дза» — из самых молодых коллективов. В основу спектаклей он берет те легенды, где утверждается вера в добро, любовь к простым людям.

Приехав в Москву, театр показал для маленьких зрителей сказку «Таро — юный дракон», а для взрослых — музыкальную драму «Портрет жены» и кукольную оперу «Соловьиная принцесса». Все они просты по сюжету, в них много песен, старинной и современной японской музыки; зрители увидели своеобразные танцы Японии.

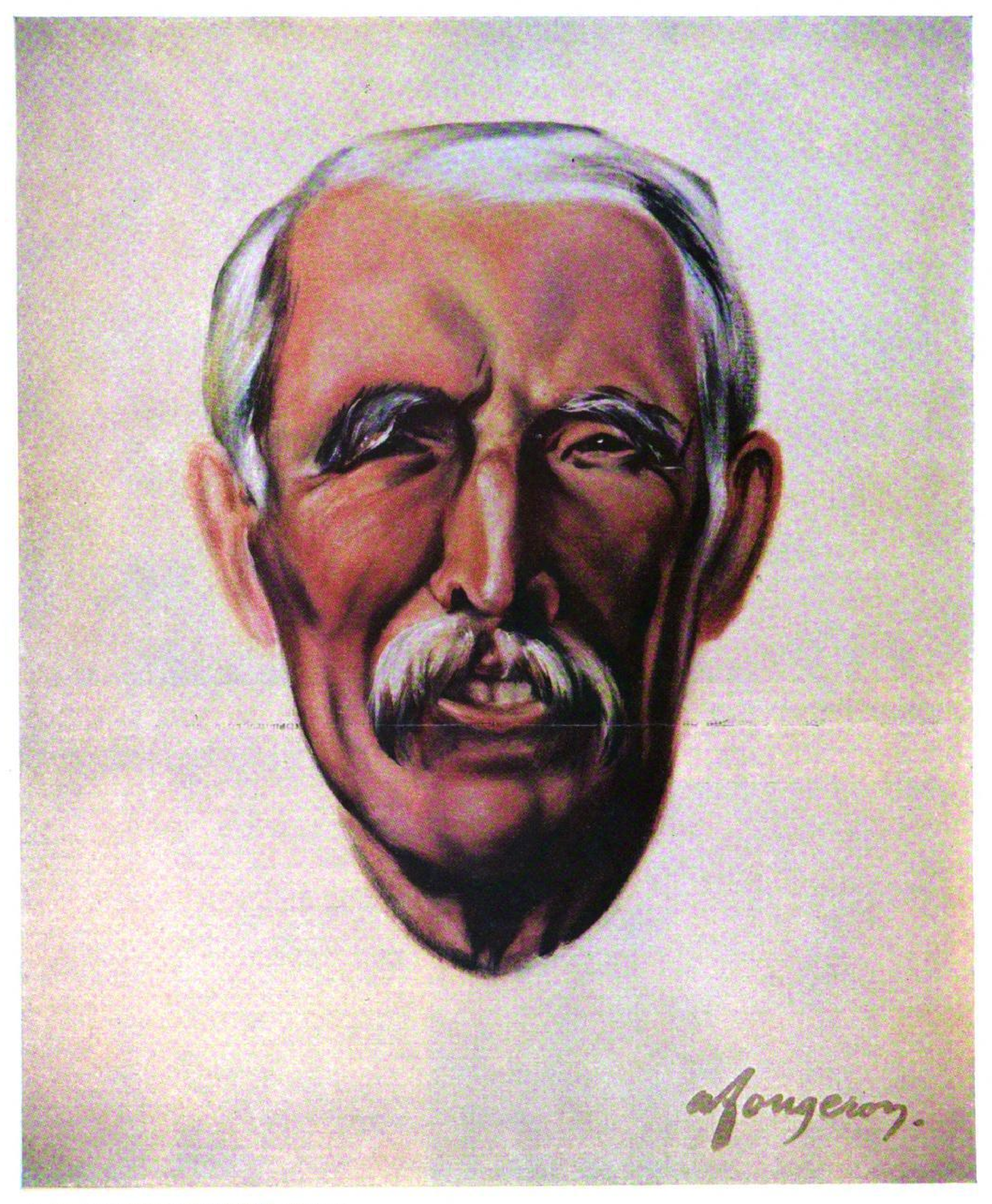
Представления «Таро-дза» выглядят необычно: артисты водят кукол по сцене на глазах у зрителей. Но, следя за сказочными героями, постепенно перестаешь замечать присутствие актера.

Режиссер Сегава Такуо — и драматург и художник театра. Все 18 кукловодов одновременно и декораторы и рабочие сцены. У молодого театра нет постоянной сцены; они играют там, где находят помещение, а порой выступают на деревенских площадях.

После спектаклей в Москве «Таро-дза» отправился в гастрольную поездку по нашей стране.

Татьяна ЛОТИС

Copyrighted material

А. Фужерон. ЭТЮД К ПОРТРЕТУ М. КАШЕНА.

Copyrighted material

А. Фужерон. УТРЕННИЙ СВЕТ. 1964.

ГОЛУБОЕ МАТЕРИНСТВО. 1958.

Copyrighted material

РАЗДУМЬЯ, КРИТИКА

ПЯТНА НА МУЗЫКАЛЬНОМ СОЛНЦЕ...

Иннокентий ПОПОВ

Сначала несколько слов о самой теме.

Советская музыка по праву гордится своими гигантскими успехами. В творческом плане она достигла, можно смело сказать, классических высот. Произведения Прокофьева и Шостаковича, Арама Хачатуряна и Свиридова, Хренникова и Караева, Мясковского и Кабалевского по праву вошли в золотой фонд музыкального искусства. В исполнительском плане достижения наших певцов и особенно инструменталистов общеизвестны, у нас около трехсот лауреатов международных конкурсов.

Разительны успехи и с точки зрения эстетического роста массового слушателя. Только оперная и симфоническая аудитории по сравнению с дореволюционной эпохой выросли в десятки, а во многих местах и в сотни раз.

И все же на нашем блистающем музыкальном солнце нередко появляются пятна.

Жизнь наша стремительно движется вперед. Настолько стремительно, что именно музыка, музыкальная культура подчас и отстают, образуя некий зазор с жизнью народа в целом.

Иногда этот зазор появляется потому, что какой-то элемент музыкальной культуры отклонился в сторону, стал развиваться в ином направлении.

Спорить о том, какой вид искусства более важен, более сильно воздействует на сердца и души человеческие, разумеется, бессмысленно. Каждый из них посвоему хорош, каждый по-своему незаменим, у каждого своя сфера влияния... И все же я позволю себе акцентировать особую роль музыки в жизни современного человека. Роль пусть не самую важную, но, повторяю, чрезвычайно существенную. Сейчас она определяется тем, что техническая революция в области средств «доставки» музыки к слушателю— хотим мы того или нет — коренным образом изменила взаимоотношения композитора и исполнителя с массовой аудиторией. Радиотрансляция, звукозапись, телевидение, транзистор буквально открыли тут новую эру.

Окружающая нас повседневность быстро становится для всех привычной. Нам кажется само собой разумеющимся, что, нажав кнопку транзистора, клавишу приемника, проигрывателя или телевизора, мы в любой момент можем услышать игру Святослава Рихтера либо Мстислава Ростроповича, пение Федора Шаляпина, Марии Каллас, Ивана Козловского... Можем присутствовать на спектаклях Большого театра, миланского театра Ла Скала... Любое вершинное достижение музыкального творчества и исполнительства стало теперь абсолютно доступным, привычным штрихом повседневного быта.

Иные литераторы иронизируют над тем, что «российский обыватель» раньше сбегался смотреть на марширующий полк солдат, предводительствуемый военным оркестром. Но нужно ли смеяться над тем, что действительно было музыкально-художественным событием!

Оркестровую музыку «простой» народ практически мог услышать лишь на военном параде, хоровую — в церкви... А такие жанры, как опера и симфония, были знакомы лишь аристократии. Даже для средней буржуазии посещение оперного спектакля и симфонического концерта было случаем редким.

Сейчас музыка пронизала весь наш быт. В домах отдыха, на пляже, на палубе парохода или купе поезда она часто превращается уже и в принудительный ассортимент — в некую «демьянову уху». Ведь спрятаться от динамика или транзистора некуда!

Если мы вспомним, что эмоциональная сила музыки огромна, то кстати и скажем, что пользоваться ею всегда нужно во благо, а не во вред.

Что я имею в виду? Прежде всего самое злоупотребление музыкой. Если насильно оглушать ею человека, то в лучшем случае он перестанет воспринимать музыкальные образы. В худшем — возненавидит музыку.

Медицине в последние годы становится известно все больше любопытных фактов, свидетельствующих о прямом воздействии музыки на психику и нервную систему человека. Все чаще начинают использовать музыку при лечении некоторых нервных и сердечно-сосудистых заболеваний.

С другой стороны, в чрезмерных количествах, в раздражающих форсированно-громких, диссонирующих звучаниях музыка применяется как новейшая утонченная пытка. Сведения о таком именно использовании музыки американским ЦРУ и ФБР уже проскальзывали в печати...

Но вернемся к основному разговору.

Итак, открылись поистине неограниченные возможности для приобщения миллионов и миллионов людей к шедеврам музыкального искусства. Идет эстетическое воспитание музыкой самых широких слушательских масс. Однако в должной ли мере осознают это организации, ведающие музыкальной пропагандой?

На этот вопрос приходится отвечать отрицательно.

Нет, мы не задумывались над сущностью изменений, происшедших в системе музыка — исполнитель — слушатель... Мы не понимаем гигантской силы воздействия, которую обрела музыка с появлением звукозаписи и таких всеобъемлюще-массовых каналов коммуникации, как радио и телевидение. Ибо чем иным, как непониманием, можно объяснить отчетливо ощутимый в массовой музыкальной пропаганде крен в сторону облегченности, развлекательности?..

Самая любимая нашим слушателем радиостанция «Маяк» основное внимание уделяет развлекательной эстраде и танцевальной музыке.

На телевидении оперная, симфоническая и камерная музыка находятся в положении Золушки. Большее внимание уделяется ей в области производства грампластинок. Хотя, конечно, тиражи пластинок эстрадных и оперно-симфонических жанров несоизмеримы. Первые решительно преобладают.

Я не пуританин и, разумеется, считаю, что все жанры хороши, кроме скучного. Само собой очевидно, что и легкая эстрадная музыка и прикладная танцевальная не только имеют право на существование, но даже играют известную роль в эстетическом мире человека. Но за их счет «притеснять» классические шедевры, превращать во второстепенный «компонент» программ радио- и телевещания такие вершинные достижения человеческой культуры, как произведения Баха и Бетховена, Мусоргского, Глинки, Чайковского, Верди и Вагнера, Прокофьева и Шостаковича, по меньшей мере неразумно.

Явно отрицательный эффект подобного «музыкально-эстетического воспитания» стал уже отчетливым.

Приведу лишь один пример. Каждые несколько лет рождается тот или другой пошлый песенный шлягер. Видимо, это неизбежно,— ведь еще Ильф и Петров писали в «Золотом теленке», что рядом с большим миром жизни всегда есть мир маленький, где изобретен кричащий пузырь «уйдиуйди», придуманы брюки фасона «полпред» и написаны «Кирпичики».

Вслед за «Кирпичиками» в «маленьком мире» музыки «властителями дум» последовательно становились «Утомленное солнце», «Мишка»... Шлягеры сменялись. И хотя их распевали определенные группы слушателей, все понимали, что это музыкальная пошлость!.. Конечно, административно запретить пошлость невозможно, но все же чем меньше она будет звучать среди людей, тем лучше. Специально пропагандировать ее, во всяком случае, неуместно.

Шли годы, недавно родился очередной песенный шлягер «маленького мира» — песенка о черном коте. И вдруг в печати на полном серьезе развернулась дискуссия о том, что, дескать, подобная музыка тоже «имеет право» на существование!.. Апологеты «Черного кота», соглашаясь с его пошлостью, все же с завидным усердием отстаивали право песни на эстетическую жизнь.

Именно снижением массового музыкального вкуса следует объяснить удивительную музыкальную бедность и примитивность многих популярных туристских и самодеятельных студенческих песен — разного рода творений нынешних модных бардов и менестрелей.

Устойчивый крен в заведомо облегченную эстрадность — вещь эстетически опасная. И, как видим, опасность эта из проблематичной давно уже стала реальной.

Западное вещание, работающее на социалистические страны, все усиливает количество музыкальных передач, обладающих изрядным налетом пошлости. А ведь своего-то слушателя крупнейшие зарубежные радио- и телекорпорации воспитывают и на классике: на оперных, симфонических и камерных жанрах.

Слушая пошлятину, наши «интеллигентствующие интеллектуалы» с поразительной наивностью полагают, что им преподносят «последнее слово» новейших достижений в современ-

Copyrighted material

Орден Революции

О. КУПРИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Ян Эдуардович Калнберзин.
Фото А. Бочинина.

— Право же, мне не о чем вам рассказать.

Воцарилось долгое молчание. «О себе он рассказывать не станет. Такой человек»,— предупредили меня несколько минут назад. Я понял, что предсказания подтвердились и мне ничего не удастся узнать об этом человеке. Во всяком случае, от него самого. Пожалуй, первый раз в жизни я сталкивался с такой непобедимой скромностью. Но так сразу капитулировать не хотелось, и я попытался возражать:

— Как же не о чем рассказать? О вашей жизни...

Я говорил абсолютно искренне: судьба этого человека могла бы послужить основой увлекательной повести — коммунист с апреля 1917 года, участник гражданской войны, подпольщик...

— Вся моя жизнь — обычная партийная работа,— сказал мой собеседник. Он сидел за письменным столом и машинально разглаживал свежий номер газеты «Правда».

Я посмотрел на его руки и вспомнил историю, которую рассказал Карл Петрович Гайлис, старый латышский подпольщик. История такая.

Шел 1936 год, трудный и сложный год для Латвии. Разгул фашистского режима. Восемьсот коммунистов схвачены и посажены за решетку, только пятьсот или чуть больше остались на свободе. Карл Гайлис был послан в Ригу для подпольной работы и жил в домике матери.

Однажды мать предупредила:

— Тут без тебя приходил один человек. Я ему, конечно, ничего не сказала.

— А какой из себя?

— Бледный такой. Не знакомый. Не иначе как политический. Ты уж береги себя, сынок.

Через несколько дней Гайлис встретил незнакомца. Впрочем, незнакомцем его называть не стоило. Карл Петрович видел его много раз. Это был преподаватель, который читал лекции в Советском Союзе в Ленинской школе, где Гайлис учился. Только тогда у лектора была одна фамилия, а теперь, когда они познакомились, он назвал совсем другую — Закис.

Карл Петрович тогда не знал, что перед ним руководитель рижского подполья, ему было лишь сказано, что человеку, который придет к нему, он обязан передать все сведения, которыми располагает.

Они отправились на озеро и сели в лодку, прихватили с собой удочки, поплыли подальше от берега. Лучшего места для секретных разговоров не найти. Гайлис сидел на веслах и рассказывал. Закис внимательно слушал. Потом сказал:

— Давай буду грести я. А то тебе трудно и грести и говорить.

Они поменялись местами. И только тогда Гайлис обратил внимание на руки своего гостя, большие крепкие руки рабочего человека. И подумал: нет, он не простой преподаватель и не простой лектор.

ной музыке. Эстетическая же цена этих «новаций» в твердой классической валюте — грошовая, чисто демпинговая! Знаменитый памфлет Горького «Музыка толстых» во многих случаях звучит сегодня еще ярче, чем раньше.

Далеко не все благополучно и в области так называемых «серьезных жанров». У части нашей композиторской молодежи нет-нет да и вспыхнет увлечение разного рода авангардистскими «измами»... Казалось бы, все абсолютно ясно: додекафонная, серийная алеаторическая и иная музыка может быть использована лишь как отдельный, сугубо технологический прием. Последовательное применение ее «зашоривает» композиторскую фантазию, укладывает ее в прокрустово ложе надуманных схем, так как одно из основных требований додекафонии гласит: мелодия должна использовать все двенадцать звуков хроматической гаммы и при этом ни разу не повторять ни один из них.

История западной музыки уже доказала без малого пятью десятилетиями своего развития, что все эти «измы» иссушают душу композитора, уводят его от контактов со слушателем в мир формалистических абстракций. И если порой талантливый композитор что-то и создаст в этих «измах», не лишенное интереса, то отнюдь не благодаря додекафонии и алеаторике, а вопреки им. На несколько сотен прямых неудач здесь в лучшем случае приходится одна полуудача. Но именно ее-то и подымают на щит апологеты авангардизма, делая «аргументом» жизнеспособности модных «новаций» в симфонической музыке. Жизнеспособность же эта приближается к нулю.

Неоднократные поездки за рубеж непоколебимо убедили меня в том, что авангардистская музыка не имеет никаких слушательских корней. Ее концерты проходят раз в два-три месяца при полупустых залах. Неизменно они вызывают возмущение общественности и прессы, кроме, разумеется, специальных авангардистских изданий.

Подобная картина за рубежом стала устойчивой. Почему же в таком случае авангардистские увлечения ощущаются в творчестве некоторой части нашей композиторской молодежи?

Вопрос не столь уж простой.

Здесь играет роль стремление молодого художника сразу же обрести острохарактерную индивидуальность, быть, так сказать, ни на кого не похожим, хотя авангардисты-то, как правило, безлико похожи один на другого!

Одни рассчитывают быть в курсе новейших достижений музыкального творчества, хотя авангардистские «достижения» обычно к нормальной реалистической музыке не имеют никакого отношения и повторяются на протяжении почти полувека с удивительным однообразием!.. Другие полагают, что классика и тем паче опора на народное творчество изжили себя, и потому, дескать, нужно подражать новейшей западной моде, хотя за рубежом все прочнее утверждается мнение, что именно Советский Союз является великой музыкальной державой поистине глобального размаха!..

Мне кажется, есть и еще одна причина авангардистских увлечений. Причина, быть может, сравнительно частная, но играющая существенную роль! «Вирус авангардизма» далеко не случайно заражает и поражает тех композиторов, у которых отсутствует ярко выраженный мелодический дар.

В реалистической музыке отсутствие мелодии скрыть невозможно. В авангардистской можно «принципиально» ее отвергать! А ведь создание мелодии едва ли не самое трудное в мастерстве композитора.

Написать яркую мелодию может не всякий. Здесь нужен крупный талант во всеоружии мастерства.

Сергей Прокофьев утверждал, что «многие из композиторов могут с трудом сочинить мелодию вообще, какую бы то ни было; тем труднее сочинить такую, для которой поставлены определенные задачи». Задачи же эти, по его мнению, заключались в том, что в условиях многомиллионной аудитории музыка «должна быть прежде всего мелодийной, притом мелодия — простой и понятной, не сбиваясь ни на перепевку, ни на тривиальный оборот».

В новаторстве художника сложнее всего быть простым и понятным. Это настолько трудно, что в периоды резкого обострения творческих поисков всегда появляются теории о неизбежности понимания гениальных находок якобы лишь... отдаленными потомками!

К счастью, крупнейшие таланты каждый раз опровергают это. И, кстати, не желая повторять общеизвестные примеры с музыкой Прокофьева, Шостаковича, Арама Хачатуряна, напомню о музыке такого интереснейшего композитора, как Георгий Свиридов. Удивительно просто и ярко умеет он сказать каждый раз новое слово в музыке! Слушая его сочинения, вновь и вновь убеждаешься, сколь неиссякаем живительный источник русской народной пес-

Copyrighted material

Греб Закис не так, как люди непривычные к этому делу, не раскидывал весла, будто крылья у самолета, а бросал их коротко, резко и легко, привычным, заученным движением. Не иначе как свой человек, из речников. У Гайлиса на этот счет глаз наметанный, сам проработал в порту не один год, но спрашивать ни о чем не стал, соблюдая жестокий закон конспирации...

— В энциклопедии написано, что вы были якорщиком. Скажите, что это за профессия?

— Якорщиками у нас называли плотогонов.

— И долго вы проработали якорщиком?

— Лет десять. Вместе с отцом.

Не ошибся в свое время Гайлис, точно распознал своего коллегу-речника в преподавателе истории и лекторе. Потому он и читал такие отличные лекции по курсу партийного строительства, что внес немало своего, личного не только в курс лекций, но в само партийное строительство.

...Мой собеседник взял другую газету и опять начал бережно разглаживать ее. На этот раз у него под руками была «Циня». И этот человек говорит, что ничего в его жизни особенного не было! А каждый его жест, даже такой незамысловатый — взял в руки газету,— рождает исторические ассоциации, связанные и с его жизнью, с его судьбой и с жизнью и судьбой его республики, его народа. Ведь в 1936 году именно он с товарищами по подполью возобновил издание коммунистической газеты «Циня», которая выходит и по сей день.

...На улице Бривибас открыли парикмахерскую, в ней создали склад партийной литературы, а в доме номер 8 по улице Индрану разместили тайную типографию. Дом был хороший, заметный дом в Риге, жили в нем полицейские чины, а на третьем этаже печаталась «Циня». Директором типографии стал все тот же Карл Гайлис. Из дома на улице Индрану он носил Закису материалы для номеров газеты. Закис их редактировал. И тратил на это очень много времени, правил внимательно и скрупулезно, ни одной запятой, бывало, не пропустит. Гайлис сидел рядом и от нетерпения ерзал на стуле. Закис однажды спросил:

— Что ты нервничаешь?

— Стоит ли так уж заботиться о запятых? Главное сейчас — большевистское слово, а не знаки препинания,— выпалил директор.

На что получил ответ:

— Слова большевистской правды не должны печататься с ошибками. В наших статьях все должно быть четко и ясно. И правильно. Все — до последней точки.

В 1936 году после перерыва вышел номер «Цини». Большое место в нем занимали материалы, связанные со смертью А. М. Горького. Коммунисты Латвии потеряли в тот год своего большого друга, и их газета писала о нем.

И об этом мне рассказал Карл Петрович Гайлис. И еще он вспомнил день 21 июня 1940 года. В тот день из тюрьмы были освобождены политические заключенные. Улицы перед тюрьмой запружены народом. Цветы. Радостные крики. В тот день Гайлис наконец узнал настоящую фамилию своего старого друга по подполью — Ян Эдуардович Калнберзин. Вскоре эту фамилию знали все, потому что это была фамилия первого секретаря Компартии Латвии...

О скромности Яна Эдуардовича в Риге ходят легенды. Недавно опубликован Указ о награждении Я. Э. Калнберзина орденом Октябрьской Революции. Без конца идут поздравительные телеграммы и письма. И сегодня целая пачка. Приходят поздравлять пионеры, старые подпольщики. Короче говоря, Ян Эдуардович переживает сейчас «трудные» дни. Трудные для очень скромного человека.

— Ян Эдуардович, в начале Отечественной войны вы были членом Военного совета Северо-Западного фронта?

— Да,— и весь ответ.

— И организовывали партизанское движение в Латвии?

— Да,— и никаких комментариев.

— Ян Эдуардович, расскажите, пожалуйста, как это происходило.

— Обычная партийная работа...

«Партийная работа» — звучит просто и привычно. Но партийная работа не меньше, чем искусство, требует таланта, призывает себе на службу людей, «соединяющих преданность социализму с уменьем без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации». Так писал В. И. Ленин. Партийный работник в ленинском понимании — очень скромный человек, обладающий талантом организатора, агитатора, психолога.

Партийная работа во время войны... Она была очень многообразна, в ней не было мелочей, все было важно. Вот только два пункта из протокола № 46 заседания Бюро ЦК КП(б) Латвии от 30 октября 1941 года, в котором говорилось о создании Латвийской стрелковой дивизии: «1) Обеспечить нормальное пополнение дивизии, укомплектование и подготовку запасного батальона... 4) Для культурного обслуживания бойцов Латвийской стрелковой дивизии и масс эвакуированных поручить СНК Латвийской ССР организовать бригаду артистов».

Я представил себе такую картину. Представить ее не составляло большого труда после того, как прочел воспоминания Янциса Луяна, командира взвода Латвийской дивизии.

...Сентябрь 1942 года. 122-й полк после многодневных кровопролитных боев, уступив свои позиции свежим частям, отходил в тыл. Моросил мелкий дождь. Бойцы, закутавшись в плащпалатки, брели по обочине дороги. То и дело останавливались, вытаскивали увязшие в грязи повозки. Настроение было неважное, хотя каждый, наверное, радовался, что вышел живым из пекла. Но за спиной оставалось изрытое воронками от бомб и снарядов поле боя, принявшее в себя столько жизней земляков. За спиной оставалась Старая Русса, от которой не так уж далеко до родной Латвии.

Под ногами хлюпала грязь. И этот мелкий, назойливый дождь... Вдруг впереди невесть откуда взявшийся в этой промозглой ночи оркестр грянул старую песню латышских стрелков. И полк выстроился в колонну, шел чуть ли не строевым шагом. Усталости как не бывало. Принимали этот необычный ночной парад Я. Э. Калнберзин и другие руководители Коммунистической партии Латвии и правительства республики. И это была тоже партийная работа, потому что Ян Эдуардович прекрасно знал, что значила для уставших бойцов вот такая встреча. Знал по собственному опыту: во время гражданской войны он участвовал во многих боях на многих фронтах, изведал полной мерой солдатские горести и радости.

— Все очень просто,— сказал Ян Эдуардович Калнберзин, когда мы прощались.— После войны вернулись на родину. Социалистическую Латвию построили, строим теперь коммунистическую. Молодежь воспитываем так, чтобы шла по следам своих отцов и дедов, продолжала традиции латышских революционеров.

Я еще раз поздравил Яна Эдуардовича с семидесятипятилетием, с наградой — орденом Октябрьской Революции. Поздравил от имени «Огонька», от твоего имени, читатель. О себе Я. Э. Калнберзин почти ничего и не рассказал. А все, что я узнал от других, было не столько о нем, сколько о судьбе республики, о судьбе народа, революции, Коммунистической партии Латвии.

Я проходил мимо Орденского зала. В этом зале Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР Герой Социалистического Труда Ян Эдуардович Калнберзин вручает ордена и медали людям, которые сегодня строят коммунистическую Латвию. Каждому он жмет руку и приветливо улыбается. И уходят после встречи с ним строители, учителя, токари, врачи, моряки взволнованные и радостные. А Ян Эдуардович возвращается в свой кабинет, в том же доме, этажом выше, вероятно, тоже взволнованный и радостный, потому что не может ветеран партии, старый подпольщик оставаться спокойным после встречи с людьми, продолжающими дело, которому он посвятил свою жизнь,— дело Великой Октябрьской социалистической революции.

ни, сколь животворны традиции классики! Нужно только, чтобы композитор досконально знал бесценные богатства родной национальной культуры, любил их, верил им!..

Конечно, авангардистские увлечения молодежи — лишь малозаметное пятнышко на музыкальном солнце. Музыка эта почти не звучит. А если и звучит, то, кроме недоумения и раздражения, никаких чувств у широкой аудитории не вызывает. Но вспомнить об этом надо, потому что разговоры о додекафонии, как об одном из интереснейших будто бы достижений «новой музыки» в среде интеллектуальных мещан, нередки. И какую-то роль в извращении эстетического вкуса они играют.

К тому же каждое увлечение композитора ложными «новациями» означает обеднение творческих успехов советской музыки в целом.

Между прочим, крупнейший советский музыковед, академик Асафьев, говоря, что музыка, ее интонации теснейшим образом связаны с общественным сознанием эпохи, с запросами и эмоциями масс, подчеркивал нежизнеспособность всего индивидуалистского в поисках художника.

«Действие этого отбора, повторяю, безжалостно,— писал Асафьев.— Оно постигает и гения, и интеллектуалиста—изыскателя новых путей, и скромного певца лирических настроений...» Постигает и гения!.. Следует задуматься над этими словами доморощенным авангардистам и их поклонникам.

Еще одно пятно на нашем музыкальном солнце связано с распространившейся за последние годы микрофонной манерой пения на эстраде. Само по себе использование микрофона в концертном исполнительстве вполне правомерно. Оно дает дополнительные тембровые нюансы, полнее раскрывает выразительные краски красивого певческого голоса. Именно красивого певческого голоса!

К сожалению, сейчас микрофон берут в руки все, кому не лень! «Поют» в микрофон и те, у кого нет даже намека на голос. Получается не пение, а некое нашептывание, своего рода сценический «бормотальный реализм», перенесенный в концертное исполнительство. Такое «пение» — как и на сцене — вступает в резкое противоречие с музыкальным образом. Мелодия, созданная композитором, чахнет, никнет, бледнеет. Музыка теряет выразительную силу.

Распространение «микрофонных шептунов» тоже вовсе не так безобидно, как кажется. Длительное насаждение подобной исполнительской манеры — а сейчас она именно насаждается через каналы массовых коммуникаций— может поставить под удар одно из величайших завоеваний музыки — великолепное эмоционально-неотразимое пение bel canto, породившее и оперную, а в дальнейшем и симфоническую музыку... То пение, которое, развив мелодичность народной музыки, породило расцвет мелодической кантилены.

Распространение «бормотального реализма» на сцене драматического театра за каких-нибудь пять — семь лет привело к серьезному снижению культуры сценической речи. Вот так же страшны и «микрофонные шептуны» для вокала!

Не могу не сказать о джазовых «переделках» многих популярных произведений, ставших модными. Все эти «транскрипции», «обработки», «фантазии», «попурри» требуют от авторов тончайшего вкуса и большого художественного такта. Но и при этом прикасаться «джазовыми» руками к классическим творениям можно лишь в порядке редкого исключения. А ведь теперь, подражая американским модам, многие джазовые ансамбли импровизируют даже и на темы Чайковского, Бетховена, Баха!.. Меня лично подобные импровизации возмущают до глубины души. И в тех случаях, когда они сделаны с уверенной профессиональной техникой, это остается вопиющим эстетическим цинизмом! Лишь душевно опустошенный человек может с наслаждением слушать — и тем паче исполнять — такую кощунственную интерпретацию классических шедевров.

Комиксы в области литературы вызывают всеобщее возмущение, почему же в музыке они считаются явлением возможным?!. Развязное, невежественное опошление «Анны Карениной», «Войны и мира» в комиксах — вещь недопустимая. И с этим согласны все! Почему же можно исполнять джазовые вариации на Первый фортепианный концерт Чайковского либо прелюдии и фуги Баха?!.

Это опять-таки не безобидно! Раз от разу, год за годом такие «импровизации» и «транскрипции» все более прочно приучают слушателя к эстетическому цинизму. А мы уже знаем, кому угождают подобные комиксы, подобные концерты... И не надо быть спокойными, потому что, мол, у нас комиксов вообще нет, а джазовые «обыгрывания» Баха и Чайковского еще не приобрели всеобщего распространения. Оно не за горами. Если, конечно, не поставить ему преграду вовремя.

Copyrighted material

В. ВИКТОРОВ

Молот и копье

Ромуальд Клим и Янис Лусис. Молотобоец и копьеметатель. Один — хозяин самого тяжелого снаряда в арсенале легкой атлетики, другой — самого легкого, самого воздушного. Что же их соединяет? Не случайное ли это соседство? Думается, что нет. И не только потому, что и тот и другой принадлежат все же к одному спортивному братству — метателей. И не только потому, что оба возглавляют мировые десятки лучших. И не только потому, что все спортивные оракулы (в том числе и счетная машина, установленная в Мехико) ставят их фамилии рядом как самых вероятных победителей близящейся олимпиады. Ромуальд Клим и Янис Лусис единодушны в своих взглядах на спорт. Вот почему я и решил рассказать о них в одном очерке. Впрочем, не будем забегать вперед: метатели знают, как это опасно. Итак...

Белорусский стиль

Ромуальд Клим и его знаменитый предшественник Василий Руденков—питомцы одной и той же славной белорусской школы. Они даже внешне чем-то похожи друг на друга, хмурые, не очень общительные, не выносящие долгих журналистских расспросов. Словно сам грозный молот, бич всех стадионных директоров, как рассвирепевший слон, взрывающий холеный футбольный покров, передал им свой характер. Молот не любит шуточек и прибауточек, недаром отгорожен метатель от зрителей сетчатым кругом, и называют метатели этот круг так же, как укротители,— клеткой.

Да, есть что-то тигрино-слоновое в характере молота. И это, казалось бы, парадоксальное сочетание как-то удивительно уживается в повадках каждого молотобойца. Вот он не торопясь входит в клетку, волоча за собой небрежно семикилограммовый шар на металлическом поводке. До тех пор, пока спортсмен готовится к броску, он кажется неуклюжим, громоздким, медлительным, но стоит ему начать вращение, постепенно раскручивая снаряд, все быстрее и быстрее, как появляется у метателя тигриная упругая стремительность. И она-то и позволяет ему на втором, а затем и на заключительном, третьем повороте обгонять движение молота.

Зная о серьезном характере Ромуальда Клима, я, признаться, с опаской подошел к нему. Но неожиданность ждала меня сразу же, еще до того, как он согласился ответить на несколько вопросов. Клим, столь внушительно выглядевший издали, оказался не очень высоким и не очень массивным. Трудно было представить себе, куда он девает свои боевые сто десять килограммов.

С его веса и начался наш разговор (тема эта неизменная не только для боксеров, борцов и штангистов, но также и для метателей).

— Вы бы на меня посмотрели лет двенадцать назад,— сказал Клим.— Знаете, сколько я весил? Всего восемьдесят шесть килограммчиков. А ведь молот я тогда уже метал по первому разряду...

Сосчитать было нетрудно: уже в год Мельбурнской олимпиады Ромуальд Клим был перворазрядным спортсменом. А ведь мы услышали о нем как о выдающемся мастере только перед самым Токио. Что же он делал в два следующих олимпийских четырехлетия? Почему он так долго пребывал в нетях?

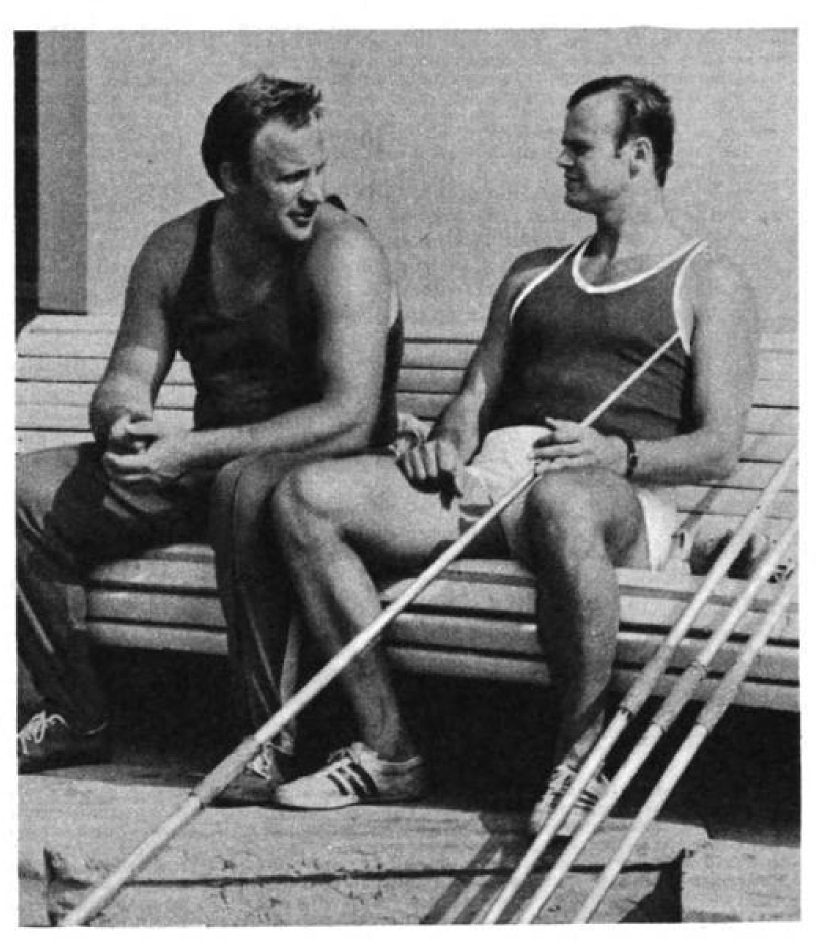
Как оказалось, этот вопрос многое определяет в его судьбе. Удивительна история этого атлета. Все, казалось бы, складывалось в его жизни так, что не мог он стать большим спортсменом, а вот ведь стал, завоевал олимпийское первенство в Токио и теперь является без шестидесяти сантиметров рекордсменом мира. И чудес здесь нет никаких. Чудо только в одном: в характере этого человека, в непреклонной его воле.

Мальчишка из белорусской деревни Хвостово, сын партизанского связного, навидавшийся ужасов за четыре года войны, до шести лет — Ренек, до двенадцати — Ромуальд, а теперь, хоть и осталось в паспорте это замысловатое имя, для всех товарищей — Роман, разве мог он мечтать о спорте?.. И действительно, паренек из Несвижского района, не раз наблюдавший ужасы гитлеровских карательных экспедиций, натерпевшийся страху, наголодавшийся, не помышлял о спорте. Окончив школу, Клим решил стать моряком и с путевкой райкома комсомола отправился в Минск, но, приехав ранним утром в белорусскую столицу, не зная, куда девать себя до открытия военкомата, наелся мороженого и схватил тяжелую ангину. Вот и остался сын партизанского связного на берегу. Куда же податься? И тут Клим вспомнил, что им всегда был доволен преподаватель физкультуры: он и прыгал выше всех и диск метал на тридцать пять метров. Так пришло решение поступать в Минский институт физкультуры. Вот он и поступил.

Произошло это важное событие в жизни белорусского паренька в олимпийском 1952 году, когда в Хельсинки пробовал свои силы в метании молота другой питомец белорусского института, Михаил Кривоносов. И хоть постигла тогда Кривоносова неудача — три раза не удержался он в круге и выбыл из борьбы,— но все равно молот, несмотря на весь его норовистый нрав, стал мечтой нового студента, Ромуальда Клима. И когда через четыре года в Мельбурне Кривоносов занял второе место, послав свой снаряд на 63 метра 3 сантиметра — отличный результат по тем временам, Ромуальд Клим уже сделал два шага вверх по лесенке мастерства. Начал он свое восхождение в 1955 году с того, что метнул молот на 54 метра 74 сантиметра, а в следующем году увеличил длину броска почти на два метра. Но какой же это результат по сравнению с броском олимпийского призера Михаила Кривоносова?

Медленно, с натугой поднимался Клим со ступеньки на ступеньку, в то время как Михаил Кривоносов стремительно взлетал все выше и выше. Победа на чемпионате Европы. Успех на многих международных соревнованиях. Один мировой рекорд за другим.

Кривоносов и Клим часто встречались на занятиях у одного и того же тренера — патриарха белорусских молотобойцев — Евгения Михайловича Шукевича, обменивались мыслями о технике метания. Но скоро их содружество распалось. В 1956 году Кривоносов установил свой новый, шестой рекорд, послав молот на 67 метров 32 сантиметра, а Клим почти перестал выступать на соревнованиях. У него появилась семья, да еще какая: родились сыновья-близнецы,— вот он, окончив институт, и пошел работать сперва в Горьковскую сельскохозяйственную академию, а затем три года прожил в Витебске.

Ромуальд Клим и Янис Лусис — два сильнейших метателя мира.
Фото А. Бочинина.

Это были те самые три года, которые прославили на весь мир другого белорусского питомца — Василия Руденкова. Руденков служил в армии в Минске, познакомился там с Кривоносовым, многое перенял у него, стал преемником знаменитого молотобойца, а затем достиг высшего мастерства под руководством московского тренера Леонида Митропольского. Не кто иной, как Василий Руденков, победил в Риме на Олимпийских играх сильнейших метателей мира — американца Гарольда Коннолли и венгра Дьюлу Живоцки. Его бросок на 67 метров 10 сантиметров был новым олимпийским рекордом, но и этот результат не являлся предельным для советского метателя. Еще в канун Римской олимпиады Василий Руденков послал снаряд на 68 метров 27 сантиметров и в послеолимпийском году довел свой рекорд до 68 метров 95 сантиметров. Ромуальд Клим в это время метал молот на 7 метров ближе... К тому же времени, когда он снова стал серьезно тренироваться у Шукевича, результат Руденкова был значительно улучшен Юрием Бакариновым, который вплотную подобрался к семидесятиметровому рубежу... Таково было соотношение сил к зиме 1964 года. На что же мог рассчитывать тридцатилетний атлет? Он хотел дерзать, но разве в его возрасте не благоразумнее кончать? Однако Клим не думал об этом, он просто продолжал подниматься все выше и выше по лесенке цифр. И на четвертом десятке это удавалось ему лучше, чем раньше. Почему? Конечно, сказалось огромное желание побороть годы, вопреки им прорваться на простор, но, без сомнения, сыграла свою роль и новая встреча с Михаилом Кривоносовым. Знаменитый метатель к тому времени уже закончил свой спортивный путь и ничего не утаил от своего воскресшего из небытия ученика. Ромуальду Климу был предложен столь широкий план реконструкции его физических и технических качеств, будто он только вчера приехал в

Copyrighted material

Минск из деревни, не успел еще растратить сил. И Клим смело пошел по этому трудному пути. Многое ему предстояло сделать: укрепить плечевой пояс и спинные мышцы, включить в тренировку штангу, которая к тому времени все шире стала использоваться легкоатлетами, значительно увеличить свой вес и добиться более высокой скорости. Белорусский стиль метания молота отличается тем, что спортсмен после первого поворота как бы обгоняет молот, который вращается над ним с огромной центробежной силой, увеличивающей вес снаряда с семи до четырехсот килограммов. Да, этот стиль требовал мощи Жаботинского и скорости негритянских спринтеров, иначе не совладать с этой выпущенной на волю тигриной прытью, иначе неизбежно она выбьет тебя из круга. А круг для такого бешеного вращения совсем невелик, его диаметр — 2 метра 13 сантиметров, и у молотобойца к заключительному движению в запасе остается всего сантиметров двадцать. Сколько же различных качеств нужно было сплести воедино для того, чтобы в совершенстве освоить белорусский стиль!

Трудна и кропотлива была подготовка тридцатилетнего метателя. И, несмотря на все это, Клим поражал всех своей неутолимой жаждой труда и быстрым ростом результатов. Уже в сентябре 1964 года он побил рекорд Юрия Бакаринова, метнув в Киеве молот на 69 метров 67 сантиметров, а через месяц его имя прогремело в Токио. После первого финального броска Ромуальд Клим вырвался вперед, обогнав и венгра Дьюлу Живоцки и немца Уве Байера. Его бросок на 69 метров 74 сантиметра обеспечил ему золотую олимпийскую медаль.

Немногие предполагали, что Ромуальд Клим, этот неудачник, спортсмен, которому исполнилось уже тридцать лет, способен на такой подвиг, а он продолжал все подниматься выше и выше. В следующем году белорусский метатель установил европейский рекорд — 71 метр 2 сантиметра, перекрыв рекорд Живоцки, и всего на 24 сантиметра не дотянув до мирового рекорда Коннолли.

Казалось, Клим обогнал в своем яростном стремлении вперед не только молот, но и свои годы, что у него долго не будет соперника, и тут-то снова, как феникс из пепла, возник Дьюла Живоцки. Но почему же из пепла? Ведь венгерский метатель на четыре года моложе Клима. И вот летом 1965 года венгру удалось установить новый мировой рекорд — 73 метра 74 сантиметра...

Многие считали, что это была лебединая песня метателя из Венгрии. Год проходил за годом, а ему не удавалось подойти даже близко к своему результату. Зато Клим продолжал движение вверх. 71 метр 46 сантиметров... 71 метр 88 сантиметров... 72 метра 36 сантиметров... Он все ближе подбирался к мировому рекорду Живоцки. Уже в начале нынешнего лета ему удалось преодолеть еще одну ступень — 73 метра 18 сантиметров пролетел его молот. Теперь лишь полметра отделяли его от голубого флажка, которым отмечается на зеленом поле мировой рекорд. И тут-то незадолго до отлета в Мексику пришло сообщение из Венгрии: Дьюла Живоцки метнул молот на 73 метра 76 сантиметров. Он установил новый мировой рекорд.

Узнав об этом, я представил себе совершенно ясно лицо белорусского молотобойца в тот момент, когда он услышал о новом взлете неутомимого венгра. Я увидел грозно сдвинутые брови, стиснутый рот и сжатый кулак, словно Клим сжимал ручку своего молота. Я увидел, как, не торопясь, волоча за собой семикилограммовый шар, входит тридцатипятилетний метатель в клетку и как рядом с ним по другую сторону проволочной предохранительной сетки занимает свое место его тренер Михаил Кривоносов. Начинается очередная тренировка, и молот, раскрученный могучей рукой Клима, совершает свой первый круг над его головой.

Ромуальд Клим спокоен. Он верит в свои силы. Он готов к встрече с Дьюлой Живоцки и другими сильнейшими метателями мира. Это тоже белорусский стиль.

Башня растет

Не знаю, удалось ли Янису Лусису во время своего последнего приезда в Хельсинки, побывать на олимпийском стадионе, подняться на вершину башни Ярвинена. Но, услышав о результатах его финского турне, я совершенно ясно представил его на вершине этой башни, вспоминающего победы финских копьеметателей на одиннадцати олимпиадах.

В Финляндии любят копье, как в Белоруссии молот, и начиная с Олимпийских игр 1912 года в Стокгольме, когда в программу было впервые включено копье, и кончая Олимпийскими играми 1964 года в Токио, финские копьеметатели лишь на трех из них не попадали в число призеров. Тринадцать призовых медалей и из них пять золотых получили копьеметатели этой маленькой страны. И вот своеобразным памятником этому подвигу высится на стадионе в Хельсинки башня высотой в 72 метра 71 сантиметр. С таким результатом, огромным по тем временам, победил в Лос-Анжелесе Матти Ярвинен.

Только поднявшись на вершину башни, можно представить себе, что значит метать копье на такое расстояние. Рекорд Матти Ярвинена, поставленный как бы «на попа», позволяет из Хельсинки в ясный день обозревать берега Советской Эстонии. Но с вершины хельсинкской башни можно было бы, наверное, разглядеть и латвийские берега, если бы эту башню нарастили еще на девятнадцать метров. Но этим следовало заняться уже не финнам, а норвежцам, ведь это их спортсмен Терье Петерсен за месяц до Токийской олимпиады установил новый мировой рекорд — 91 метр 72 сантиметра.

Как ждал Янис Лусис встречи с норвежским копьеметателем в Токио и как был разочарован, когда Петерсен не смог даже выполнить классификационной нормы и не попал на вечерние соревнования. Правда, норма эта была равна 76 метрам, что на 3 метра 29 сантиметров превышало знаменитый бросок Матти Ярвинена в Лос-Анжелесе, бросок, воплощенный впоследствии в башню.

...Пять лет тому назад мне довелось писать о Лусисе, и я тогда, рассказывая его историю, отметил, что для копьеметателя восьмидесятиметровый барьер то же, что и для летчика звуковой. В какое далекое прошлое отошел теперь этот «звуковой барьер»!

Янис Лусис на чемпионате страны 1961 года впервые прорвался за восьмидесятиметровый рубеж, послав копье на 81 метр 1 сантиметр. Так, юноша из курземского колхоза «Первое мая», которого не хотели принимать в Рижский институт физкультуры, потому что он по своим данным был далек от атлетических образцов, после трех лет занятий стал одним из трех сильнейших копьеметателей страны. А после долгих поисков самого совершенного стиля он стал побеждать не только своих товарищей, но и лучших метателей мира — итальянца Карло Лиеворе, поляка Януша Сидло.

В канун Токийской олимпиады Янис Лусис был уже чемпионом Европы, но на Олимпийских играх не смог повторить своих лучших результатов и с броском на 80 метров 57 сантиметров остался на третьем месте. На высшую ступеньку пьедестала почета в Токио снова поднялся спортсмен Финляндии. На сей раз это был Пенти Невала, и что с того, что его бросок уступал броскам победителей и Мельбурнской и Токийской олимпиад? Победа есть победа!

Вернувшись домой, Янис Лусис вместе со своим тренером Валентином Маззалитисом задумался над тем, что же делать дальше. Не было никаких сомнений, что надо в конце концов менять систему тренировок.

Не случайно с 1962 года не мог он ни на один сантиметр улучшить свой всесоюзный рекорд — 86 метров 4 сантиметра. Победу может принести только высокая стабильность бросков. Не один раз, а много раз подряд надо показывать результаты, близкие к девяноста метрам, чтобы побеждать.

Кажется, нет пределов крылатой силе копья. Правда, тот же Петерсен, когда устанавливал свой мировой рекорд, использовал планирующее копье Хельда, а на официальных соревнованиях разрешаются копья обычные, не планирующие, но совершенно ясно, что очень скоро рекорды будут превышаться и с помощью этих обычных копий. Разве дело только в копье? Открыты планирующие свойства, таящиеся в самих спортсменах, и самое удивительное заключается в том, что эти подспудные силы не имеют предела. Вот их-то и пытался раскрыть и учесть Янис Лусис, готовясь к выступлению на новой олимпиаде в Мехико. Он пришел к выводу, что копье, хоть оно и весит всего восемьсот граммов, требует от метателя такой же физической подготовки, как семикилограммовый молот. Вот почему он на каждой тренировке стал поднимать 4—5 тонн, рвал штангу, как заправский атлет, приседал с ней, развивая мышцы ног. Лусис трудился над своим телом так же старательно, как Хелд над своими копьями. Что может стоить самое удачное копье, в котором безукоризненно рассчитаны аэродинамические свойства, если не найдется метателя, способного использовать его в броске?

Так была разработана новая система тренировок — триста бросков в неделю. Накапливание силы зимой и скорости летом. К своим восьмидесяти трем килограммам Лусис прибавил еще шесть. Он теперь по виду мало чем отличался от метателя молота. И вот наконец-то первый шаг вперед сделан. Его копье пролетело 86 метров 56 сантиметров. Но прошло два сезона и почти весь третий, пока Лусису наконец удалось по-настоящему пожать плоды своих усилий. 7 сентября 1967 года на соревнованиях в Одессе его копье пролетело 90 метров 98 сантиметров. Петерсен был рядом, но Лусис помнил, что один удачный бросок весны не делает. Нет, надо стать хозяином в спортивном космосе, и Лусис стал хозяином. Еще четыре раза удавалось ему прорываться за девяностометровый рубеж. И вот он в Финляндии. Ему предстоит турне по этой стране, которая является родиной пяти олимпийских чемпионов, где в честь одного из них воздвигнута семидесятиметровая башня.

Янис Лусис приехал в Финляндию, полный решимости побить наконец рекорд норвежского копьеметателя. Рассчитаны все 28 метров разбега, точным и мощным стал переход к броску. Все чаще он попадает в ось копья, безошибочен его ритм, нарастающий с каждым из 9 беговых шагов, а разбег так незаметно переходит в рывок, что его со стороны и не уловишь. Нет, все должно быть хорошо...

И вот перед Лусисом зеленое поле в Тампере. Рядом самые знаменитые метатели Европы: поляки — Януш Сидло и Владислав Никитчук, финны — Пенти Невала и Йорма Кикунен, его неизменный соперник и товарищ эстонец Март Паама. Что и говорить, компания первоклассная и настроение боевое, а вот в копье Лусис никак не мог попасть. Лучший бросок в предварительных попытках был равен 86 метрам 42 сантиметрам. Откуда же это разнобой в движениях? Но у него не было времени для размышлений, теперь надо верить, что ему удастся собраться в финале. И Лусису это удалось. В первой же попытке копье словно зависло в воздухе, и, следя за бесконечным его полетом, Лусис понял, что результат есть. Но почему же так долго возятся судьи? Что они ищут в траве? Вчерашний день? Они, оказывается, никак не могут найти отметку, оставленную копьем в траве. И они не нашли этой отметки, попытка не засчитана...

Раздосадованный, злой на весь мир, готовился Лусис ко второй попытке. И вот снова его копье летит над стадионом, снова трибуны, затаив дыхание, следят за серебристой полоской в небе, и вдруг овация. Неужели удача? Взвилась металлическая рулетка и протянулась от одного края футбольного поля до другого... Итак, новый мировой?.. Нет, всего 90 метров 92 сантиметра. Это даже не новый всесоюзный!

Так началось финское турне Яниса Лусиса, а второе его выступление в маленьком городе Кэуру кончилось совсем печально: лучший бросок — 87 метров 58 сантиметров. Что он, устал? Или неудача в Тампере сковала его силы? Какая разница? Так или иначе, но от третьих соревнований в городке Саариярви, видимо, ждать нечего. Не удастся ему и на этот раз побить рекорд норвежца. А как хорошо было бы добиться этого в Финляндии, в стране копьеметателей! Как были бы ему благодарны за хороший сюжет журналисты! Ну и бог с ними, с журналистами, пусть сами заботятся о своих сюжетах, а ему лишь бы закончить этот утомительный вояж.

В день соревнований в Саариярви Лусис чувствовал себя совсем плохо: болела голова, видимо, сказывалось нервное напряжение, испытанное им на соревнованиях в Тампере. Он даже стал подумывать о том, чтобы совсем отказаться от выступления, но потом решил, что раз приехал, то деваться уж некуда.

«Метну легко, свободно — и с плеч долой»,— сказал Лусис самому себе... Ну и метнул. Когда копье взлетело в воздух, ему показалось, что этот бросок не потребовал от него даже малейших усилий. Он ничего не ждал от своей очередной попытки, но вот копье вонзилось в траву, вот судьи измерили длину броска, и стало известно, что Янис Лусис наконец добился своего. Новый мировой рекорд теперь — 91 метр 98 сантиметров...

Так башня Ярвинена выросла на 19 метров 27 сантиметров. Хорошо стоять на вершине такой высокой башни!

Copyrighted material

...А МЫ ПОВЕРИЛИ РЕКЛАМЕ

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ
Специальные корреспонденты «Огонька»

У капитана парохода очаровательные помощницы.

Рекламное объявление сулило со страниц популярного издания: «Попробуйте воспользоваться приглашением Московского бюро экскурсий и путешествий и отправиться в десятидневное плавание на пароходе по маршруту Москва — Горький — Москва. Не пожалеете!»

Такая возможность прельстила. И вот наш пароход уже более суток своими старомодными колесами неторопливо отшлепывал километры.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО...

Ритм движения колесного парохода придает путешествию какое-то особое спокойствие, словно убаюкивает. Наш пароход носит имя Виктора Гусева — известного советского поэта и драматурга.

Идет пароход так плавно, что проснешься ночью и не знаешь, плывем мы или стоим на месте.

В нашем рейсе 160 пассажиров-туристов — работницы Томилинской птицефабрики и известная художница, молодой кандидат химических наук и маститый профессор ВГИКа, пенсионер и механик, весовщица, нормировщик, врач, портниха, столяр, машинист тепловоза... Все мы едем по «московской кругосветке» — Москва-

река, Ока, Волга, каналы. Превосходный маршрут, одна из привлекательнейших туристских водных трасс. Ни одного, как говорится, повторяющегося километра; идешь — и все внове. Да и продолжительность путешествия хороша — десять дней: удобно и тем, у кого пятнадцатидневный отпуск. Большая часть пути проходит по живописной, спокойной Оке, а затем, едва выходишь на главный «водный проспект» России, ритм тотчас меняется — Волга работает напряженно, много, и это тоже поражает туриста не менее, чем красоты природы.

На пути много городов и городков. Первые же часы дороги оставляют за кормой Воскресенск, Коломну, Белоомут... Опытные, знающие свое дело работники плавучей турбазы умело, ненавязчиво используют всякую возможность, чтобы познакомить отдыхающих с примечательными местами, рассказать о них. Вот и сейчас нам предстоит остановиться близ Константинова.

...И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

Подходим к небольшой пристани. От нее до дома, в котором жил Сергей Есенин, считанные сотни метров. Но для многих они оказа-

Copyrighted material

рассказываем о том, что из этого получилось

лись непреодолимыми: накануне прошел сильный дождь, и сельская дорога стала непролазной. Первый ухаб на туристской трассе. Но не последний.

Мы начинали вести этот репортаж в день погожий. Но вот случилась непогода, и оказалось, что путешествие на таком пароходе для тех, кто взошел на его палубу, чтобы отдыхать, не всегда отдых.

Лишь небольшая часть туристов размещается в удобных, хороших двухместных и четырехместных каютах. А большинство — в третьем классе: помещения неуютные, не подходящие для дальней дороги восьмиместные каюты, не имеющие даже сносной вентиляции. Это особенно остро ощущаешь летом, когда, случается, солнце так раскаляет пароход, что хоть за борт прыгай. А когда вдруг начался ливень, да такой, что смыл с верхней палубы даже самых отчаянных любителей свежего воздуха, то одни спрятались в каютах, другие ринулись в тесный салончик, иные просто ходили по коридору. В общем, некуда на этом пароходе деться в непогоду. Забегая вперед, скажем, что медики запретили использование пароходов такого типа на продолжительных рейсах. Вот строки из

пассажира первого класса. По моему мнению, на «московскую кругосветку» следует обратить особое внимание — ведь маршрут уникален.

КОЛЛЕКТИВ КАЮТЫ № 44: «Восьмиместные каюты очень неудобны, тесны. Создается впечатление, словно ты в переполненном вагоне поезда».

Г. ЦВЕТКОВА, СТАРШИЙ ИНЖЕНЕР, Е. ЦВЕТКОВА, СТУДЕНТКА, М. КУЗНЕЦОВ, ДОЦЕНТ, М. КУЗНЕЦОВ, ЭКОНОМИСТ: «На пароходе нет удобств. Нет телевизора, нет кино, плохо работает душ. Хуже всего организованы экскурсии».

ПРОФЕССОР И. ДОЛИНСКИЙ: «Надо побольше устраивать остановок не в городах, а в живописных местах, на природе».

Кстати, о городах, о том, как их показывают. Многие наши собеседники отмечали, что во время путешествия туристов знакомят только со стариной, показывают храмы, древние архитектурные ансамбли. Это очень интересно, увлекательно. Но где же сегодняшний день советских городов? Да, мы с большим интересом осматривали в Угличе парадные палаты княжеского дворца (XV век), церковь царевича Димитрия «На крови», Спасо-Преображенский собор.

На директора турбазы и его помощников обрушился вал претензий.

НЕ РУБИТЕ СУК, НА КОТОРОМ СИДИТЕ

Вернувшись в Москву, направились к авторам рекламы, в Московское бюро по туризму. Разговор начался с Константинова, со злосчастных сотен метров на пути к дому Есенина, сотен метров, которые не удалось из-за грязи одолеть. «Позвольте,— сказали нам,— это не наша забота. Есть местные организации — пусть они и наводят дороги».

Странная получается ситуация. Московский совет по туризму, его бюро рекламируют красоты трассы, упоминают в своих проспектах тот же есенинский домик, находят звонкие, яркие слова, когда рассказывают о замечательных памятниках древнерусской архитектуры, но ничего или почти ничего не делают, чтобы поддерживать эти изумительные памятники в должном состоянии. В Муроме расположен ансамбль старых церквей. Но ветшает церковь, да и монастырские постройки при-

ристские организации отчислять некую толику получаемых доходов на сохранение памятников старины, на приведение, к примеру, в порядок той же дороги, что ведет к дому Есенина, на автобусы для туристов в часы стоянок судов...

То же и о пароходе «В. Гусев», непригодном к дальним путешествиям. Ведь смогли же одно из судов такого же типа, «М. Пришвин», перестроить, благоустроить, изменить его внутреннюю планировку. И теперь оно стало заметно лучше других подобных судов. Их немало — и тот же «Гусев», и «Достоевский», и «Волгоград». Все это суда колесные, старые, но, может, именно этим-то и привлекающие туристов. Давайте их осовременим.

Переоснастка старых судов вовсе не исключает постройки новых туристских кораблей. И это, на наш взгляд, забота не только речников, но и туристских бюро. В нынешнем году Центральный совет по туризму арендует 106 речных и морских судов. И ни одно из них специально не приспособлено для туризма. Говорят, ленинградские специалисты работают над туристским судном с одно- и двухместными каютами, с танцплощадкой, кинозалом, с простор-

их заключения: «Результаты проверок показали, что пароходы «Волгоград», «В. Гусев», равно как и другие этой же серии, совершенно не приспособлены для дальних туристских рейсов...» (После плавания мы говорили об этом в Министерстве речного флота РСФСР. Здесь с пониманием относятся к нуждам пассажиров и туристов. В частности, суда этого типа снимаются с дальних и продолжительных рейсов.) Категорический тон этого документа легко поймешь, когда узнаешь, что построен был пароход много лет назад, да так и не перестраивался, не улучшался с той поры. Поскрипывают старые переборки, смерчи дыма извергает труба, внизу, в третьем классе, так неудобно, что находиться долго (а десять дней — это немало) здесь невозможно.

Может, это субъективная точка зрения? Чтобы проверить себя, уже в конце путешествия мы обратились к нескольким туристам.

— Провожу отпуск на пароходе впервые. Привлекает возможность отдыхать всей семьей,— говорит Ян Янович Удрис, сотрудник Всесоюзного электротехнического института.— Маршрут очень интересен... Но пароход совершенно не приспособлен для туристского путешествия, даже с точки зрения

Но где же нынешний Углич? Почему он выпадает из программ экскурсий? Организаторы туристских вояжей идут по проторенным дорогам, не разрабатывают новые маршруты. Даже в Горьком, кроме старых построек и домика Кашириных, экскурсантам нашего парохода ничего показано не было. Почему? В Московском совете по туризму нам ответили очень уклончиво: «Да, вы, может, правы. Но церкви — это сегодня модно...»

Да, интерес к русской старине велик. И понятен. Но турист хочет ощутить всю прелесть городов, где старина переплетается с новью.

Кстати, нельзя не заметить, что сама организация всяких экскурсий в часы стоянки парохода оставляет желать много лучшего. Действительность тут никак не соответствует рекламе. Горьковское отделение туристского ведомства не смогло предоставить пассажирам с «В. Гусева» автобусы для поездки по городу. Правда, горьковчане решили подсластить пилюлю и заранее предупредить туристов о своей несостоятельности — послали телеграмму на пароход. Но послали ее не навстречу пароходу, не в Муром, а в... Ярославль, в один из следующих после Горького пунктов остановки «В. Гусева».

ходят в упадок. Проломлены великолепной работы купола, в церкви понастроили и понакрасили такое, что от первозданной красоты мало что осталось. Мы поинтересовались: а туристское ведомство — отдает ли оно хоть малый процент своих доходов на реставрацию тех самых памятников старины, которые так рекламирует? Говорят: почти ни копейки! Но ведь это же по существу неправильно. Путевка, которую оплачивает турист, стоит немало. Часть этих денег, слишком большая, на наш взгляд, идет речникам за аренду парохода. Заметно меньше отпускается на питание и всякие другие расходы. Неужели туристское бюро считает, что расходы на реставрацию всего того, что входит не по форме, а по сути в его хозяйство, не имеет к нему никакого отношения? Можно ли так, не думая о завтрашнем дне, вести туристское хозяйство? Ведь многие из увиденных нами архитектурных памятников вскоре могут прийти в совершенную ветхость и их придется исключить из программы поездки. Что тогда будут рекламировать руководители бюро? Не рубят ли они сук, на котором сидят? Увлеченные идеей как можно больше получить сегодня, мало заботятся о будущем.

Следует, очевидно, обязать ту-

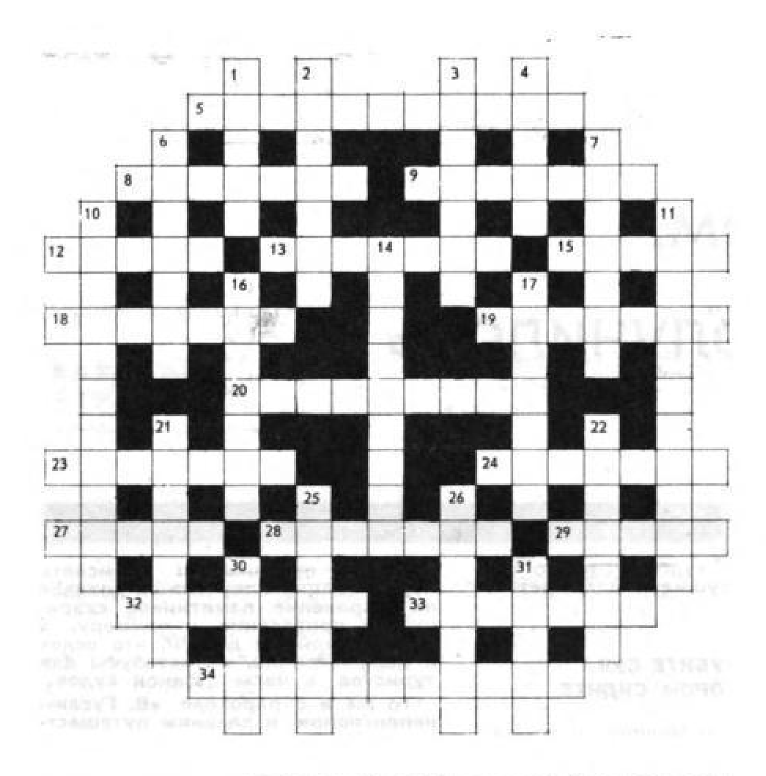
ным рестораном. Но пока это только проект и макет...

И в заключение о рекламе, которая сулит значительно больше того, что дает путешествие. Десятки писем, поступающих в редакцию и в турбюро, далеко не в полной мере выражают эмоции тех, кто негодует по поводу такой, мягко выражаясь, неточной рекламы.

Задумываются ли руководители турбюро над одной простой истиной: в нынешнем сезоне им поверили, купили путевки, поехали, разочаровались. А ведь это значит, что на будущий год тысячи людей уже не поверят рекламе.

* * *

Десять кругосветных дней — превосходное путешествие. По своим возможностям. И чем скорее эти возможности будут использованы полностью, тем лучше. Это зависит от Центрального совета по туризму ВЦСПС, от его местных организаций, от Министерства речного флота РСФСР и Министерства судостроительной промышленности СССР, руководители которых, надеемся, прочтут эти заметки и откликнутся на них.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Поэма Н. А. Некрасова. 8. Химический элемент. 9. Литературный жанр. 12. Хищное млекопитающее семейства куньих. 13. Спортивная игра. 15. Барьер вдоль авансцены. 18. Административный центр воеводства в Польше. 19. Мягкие цветные карандаши. 20. Чрезмерное преувеличение. 23. Музыкальная пьеса. 24. Русская народная сказка. 27. Электро- и теплоизоляционный материал. 28. Флотоводец, исследователь Антарктики. 29. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 32. Цветная нашивка на воротнике форменной одежды. 33. Украшение. 34. Русский композитор XIX века.

По вертикали:

1. Приток Алдана. 2. Созвездие северного полушария неба. 3. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 4. Рыболовный порт в Японии на острове Хонсю. 6. Непромокаемая ткань. 7. Река во Франции. 10. Помещение для научных исследований. 11. Изучение пещер. 14. Графическое изображение соотношения величин. 16. Лесная певчая птица. 17. Перечень предметов в определенном порядке. 21. Устройство для пуска двигателей внутреннего сгорания. 22. Танец. 25. Цветок. 26. Пристройка к зданию. 30. Дорожка в парке, в саду. 31. Древнегреческий драматург.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

4. Паланга. 7. Сатин. 8. Вебер. 10. Арика. 12. Сальск. 14. Греков. 15. Рота. 16. Антоним. 17. «Трое». 18. Кедр. 20. «Иоланта». 22. Бриз. 23. Сказка. 24. Таллий. 25. Томск. 27. Шашки. 28. Осень. 29. Базальт.

По вертикали:

1. Фауна. 2. Каллисто. 3. Агава. 5. «Ванька». 6. Цемент. 9. Лазоревка. 11. Воронихин. 13. Крапива. 14. Гимнаст. 19. Раздан. 21. Альманах. 22. Баланс. 25. Тираж. 26. Копье.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники—250-14-70; Юмора—253-32-13; Спорта—253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00171. Сдано в набор 10/IX-68 г. Подписано к печ. 24/IX-68 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 033 000 экз. Изд. № 1806. Заказ № 2557.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Пестрые страницы

РЕДКИЙ СНИМОК

Кажется, что молния разрезала пополам мост Тампа во Флориде (США). В действительности электрический разряд очень большой силы прошел недалеко от моста и не причинил никаких разрушений.

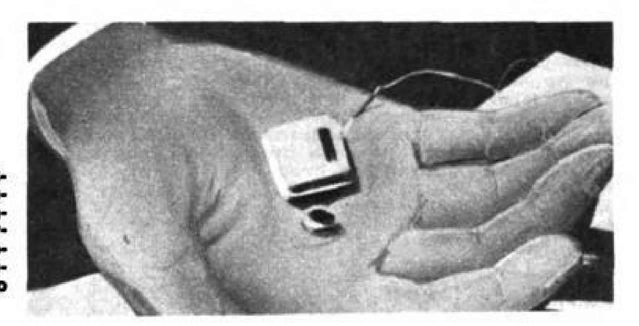

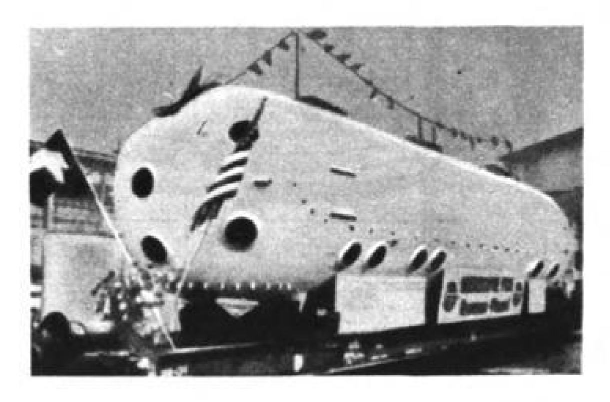
МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Опускаясь на лондонский аэродром, этот спортивный самолет с двумя пассажирами очутился не на посадочной дорожке, а на крыше сторожевой вышки. К счастью, ни пассажиры, ни пилот не пострадали.

МИНИ-РАДИО

Новинка японской электронной индустрии. Выпущен миниатюрный радиоприемник и передатчик, свободно умещающийся на ладони. Он действует на расстоянии до двухсот метров.

БАТИСКАФ ПИКАРА

Швейцарский исследователь морских глубин Жак Пикар сконструировал новый батискаф. В начале 1969 года Пикар собирается начать на нем исследование течения Гольфстрима.

ФУТБОЛИСТЫ В ГАЛСТУКАХ

Ирландский клуб «Портланд роверс» — единственный в мире, чьи члены футбольной команды на всех состязаниях выступают в галстуках. Таково было условие одного страстного болельщика, завещавшего клубу крупную сумму денег.

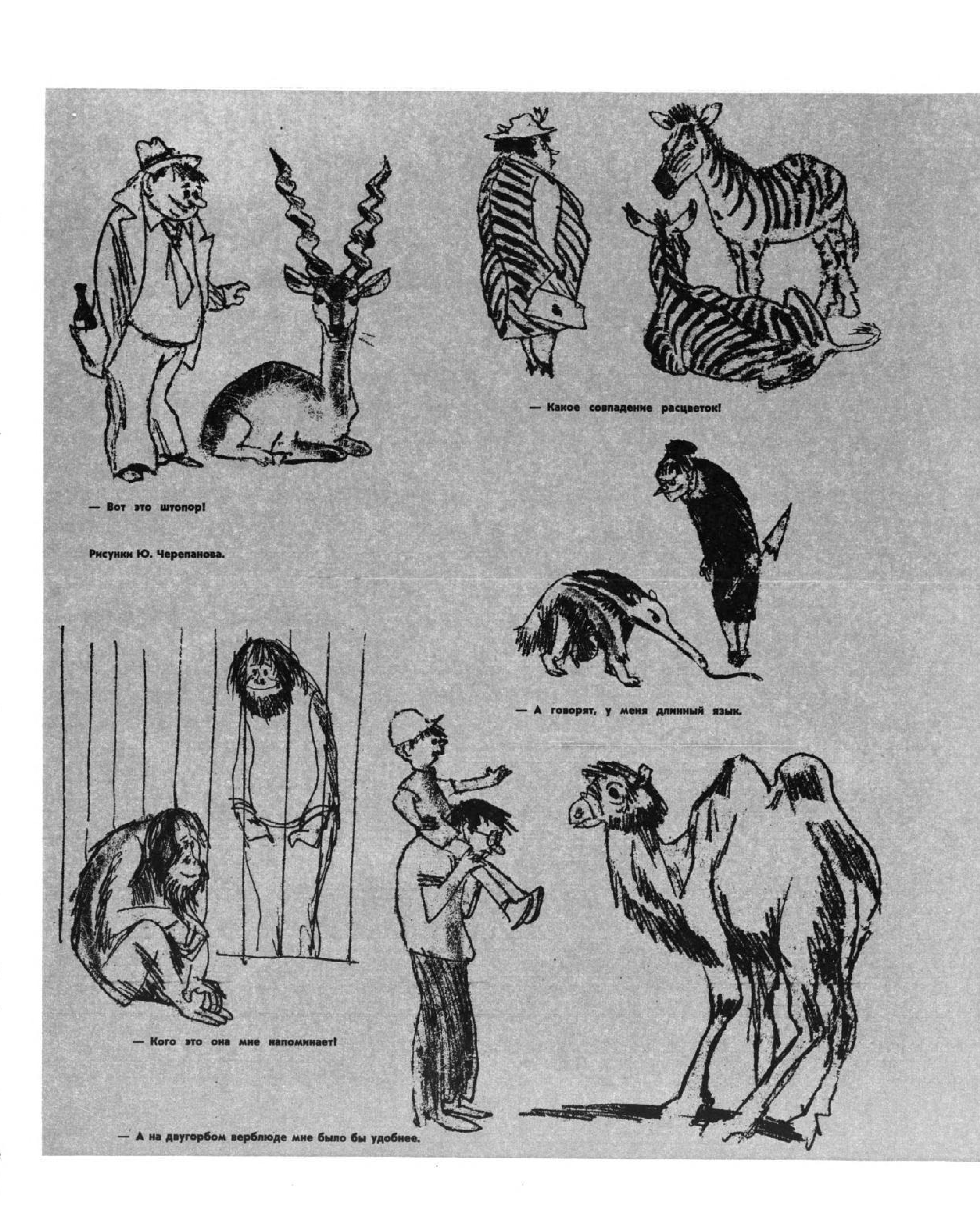

На первой странице обложки: Наши олимпийцы. Вверху — самый быстрый советский пловец Леонид Ильичев. Внизу — мировой рекордсмен в метании копья Янис Лусис и чемпион XVIII Олимпийских игр, метатель молота Ромуальд Клим (см. в номере очерк «Молот и копье»).

На последней странице обложки: Прыгун в высоту В. Скворцов. Финиш велогонки. Барьерный бег.

Фото Л. Бородулина, М. Боташева, А. Бочинина.

Copyrighted material

— Вот это штопор!

Рисунки Ю. Черепанова.

— Какое совпадение расцветок!

— А говорят, у меня длинный язык.

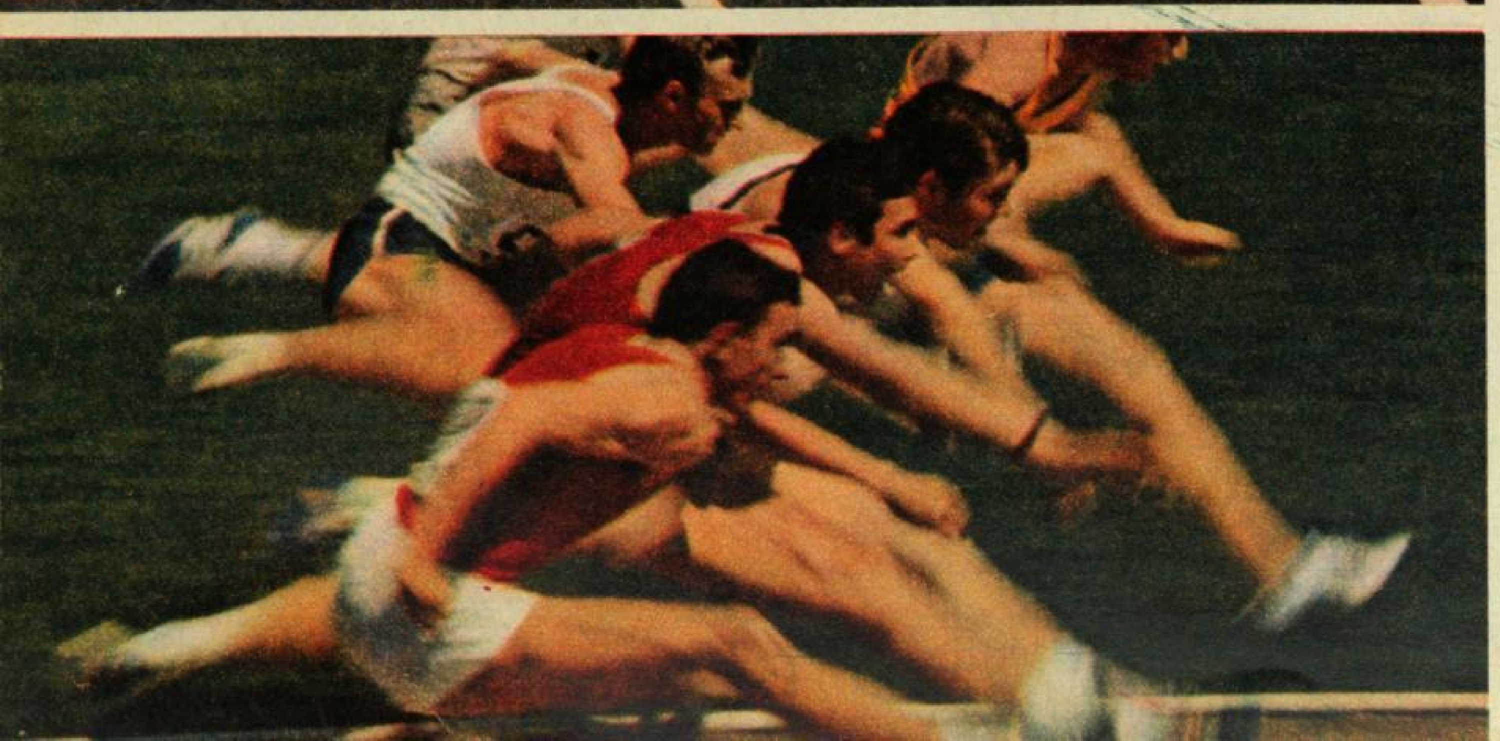
— Кого это она мне напоминает!

— А на двугорбом верблюде мне было бы удобнее.

Copyrighted material

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

Copyrighted material